This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Березайскій, V.

Анекдоты
или
Похожденія
Древнихъ
Пошехонцовъ

Второе изданіе

Исправленное, съ пріобщеніемъ повѣстей: о Жукѣ, о походѣ на Медвѣдя и Забавнаго Словаря, служащаго истолкованіемъ разныхъ Словъ.

Сочиненіе В. Березайскаго.

Смѣлся правду говорить,
Что намъ можетъ воспретить?

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
въ Типографіи Вишней Торговли
1821.

АНЕКДОТЫ
или
ВЕСЁЛЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ СТАРИННЫХЪ ПОШЕХОНЦОВЪ.

ИЗДАНІЕ НОВОЕ,

поправленное, съ прибавленіемъ повѣстей о Щукѣ и о походѣ на Медвѣдя,

и съ присовокупленіемъ

ЗАБАВНАГО СЛОВАРЯ.

Сочиненіе В. Березайскаго.

Ridendo dicere verum quid vetat?
т. е.
Смѣяся правду говорить,
Что намъ можетъ воспретить?

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ типографіи Департамента Внѣшней Торговли,
1821 года.

Печатать позволено

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Генваря 17 дня, 1821 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. И. Тилковской.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Благодушнѣйшее посвященіе сей книги Нянюшкамъ и Мамушкамъ . . . . . 5.

Письмо ЛЮБОВѢДА къ СЛОВОХОТУ, въ которомъ съ восхищеніемъ описывая распространившееся нынѣ повсюду просвѣщеніе и умножившійся торгъ книгами, проситъ онъ о сообщеніи ему Гисторическихъ преданій о достославныхъ Пошехонцахъ, кои, по мнѣнію его, можно смѣло издать въ свѣтъ для забавы читателей . . . . . 15.

Отвѣтъ СЛОВОХОТА къ ЛЮБОВѢДУ, въ которомъ похваляя намѣреніе его издать въ свѣтъ сказанія о Пошехонскихъ Витязахъ, соглашается присылать ему оныя . . . 24.

Посылка ПЕРВАЯ отъ СЛОВОХОТА къ ЛЮБОВѢДУ, содержащая въ себѣ во первыхъ, торжественное шествіе Пошехонцевъ на поклонъ къ новому Воеводѣ, и во вторыхъ, чудное и удивительное приключеніе съ рыбою Щукою, которую безкорыстный сей Воевода позволилъ Пошехонцамъ приносить къ себѣ каждое утро . . . . . 27.

Посылка ВТОРАЯ, въ которой описывается сильное усердіе Пошехонцевъ посмотрѣть на прославляемыя отъ всѣхъ Московскія диковинки, сперьва съ Пошехонской колокольни, а потомъ съ высокой ели . . . 41.

Посылка ТРЕТЬЯ. Пошехонцы не удовлетворивъ ни съ колокольни, ни съ ели, пламеннаго своего желанія, видѣть Москву, рѣшились пуститься своими особами въ славный сей городъ, и лично обозрѣть красоты его . 50.

Посылка ЧЕТВЕРТАЯ. Описаніе разныхъ преудивительныхъ съ Пошехонцами въ дорогѣ приключеній и встрѣчь, между прочимъ покупка ими у Егеря ружья и удачное употребленіе онаго . . . . . 58.

Посылка ПЯТАЯ. Новоизобрѣтенный Пошехонцами способъ готовить себѣ пищу въ рѣкѣ, безъ всякой посуды, и замысловатая переправа ихъ за рѣку, по неимѣнію тамъ моста . . . . . 65.

Посылка ШЕСТАЯ. Небольшая размолвка между Пошехонцами дорогою, кончившаяся пріятельскою схваткою; приключившаяся предводителю ихъ *Фалалейкѣ* нестерпимая зубная боль, и скорое изцѣленіе его отъ сей боли *такимъ средствомъ, на которое не всякой согласится* . . . . . 73.

Посылка СЕДЬМАЯ. Въ продолженіи пути Пошехонцевъ захворалъ у нихъ лихоманкою *Тарасъ Скотининъ; Доброхотъ Меркулычъ* отправляется за лѣкаремъ и странная встрѣча его съ Арапомъ . . . . 79.

Посылка ОСЬМАЯ. По выздоровленіи *Скотинина* Пошехонцы возвращаются на свою сторону, въ пресловутое Пошехонье, гдѣ въ почивальняхъ ихъ разводится множество

Стран.

блохъ; но они, по усердію къ нимъ славнаго Физика *Пологина*, узнаютъ самый вѣрный способъ отъ нихъ избавиться . . . . 88.

Посылка ДЕВЯТАЯ. Пошехонцевъ посѣщаетъ новый испытатель природы *Гольтяпонъ* и открываетъ имъ тайну высиживать безъ насѣдки цыплятъ, утятъ, гусятъ и всякихъ птицъ, какихъ угодно . . . . . 95.

Посылка ДЕСЯТАЯ. У Пошехонскаго мѣщанина *Бывалова* ночуютъ постоемъ солдаты; описаніе, какъ весело провели они сію ночь и какой прекрасной оставили Бывалову за ночлегъ подарокъ . . . . . 103.

Посылка ОДИННАДЦАТАЯ. Какимъ образомъ Пошехонцы поминали умершихъ своихъ родителей, сродниковъ и друзей; также удивительный ихъ способъ кормить коровъ травою, и странное произшествіе по случаю находки ими Серпа . . . . . 107.

Посылка ДВЕНАДЦАТАЯ. Загулявшіе въ Пошехонье коновалы научили тамошнихъ жителей варить похлебку изъ воды и камня . 119.

Посылка ТРИНАДЦАТАЯ. Рекрутской наборъ въ Пошехоньѣ. Новые воины отправляются въ Москву. Рѣдкая отважность и рѣшительность, оказанныя солдатомъ *Толстолобовымъ* на часахъ у своего Штаба . 126.

Посылка ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Пошехонцы пришедъ на ярмонку въ *Пугнево*, встрѣтились тамъ съ трубочистомъ и почли его

Стран.

за нечистаго духа; *сраженіе* ихъ съ симъ духомъ; горестное приключеніе съ *Микѣхою* на обратномъ ихъ пути, и какимъ образомъ бѣдной *Микѣха* оправился отъ своей болѣзни . 133.

Посылка ПЯТНАДЦАТАЯ. Повѣствованіе о Пошехонцахъ, смотрѣвшихъ, какъ разбивали городокъ на Выборгской сторонѣ, и объ удальствѣ натерѣвшаго земляка ихъ *Ванюхи* . . . . . 153.

Посылка ШЕСТНАДЦАТАЯ. о Походѣ на Медвѣдя. Удивительныя подвиги Пошехонцевъ при нападеніи на Медвѣдя, и плачевная участь смѣльчака *Яшки Тришкина*, посѣтившаго Медвѣдя въ самой его берлогѣ . . 163.

НЯНЮШКАМЪ

и

МАМУШКАМЪ

благодушнѣйше посвящаетъ

Безлестный почитатель ихъ

В. Б.

КРАСАВИЦЫ НЯНЮШКИ,

ЛЮБЕЗНЫЯ МАМУШКИ!

Нѣтъ достойной жертвы хвалы и благодарности, коею бы воздать вамъ возможно было за всѣ ваши неисчетныя благодѣянія роду человѣческому намъ грѣшникамъ. Такъ, — воистину! что горящій свѣтильникъ во тьмѣ, то вы точно во свѣтѣ. Дивный даръ вашъ поучать ввѣренныхъ смотрѣнію вашему младенцевъ убѣдительнѣе всякаго витіи. Ибо ученіе ваше не красноглаголиво токмо, но паче сильно, основательно, полезно, чисто, высоко, привлекательно, наставительно, сладостно, пре-прелюбезно; позвольте же и такъ сказать: патетическо, мистическо, еже есть: *умилительно* и *таинственно*. Сего ради, когда вы отверзаете уста ваши на проповѣданіе, всѣ васъ слушаютъ со благоговѣйнымъ вниманіемъ и вѣрою несомнѣнною. Кто бо можетъ прервать ваше разглагольствіе? И, и горе, горе бы послѣдовало тому, кто бы вздумалъ, или отважился ето

сдѣлать! Милыя мои! Не вы ли въ малолѣтныхъ слушателяхъ вашихъ по изволенію вашему производите смѣхъ, и извлекаете слезы... (*) — Да умолкнутъ отселѣ завистники и враги ваши! — Я за васъ отъ чистаго сердца буду ходатайствовать — буду взывать ко всему православному народу. Долго завистниками и недоброхотами вашими омрачаемая ваша слава, просіяла нынѣ во всемъ своемъ блистаніи и явилась во всемъ своемъ велелѣпіи: Уже изъ просвѣщенныхъ нынѣшняго порожденія (генераціи) нѣтъ ниединаго сомнящагося, что вы знаете для другихъ; и какихъ же? немогущихъ еще выговорить па-па, ма-ма, время сна и бдѣнія, часъ позыва на пищу, питіе, и проч., и проч. Есть десять лѣтъ теперь, какъ я сіе ваше нравоученіе помню, памятую. Но что болѣе и наичучше всего — вы исцѣляете, или пристойнѣе сказать, унимаете всякаго рода болѣсти и немочи: да и какъ же? — Никогда не отваживаясь на удачу: но все по наукѣ, — по правиламъ самымъ надежнѣйшимъ и дѣйстви-

(*) т. е. Когда пощекотите, или щипнёте ихъ *хорошенько*.

тельнѣйшимъ; на пр: если сядетъ у кого на глазу ячмень, то для прогнанія такого незванаго гостя, стоитъ только, по преславному вашему наставленію, къ тому глазу поднести кукишъ, приговаривая сіи спасительныя слова: ячмень! ячмень! вотъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то купишь, купижъ себѣ топорокъ, сѣки себя поперёгъ. Кто ето скажетъ, то съ той же минуты ячмень по малу начнётъ непримѣтно пропадать. Какое ето глазоцѣлебное пособіе! Коль легкое, коль скорое прогнаніе отъ себя недуга! Да и сколько, ахъ! сколько есть у васъ подобно тѣло и утробицѣлительныхъ (рецептовъ)! Такъ! право, правда! Но есть же лихіе люди, кои къ чувствительнѣйшему сожалѣнію всего рода человѣческаго вамъ, рѣдко, едва когда даютъ полную власть надъ дѣтьми своими. Эти лиходѣи, вы позволите сказать, своимъ единоутробнымъ чадамъ; ужъ чудо, чудо, когда приставляютъ васъ по семи къ одному дитяти. Но — за то, сіе щастливо рождшееся дитя еще въ пеленахъ суще, какимъ бываетъ для васъ и родителей своихъ утѣшеніемъ! Оно вѣкъ свой болѣе видитъ того, кто на него смот-

ритъ. И такъ какая надобность, хотя бы оно и объ одномъ зрячемъ было? (*) Въ сей безъ сомнѣнія не малолестной для васъ истиннѣ вы сами признаться можете и долженствуете. Но да не оскорбится скромность ваша, когда я продолжу хвалу вамъ! — Есть ли въ природѣ какая тайна, которая бы отъ всеобъемлющаго проницанія вашего могла укрыться? ахъ! чево-то, чево-то вы не знаете? — Вы лучше Брюсова календаря предсказываете войну по огненнымъ столбамъ, видимымъ на сѣверной отъ насъ части неба; и когда хорошенько, по пристальнѣе поглядите на оные, то тутъ же скажете, на чьей сторонѣ будетъ и побѣда. — Урожай и не урожай хлѣба по дознаннымъ опытомъ наблюденіямъ вашимъ вы предвѣщаете еще прежде посѣва. — Вотъ, что значитъ высокая и полезнѣйшая ваша изъ всѣхъ наукъ наука! Вы по собственному вашему календарю и вычисленію предугадываете намъ стояніе и перемѣну погодъ на все времена года. Ахъ, какъ сладко бѣсѣдовать съ вами! Какъ пріятно и любо глядѣть на ваши чудо-

(*) Припомнимъ, любезный читатель, что у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу.

дѣйствія!' Ну что мнѣ еще? — Вы, даромъ что не умѣете грамати, вертите какимъ то таинственнымъ образомъ псалтырь на ключѣ, повертываете рѣшетомъ, разводите бобами, наговариваете воду, когда что либо очень сокровенное узнать хотите — И въ случаѣ крайней необходимости, на прим: отыскать потерю, пропажу, любовь любимаго предмета, и проч., ученнѣйшія и премудрѣйшія изъ васъ глядятъ на кофій, или гадаютъ въ карты. — Словомъ, для разныхъ потребъ въ житіи человѣческомъ вы имѣете разныя средства, но всѣ равно дѣйствительныя и вѣрныя. — Правда, есть и изъ старичковъ, нѣкоторые тоже достойные и въ премногихъ случаяхъ пренадобные люди; но я не смѣю сравнить съ вами въ разсужденіи высокихъ и глубокихъ вашихъ свѣденій: со всею премудрою премудростію ихъ, они такую имѣютъ противъ васъ, милыя мои голубушки, разницу, какую доселѣ имѣла Саламанка предъ Кембричемъ, или вѣкъ Шкотовъ предъ Нютоновымъ. И если сущую правду сказать, кто бы безъ васъ протолковалъ и изъяснилъ намъ сонныя видѣнія

и грезы, какъ то, на примѣръ: что видѣнная во снѣ гора по пробужденіи означаетъ горе, рѣка рѣчи, дѣвица диво, кровь кровнаго, мертвецъ снѣгъ (хотя бы ето было въ самую межень), горохъ слезы, лошадь ворога, собака друга, шуба шумъ, или сильную размолвку, и прочее тому подобное, и всё равно сбыточное. Счастливъ, и пресчастливъ тотъ, кто знаетъ и соблюдаетъ ваши неопровергаемыя правила въ избраніи дня ѣхать въ дорогу, или въ начатіи какого новаго дѣла, и кто несомнѣнно съ вами вѣритъ, когда хороши, и когда худы встрѣчи. Да, родимыя мои, теперь сполагоря намъ разсуждать, что предвѣщаетъ чесаніе ладони, той, или другой, лба, переносья, локтя праваго и лѣваго, брови той, или другой, уха того или сего, и проч. и проч. также умываніе кошки лапою, поднятіе ногъ ея костылемъ, выскакиваніе изъ печи угля, стукъ въ окнѣ кузнечика, пѣніе пѣтухомъ курицы, карканье воронъ и галокъ, и проч. и проч. А — за всѣ сіи благодѣянія кому, какъ не вамъ, премногомилостивыя наши государыни должны мы воздать всю честь и благодар-

ность? — Безъ вашего предводительства мы слѣпые, можетъ быть никогда бы не выбрѣли на путь толикаго свѣта и уразумѣнія. О! — да, еще — вы знаете, какъ найти и достать кладъ, что тутъ надобно сказать, какъ взять, и проч. равно какъ и то, на какой день должно искать толь славную въ ботаникѣ вашей *разрывъ траву*, (*) которую къ какому замку ни приложи, всякой въ мѣлкія дребезги распадется, разлетитъ, развалится; лѣзь прямо, смѣло въ сундукъ и бери своею рукою, что хочешь: также на какой вечеръ душеспасительно лить воскъ, а особливо олово. — (*) О заговорахъ же вашихъ, ладонкахъ, корешкахъ, привѣскахъ, спрыскиваніяхъ, и особливо троекратномъ оканчиваніи съ песта, я, да и ни кто, развѣ ужъ невѣжа какой, не только ни слова, да и ни полслова. Уже и малые робята знаютъ, что сіи многоцѣлебныя пособія ваши суть безцѣнныя сокровища при изурокахъ, пострѣлахъ и родимчикахъ. Но что я такъ много разговорился? Всѣ толь душетѣлоспасительныя пред-

*) На Ивановъ день.
**) На Васильевъ вечеръ, т. е. на новой годъ.

писанія, сударыни мои, вамъ лучше знакомы, нежели намъ профанамъ свои на рукахъ десять пальцовъ. О, у, у — вотъ еще что — встающихъ изъ могилъ и прогуливающихся въ полночь мертвецовъ, колдуновъ, Буку, Ягу костяную ногу, Русалокъ, Кіевскихъ труболѣтокъ съ хвостами, домовыхъ, водяныхъ, лѣсовыхъ, и другихъ подобныхъ симъ оборотней, вы знаете лучше нежели Кощей безсмертный число, вѣсъ и мѣру своихъ сокровищей. — О глубокомъ же вашемъ свѣденіи въ Историческихъ произшествіяхъ, я, ни, ни. Загражду указательнымъ перстомъ уста мои. Ибо вы такъ твердо и основательно оныя знаете, что безъ всякаго труда изъ одного царства скорѣе брошенаго изъ пушки ядра помахиваете въ другое, и часто связи ради повѣствуемыхъ вами приключеній, сидя на одномъ мѣстѣ, быстропарнымъ вашимъ умомъ переноситесь въ одно мгновеніе за тридесять земель, за тридевять морей, въ подземельныя царства. — И такъ, вы уволите меня, возлюбленныя мои душечки, отъ малонужнаго труда приводить на всё сіе примѣры и доказательства, тѣмъ паче

что одно заглавіе систематическихъ и классическихъ вашихъ наукъ составило бы немаловѣсную книгу; однако не льзя здѣсь не упомянуть, что обладая толикими совершенствами, вы, какъ и всѣ православные, не опускаете по Горацію, совокуплять полезное для себя съ пріятнымъ (*). Нѣтъ, ужъ нѣтъ моихъ силъ и ума разума перечесть всѣ ваши достоинства, Позвольте прейти молчаніемъ рѣдкое благородство и безкорыстіе ваше. Вы не скрываете подъ спудомъ, по примѣру неблагодарнаго, неключимаго брата вашего, талантовъ вашихъ; но благодушно сообщаете оные всѣмъ человѣкамъ въ пользу живущихъ и въ наученіе потомству. О, охъ сколь было бы неблагодарно послѣднее, если бы оно забыло чудесныя преданія и вѣчную память вашу! — Для отвращенія зла сего вздумалъ я предать тисненію кой какія сказанія о славившихся нѣкогда на бѣлѣ свѣтѣ проидошахъ Пошехонцахъ, и украсить оныя препрославленными вашими именами и титлами. Ирои велики, предметъ важенъ, и единою ва-

(*) *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.*

шею кистію достолѣпно намалеванъ быть только можетъ; для начинающаго же тащиться по стопамъ вашимъ онъ не такъ-то легокъ, какъ инымъ подумается. Дѣло новое! И такъ помогите мнѣ, благодѣтельницы рода человѣческаго, сколько можно лучше воспѣть иройскіе великихъ нашихъ мужей подвиги, и дѣянія ихъ весь свѣтъ насмѣшившія; охъ, нѣтъ! я ошибся; весь свѣтъ удивившія. Позвольте, я не льщу себя тѣми лаврами, коими вы себя увѣнчали; а вотъ и причина: вы сами мнѣ, не помню какъ то сказывали, что перомъ написать не въ сказкѣ сказать; а я къ етому прибавлю: читаютъ не одни малые, а и возмужалые. Добро, ладно, — примемся-ко мы лучше за самое дѣло, и станемъ расказывать, какъ, что, гдѣ и когда было и происходило. Спокойная вамъ ночь и пріятной сонъ. (*) Valete Domin& prostantissim&, до завтрева.

(*) Дописывано сіе передъ полночью.

ЛЮБОВѢДЪ къ СЛОВОХОТУ.

Любезный и почтеннѣйшій другъ мой, Н. П! Кажется, нынѣ у насъ люди становятся очень просвѣщенны. Самъ ты припомнишь, что за весьма не долго предъ симъ лѣтъ торговать книгами у купечествующихъ не почиталось торгомъ. Ежели ими и перебивали нѣкоторые мелкотравчатые торгаши, то безъ коммерческой дальновидности, (т. е. Спекуляціи); и гдѣ же? — Спыжусь сказать, въ толкучемъ ряду, (что противъ Банка который сгорѣлъ съ шубнымъ рядомъ), вмѣстѣ съ желѣзными обломками, съ падовыми, горячими пирогами, на рогожкахъ, или на тѣхъ самыхъ ларяхъ, въ коихъ на день цѣпныхъ собакъ запирали; такъ что и подойти бывало ужасно. Да, и какія же книги были? — Коли несплошь, то большею частію, разница, дефекты изъ дефектовъ, иноземщина, старь — запачканныя, изорванныя — Ну сущій дрязгъ — ета безъ начала, та безъ конца, а ета безъ того и другаго, у етой же брюхо, какъ ножомъ выпорото; словомъ, всякой вздоръ, всякая дрянь, лишь бы лавочнику попалось что нибудь посходнѣе изъ книжнаго товара, коли не на

то, такъ на другое, коли не для просвѣщенія ума, такъ на обвёртки разнаго званія продаваемыхъ ими вещей и субсидій нашихъ. И сіи то, тогда толь именитые купцы имѣя въ виду какой нибудь главной промыслъ, да и не одинъ, на торгъ книгами глядѣли, какъ называется, сквозь пальцы. Я не говорю уже о другомъ чемъ; — Блинами, пряниками, сосульками, валенцами, збитнемъ, кислыми щами, бузою, мякушками и всякимъ съѣстнымъ припасомъ, они считали для себя выгоднѣе торговать, нежели сею душевною пищею просвѣщающею умъ нашъ. Да правда ихъ и винить въ етомъ нельзя. Они по тогдашнимъ обстоятельствамъ имѣли довольныя свои на то причины. — Но нынѣ благодаря умудренію и дѣятельности ума человѣческаго, какое видимъ различіе! Однѣ только книжныя вывѣски — такъ мило глядѣть! — а въ лавку войдешъ, словно въ какой премодной магазинъ — Нѣтъ; етого мало сказать — словно въ самый храмъ наукъ, во храмъ самыя Минервы — Не вышелъ бы — Какая чистота! Какой распорядокъ книгъ отъ полу до самаго потолка! Какое на корешкахъ ихъ сіяніе! Право ето одно очаровываетъ зрѣніе покупателя и восхищаетъ его душу. Такъ, любезнѣйшій другъ мой, есть на что поглядѣть и полюбоваться, есть что выбрать для препровожденія времени и съ пользою и съ пріятностію. Я видѣлъ тутъ однихъ именъ сочи-

нителей Рускихъ, и то уже давно, почти въ началѣ всенароднаго въ Россіи просвѣщенія, цѣлую книгу въ Москвѣ напечатанную, и то она была только одинъ опытъ. Памятна же ета книжка мнѣ тѣмъ, что какъ раскрылъ я ее, то попался мнѣ самоучкою выучившійся и удостоившійся быть Директоромъ Россійскаго Театра славный Волковъ, и сказанные стихи его на нѣкоего Конногвардейскаго Офицера, славившагося иногда ѣздока. Вотъ они:

Всадника хвалятъ: хорошъ молодецъ!
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ!
Полно не спорьте; и конь и дѣтина,
Оба красивы; да оба скотина.

Все ето однѣ шутки и смѣшки! старые лясы, балясы! —

Но съ 1783, и особливо съ 1811 годовъ, какое обширное поле открылось способностямъ и дарованіямъ для сверженія съ себя гнета невѣжества! Благостію благословеннаго нашего Монарха АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА I, учрежденныя вновь разныя ученыя заведенія породили новыхъ порядочныхъ авторовъ и благоразумныхъ руководителей юношества въ чертогахъ просвѣщенія, авторовъ, говорю, и учителей, развѣ малымъ чѣмъ уступающихъ первокласнымъ предшественникамъ ихъ, славнѣйшимъ отечественнымъ нашимъ писателямъ

и Педагогамъ. Таковы суть плоды новоучрежденныхъ высшихъ училищъ! — Но не забудемъ здѣсь и нисшія школы, въ коихъ юноши какъ сѣмена въ разсадникахъ, растутъ и пріуготовляются къ усовершенію себя во всѣхъ возможныхъ уму человѣческому наукахъ и познаніяхъ. — Источники свѣта, благонравія и слѣдовательно блаженства всеобщаго, истекающіе отъ благодатнаго Престола разливаются нынѣ обильными струями по всей обширнѣйшей и щастливѣйшей въ свѣтѣ Имперіи — на всѣ состоянія обоего пола, на каждаго подданнаго, единовѣрнаго и разновѣрнаго! —

Теперь то, кажется, никто уже не скажетъ намъ: да къ чему ваше толь расхваляемое ученіе, просвѣщеніе? Какая отъ него польза? — а ученые, дискать, какъ мы видимъ, Рускихъ, а особливо церковныхъ *Божественныхъ* книгъ почти не читаютъ, молятся Богу какъ вертопрахи, креста на лбу не положатъ порядочно, (*наушко*: пусть это будетъ и правда нѣкоторымъ образомъ), а всё какую то Нѣметчину, Французькія и изрѣдка, изрѣдка Латынскія. На таковый и подобной вопросъ, если бы кто предложилъ его намъ, мы отвѣтимъ, не приводя разнообразныхъ въ житіи человѣческомъ происходящихъ отъ ученія пользъ, потребъ и выгодъ нашихъ, представимъ вотъ одно самое явное и достопамятнѣйшее доказательство.

Война въ 1812 году, вѣроломно нашедшихъ на насъ Галловъ, и съ ними двадесяти языкъ, война, ужаснувшая насъ въ первоначаліи, и правду сказать, не безбѣдственная, не ослабила однако духа бодрости, духа мужества сыновъ нашего отечества, не только не погасила въ сердцахъ нашихъ пламенѣющей искры любви къ Царю и отечеству, искры наслѣдованной нами отъ отецъ отцевъ нашихъ, искры всегда питаемой въ адамантовыхъ грудяхъ нашихъ; но паче возжгла ее и воспалила. — И отъ сей-то вдругъ вспыхнувшей и возгорѣвшей искры сколько проявилось отечественныхъ у насъ сочиненій въ обѣихъ родахъ краснорѣчій, въ духовномъ и мірскомъ! — Колико трогающихъ сердце и раздирающихъ такъ сказать, душу, наставительныхъ воззваній и миролюбныхъ поученій въ храмахъ Господнихъ къ православному нашему народу, убѣждающихъ къ единодушному супостата преодолѣнію, низложенію, попранію, согнанію со лица земли Рускія. Сколько, въ ето самое нерадостное время, вышло въ свѣтъ разныхъ, иногда, якобы шуточныхъ по видимому, въ самомъ же дѣлѣ наставительныхъ и поучительныхъ сказаній и написаній! — Колико глубокомысленныхъ размышленій и вмѣстѣ забавнѣйшихъ картинъ!

Теперь вопросимъ мы сопротивника нашего, и то развѣ изверга какого, какою силою низ-

ложили и прогнали мы враговъ нашихъ. Какою?—скажемъ мы въ отвѣтъ: Силою креста Господня, силою вѣры и любви, опорою своихъ крѣпкихъ грудей. — Да чѣмъ вопросимъ мы его, возжглись сіи адамантовы груди?— Единымъ пособствованіемъ возбужденій ума, воздвизаемыхъ единою любовію къ Отцу Отечества, любовію ко бѣлой Руси, ко самимъ себѣ. Такъ — Благовѣрные! — Мы не отразили токмо и прогнали непріятеля, но разбили его въ пухъ, на голову, побѣдили во удивленіе всего бѣлаго свѣта, восторжествовали и днесь ликуемъ: да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ I. Ура! ура! нашимъ Русскимъ благовѣрнымъ воинамъ! Ура! мирнымъ поселянамъ со женами и дѣтьми ихъ!—

Вотъ плоды просвѣщенія! —

А сколько переводовъ съ разныхъ языковъ, а особливо съ Французскаго, и говорить нечего! Всѣ превосходнѣйшіе классическіе авторы разныхъ народовъ и вѣковъ, читаются на нашемъ языкѣ, словно въ подлинникѣ; да не наше дѣло судить о переводахъ: Предоставимъ это особаго рода ученымъ и знатокамъ, рецензорамъ; *всякое* дискать *дѣло мастера боится*, изстари идетъ пословица. Самъ Апеллесъ выставившій живописную свою картину на показъ всѣмъ, и спрятавшись за нею сапожнику, цѣнившему ее до предѣла голени порядочно, все спускалъ,

но когда етотъ бахвалъ началъ было выше голенищъ простирать свои сужденія; тогда живописецъ изъ-за картины съ досадою вскричалъ ему: *Ne sutor ultra crepidam!* Но довольно о семъ: Публика озарилась свѣтомъ ученія, полюбила чтеніе. Ето истина явствуетъ изъ того, что всѣ отъ великаго до малаго, отъ преученаго до сущей невѣжды, отъ умнаго до дурака, всѣ стараются заводить библіотеки, учебные кабинеты, естественныя и художественныя собранія, или по крайней мѣрѣ многія опредѣляютъ для оныхъ мѣста. — Но все ето дѣло почти постороннее. Я вотъ что хочу тебѣ сказать, для чего никто изъ соотчичей нашихъ, при толь благопріятныхъ обстоятельствахъ для писмословія, не вздумаетъ чего нибудь написать о Пошехонцахъ. Право, ето чудно. Когда объ нихъ разговариваютъ, то всѣ слушаютъ съ удовольствіемъ, пріятною улыбкою, и даже смѣхомъ близкимъ къ хохоту. Я ето самъ не одинъ разъ видѣлъ и записывалъ карандащемъ въ карманной моей пустой книжкѣ. — Нѣтъ, кажется, человѣка, кто бы не слыхалъ и не зналъ объ нихъ какой нибудь исторійки, и не полюбопытствовалъ узнать объ нихъ болѣе. Право, ето чудно; едакая книжка по всему вѣроятію не сдѣлала бы своему Автору подрыва. Въ ней можно помѣстить довольно забавнаго, не нанося никому обиды: Ибо истые Пошехонцы перевелись, и слѣдователь-

но повѣствуемаго объ нихъ никто на свой щотъ не приметъ, — да ето бы и смѣшно было. — Что мнѣ нужды, что въ томъ сельцѣ, гдѣ я родился, были дураки и даже сумасшедшіе. Всякъ идетъ своимъ путемъ.— А сверхъ всего позволь сказать и ето: Не все закупорившись, такъ сказать, въ Діогенову бочку, и нахмуривъ медвѣдеобразно брови свои бесѣдовать съ Аристотелями, Платонами, и прочимъ ихъ причтомъ. Самая премудрость говоритъ: *ученіе многое трудъ плоти.* И такъ надобно иногда почитать, или поглядѣть *Недоросля, Хвастуна, Мѣльника, Ѳедула,* что губы надулъ, и проч. и пр. Ето дѣло по моему мнѣнію безгрѣшное и безобидное. Такъ! — Климатъ нашъ хоть и суровенекъ, по правдѣ маткѣ сказать; однако не всегда же бури и ненастья, бываютъ тихіе, свѣтлые, пріятнѣйшіе дни. Мы видимъ, что сама природа, представляющая преемственно чувствамъ нашимъ толь разнообразные предметы, какъ то: мглистые туманы, и ослѣпляющіе зрѣніе молніи, глубокіе снѣги, окованныя льдомъ быстрыя воды, и зеленопестрыми коврами одѣтыя поля, алѣющіе цвѣты; опадъ пожелтѣвшаго и изсохшаго листвія, и созрѣвающіе разноналивчатые плоды, приглашаетъ человѣка, въ минуту къ нему своего благорасположенія, къ его возвеселенію. Да и по истиннѣ сказать: — Какая нужда обществу въ томъ, что такой-то измѣряетъ землю,

глубину морей, высоту и пространство небесъ, а самъ укрывается отъ сообщества всѣхъ людей, сидитъ одинъ, день и ночь упершись носомъ въ стѣну, или въ промерзлый уголъ. Ето, право, не весьма лакомый намъ веселымъ робятамъ собесѣдникъ. Короче: извѣстны тебѣ Абдериты *Виланда*, Донъ Кишотъ съ другомъ его Санхою Пансою *Сервантеса*, умныя шутки *Еразма Роттердамскаго*, Жилблазъ *Ле-Сажа*, и проч. Вѣдь хороши же они, всѣ говорятъ. Поусердствуй друже мой, чтобъ наши притчи во языцѣхъ не ударили въ грязь худо размалеванною своею рожею. — Любезный Словохотъ! Къ тебѣ склоняю я рѣчь свою. Сколь много увеселялъ ты бесѣды наши повѣствованіями своими о Пошехонцахъ, Галичанахъ, Костромитянахъ, Чухломитянахъ, и проч! — Теперь я сталъ отъ тебя далекимъ далеконько. Не откажи мнѣ въ моей покорнѣйшей прозьбѣ. Не можешь ли ты сообщать мнѣ Гисторическія преданія о достославныхъ Пошехонцахъ, хотя помаленьку? — Сказать ли тебѣ, что мнѣ пришло въ голову — я думаю собравъ нѣсколько сего рода повѣстей, выдать оныя въ свѣтъ сперва небольшою книжкою для забавы читателей, а послѣ, ежели увижу, что начало сіе будетъ принято благосклонно, то постараюсь выдать и продолженіе. И такъ — одолженіемъ симъ, о коемъ я прошу тебя именемъ всѣхъ охотниковъ, ты меня

наичувствительнѣйше обяжешь. Ибо я надѣюсь имъ сдѣлать угожденіе всѣмъ книгочіямъ; а если ето сгоряча сказано много, такъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вѣдь, и то не дурно; всё лучше, нежели ничево. По малой мѣрѣ мнѣ такъ думается. — Буде же кто скажетъ намъ, что остающееся отъ должности время, т. е. свободное, или почти свободное, можно бы дискать употребить на что нибудь лучшее — въ етомъ я не спорщикъ, а по просту скажу, что можно и на хуждшее. — И въ етомъ упоминаніи наше дѣло не будетъ ли то, что называется, серёдка на половинѣ? а вѣдь, *Medio tutissimus ibis.*

Любовѣдъ.

С. П. Б.

СЛОВОХОТЪ къ ЛЮБОВѢДУ.

Любезный другъ мой! Предпріятіе твое мнѣ тѣмъ болѣе нравится, что я и самъ, правду тебѣ сказать, давно уже объ етомъ изданіи и думалъ и думаю; да вотъ та бѣда, что не могу собраться съ мыслями, какъ приступить къ самому-то дѣлу. На словахъ-то все таки коё какъ можно; ибо не всякое изъ нихъ ставится въ строку; а написать на бумагѣ и выдать въ свѣтъ совсѣмъ иное дѣло: вѣдь что напишешь пе-

ромъ, того опослѣ не вырубишь и Галицкимъ топоромъ, говорится пословицей. — Сверхъ же всего етого гдѣ ты возмешь достаточное собраніе сказаній объ етихъ витязяхъ? — Всякъ объ нихъ что нибудь слыхалъ и знаешъ, говоришь ты; но зачни же спрашивать, то увидишь самъ, что не такъ-то скоро нападешь на знатока и словохотника. Когда что надобно, то-тутъ тово и нѣтъ, самъ ты знаешь. — Я право самъ плохой знатокъ въ исторіяхъ, кои и слыхалъ въ робячествѣ, тѣ теперь вышли изъ памяти. Въ наши, братецъ, годы, на умѣ не басни. Онѣ, слыхалъ ты, соловью плохой кормъ. (*) Однако отъ искренняго усердія моего, съ каковымъ я всегда старался исполнять твои желанія, не могу преминуть, чтобъ и въ етой твоей благонамѣренной прозьбѣ не оказать тебѣ должнаго моего послушанія. — Были бы только тебѣ старыя мои побаски въ угоду и пользу; я радъ тебѣ услужить ими, сколько могу, съумѣю, сколько станетъ силъ моихъ. Гдѣжъ чево по твоему недостаетъ, изволь самъ дополнить; худо сказанное поправь; гдѣ болтону оляповото, выдумай поумнѣе, напиши складнѣе; что не такъ, передѣлай по твоему вкусу, и выдай въ свѣтъ въ такомъ видѣ, какой тебѣ будетъ благо-

(*) *Соловья басни не кормятъ.* Старинная Русская наша пословица.

угоденъ. Предметъ етотъ почти стихотворческой, слѣдовательно и вольности стихотворческія, хотя нѣкоторымъ образомъ намъ позволительны. (*) Впрочемъ, кто еще знаетъ; можетъ быть мы етимъ слабымъ опытомъ подадимъ кому нибудь поводъ отдѣлать етотъ предметъ лучше, такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы онъ не только не уступалъ Донъ Кишоту, Абдеритамъ, но и — и превзошелъ ихъ. Были бы только матеріалы; а строиться ужъ можно. Ахъ! — Какъ бы порадовалось етому родительское, отеческое мое сердце! — Посылаю тебѣ первое сказаніе о господахъ Пошехонцахъ; дѣлай съ нимъ что изволишь; правь, марай, крести, вставляй; И за симъ прощай.

Нелицемѣрный твой доброжелатель

Словохотъ.

Городъ Галичь,
годъ нынѣшній,
мѣсяцъ на небѣ,
число въ святцахъ.

P. S. Ты шутъ, да и я въ старые годы любливалъ побахиривать, ха! ха! ха! Какъ вспомню... Думаю, въ память тебѣ, какъ М. Г. на именинахъ — а я и теперь не могу удержаться отъ смѣху — похохотали, — побалагурили — Ну ужъ то-то повеселились! но все проходитъ вмѣстѣ со временемъ! Ахъ, одни остались вздохи да воздыханія! . . . и гдѣ есть радость безконечная? . . . .

(*) *Poetis omnia licent.*

ПОСЫЛКА ПЕРВАЯ

ОТЪ СЛОВОХОТА КЪ ЛЮБОВѢДУ.

Ну, слушайте, начинается притча.

Въ Ярославской Губерніи при рѣкѣ Согожѣ, обиталъ древлѣ народъ именуемый Пошехонцами, и управляемый по тогдашнимъ обычаямъ Воеводами. Столица ихъ и по нынѣ пребываетъ на томъ же мѣстоположеніи, и подъ тѣмъ же извѣстна именемъ; но жители совсѣмъ стали не тѣ; они такъ переродились, что ни на волосъ не походятъ на своихъ предковъ. Отъ перемѣны климата, или отъ сообщенія съ другими народами ето происходитъ, я ни того, ни другаго, хотя и знаю; не утверждаю; ибо намъ въ етомъ нѣтъ большой нужды. Ето дѣло касается ученыхъ; имъ и толковать о семъ предоставляется — а наша цѣль со всѣмъ другая — Сколь счастливы на выдумки, ловки, развязны, толковы, расторопны были оные древніе Пошехонцы, покажетъ слѣдующее.

Когда по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, (сказываютъ все по несправедливымъ наговорамъ и наушничеству) старый ихъ Воевода Взяткольбъ отъ правительства смѣненъ былъ другимъ по прозванію Щукою; то сіи свѣтъ знающіе люди сочли за долгъ

отдать поклонъ сему новому своему градоначальнику. Въ слѣдствіе чево собрались они въ самое укромное мѣстечко, а именно въ подовинникъ, чтобы никто не мѣшалъ думать крѣпкую думушку, какъ бы все ето сдѣлать и лучше и прекраснѣе. Ибо имъ не хотѣлось, какъ говорится, на первой случай ударить себя лицомъ въ грязь. И такъ по долгомъ между собою совѣтованіи, прѣніи и небольшой схваткѣ, наконецъ они положили для поздравленія отправить къ нему нѣсколькихъ депутатовъ, кои по лѣтамъ своимъ, разуму, опытности и знанію свѣтскаго обхожденія наиболѣе были уважаемы. — Хотя они и не отчаявались къ благородному сему гостю придти прямо, то есть, съ передняго крыльца; (ибо у Воеводъ для случая важивалось и заднее); однако, дабы изъявить ему ощутительнѣе свое усердіе, они не хотѣли предстать предъ него съ пустыми руками. Новое затрудненіе! что принесть, не знаютъ: опять собираются въ угромонное мѣсто, засѣдаютъ, думаютъ, умудряются — Долго-ли, коротко-ли ето продолжалось, намъ до того нѣтъ дѣла — хоть день другой и погадали, да ужъ за то и выдумали — бѣленькаго барашка въ бумажкѣ? Скажетъ иной. Нѣтъ; для нихъ ето яко не новое, плевъ, безделя. Крестамъ же да перстнямъ, какъ тогда важивалось, они справедливо предпочли то, что будетъ оныхъ похлѣбнѣе и посытнѣе. И такъ въ

послѣднемъ ихъ засѣданіи опредѣлено было отъ всего міру поднести дары самые лакомые и дорогіе, а именно: горшокъ величиною съ добрую карчагу, что платье парятъ, соложенаго грѣшневаго теста, и еще живаго на тотъ случай къ счастію ихъ пойманнаго ворона, (не знаю, для забавы дѣтямъ воеводскимъ, или на жаркое) а сверхъ того столько невысиженныхъ курочекъ съ яичкомъ, пѣтушковъ съ гребешкомъ, то есть: свѣжихъ яицъ, сколько было домовъ въ городѣ. — Горшокъ съ тестомъ по праву старшинства взялся нести на головѣ *Самъ*, сирѣчь, Староста *Непромахъ*, лукошко съ яицами Выборной *Угаръ*, а ворона Соцкой *Хватъ*. За ними должна была слѣдовать вся отборная свита въ самомъ лучшемъ, какъ можно себѣ представить, снарядѣ и убранствѣ. Во увѣнчаніе же всего, уговорились они воеводу привѣтствовать слѣдующею рѣчью: „Здравствуй кормилець нашъ и съ „кормилицой и съ цецеревятками. —“ Но дабы удобнѣе привѣтствіе сіе заманить въ голову, и не ошибиться какъ нибудь во время говоренія, они взяли предосторожность раздробить его на три части. Староста по уговору ихъ долженъ былъ сказать начало привѣтствія: *Здравствуй кормилець нашъ*, Выборной послѣ него продолжать: *и съ кормилицой*, а Соцкой заключить: *и съ цецеревятками*. Дары изготовлены; привѣтствіе сочинено и выучено. И такъ боль-

шая половина дѣла сдѣлана — остается только сходить и отшаркать ногами. — Уже пѣвуны въ послѣдній разъ пропѣли по полуночи; уже густой дымъ изъ избъ валитъ столбами, разстилается и омрачаетъ небосклонъ Пошехонья. Предзнаменованіе воистинну не доброе — и пресловутый оный градъ приходитъ въ нѣкоторое смутное движеніе, старые обоего пола бродятъ какъ угорѣлыя кошки; а молодые глядя на нихъ совсѣмъ безъ души; Словомъ всѣ, какъ изумленные на подобіе тѣней шатаются семо и овамо, опустя буйныя свои головы. Но мудрые вожди наши ни мало не взираютъ на сіе всеобщее уныніе своей веси, и посмѣваются внутренно суевѣрію простолюдиновъ. Толикое есть преимущество просвѣщенія предъ невѣжествомъ! — Посольство въ готовности, и любуясь своимъ убранствомъ, любуется само собою, гордится сдѣланною ему довѣренностію, и предъидущему съ горшкомъ на головѣ теста тихими и важными стопами Старостѣ, при восклицаніяхъ народныхъ начинается великолѣпное шествіе къ дому воеводскому, сопровождаемое несмѣтною толпою зрителей — переходъ былъ не далекъ; и потому сія главная процессія къ сожалѣнію зрителей кончилась скоро. Уже проидоши наши у воротъ воеводскихъ; дароносцы лѣзутъ первые на крыльцо по своему чину; но имъ путь преграждается: Тутъ доносятъ они о причинѣ своего при-

шествія, и чрезъ малое время имъ входъ во внутренніе покои отверзается. Какова имъ была первая встрѣча отъ Воеводы, ето заподлинно неизвѣстно; только надобно думать, что не худая. Ибо дары были покрыты, какъ водится; Воевода же былъ хоть и Щука, сирѣчь проныра, однако не сердцевѣдецъ. И такъ кто какъ хочетъ, такъ себѣ и думай. По крайней мѣрѣ ихъ по достойнству проводили; а ето еще лучше и встрѣчи. Сказываютъ, что *Непромахъ* глава и краса всего посольства, уже какъ рыбка на льду переводилъ одышку, и набиралъ въ себя поболѣе воздуху, готовяся начать огромное и высокое привѣтствіе, какъ нечаянно споткнувшись о порогъ, всею силою шарахнулся оземь. Другіе же говорятъ, будто у него на етотъ разъ развязалась оборка, и что-де Выборной плутъ наступивъ на волокшійся по полу ея конецъ, своею неліогкою, былъ всею причиною толь скоропостижнаго его колѣнопреклоненія. — Да полно какое намъ до етого дѣло? Непромахъ нашъ цапнувшись рыломъ ополъ, охнулъ изъ глубины сердца съ визгомъ, и въ шоропяхъ молвилъ: *О цортъ бы ци задавилъ!* — Выборной не вслушавшись хорошенько въ его слова, и считая оныя за привѣтствіе предуготовленное ими Воеводѣ, тотчасъ подхватилъ: *И зъ кормилицей*, а Соцкой довершилъ: *И зъ цецеревятками.* Привѣтствіе сказано; теперь остает-

ся только дары сбыть съ рукъ долой. Церемонія ета истинно стоила бы того, что бы поглядѣть ее; но мы за невозможностію ее видѣть, по крайней мѣрѣ хоть послушаемъ объ ней — Староста не успѣлъ, такъ сказать, хватиться носомъ ополъ, какъ горшокъ съ головы его всѣмъ отверстіемъ своимъ бацъ въ лицо Воеводѣ, и словно пріятель какой, ну съ нимъ цѣловаться, да миловаться. Воевода не приготовившись къ сей нѣжной сценѣ, такъ двинулъ его кулакомъ по боку, что реченный ласкатель весь разбился въ дребезги, только брызги полетѣли. Выборной, желая соблюсти въ точности данное себѣ наставленіе все, какъ должно, дѣлалъ свои *па* впередъ; но какъ то грѣхъ своихъ ради нечаянно наступивъ на шею Старостѣ, и нехотя, долженъ былъ прикурнуть съ нимъ вмѣстѣ. Лукошко изъ рукъ его на полъ какъ громъ, а яица покатились во всѣ стороны, только до Воеводы онѣ не достали; ибо ему что-то вздумалось отъ гостей по отдалиться. Соцкой, не именемъ только, но и самымъ дѣломъ Хватъ, поступилъ прямо похвацки. Онъ видя, что товарищи его дары свои съ рукъ сбыли, смѣкнулъ что и ему зѣвать нечево. Подступилъ, какъ надлежитъ, къ Воеводѣ, и подавая ему ворона, выпустилъ его изъ рукъ, не давъ Воеводѣ протянуть своихъ для принятія сей птички. Воронъ въ торопяхъ, какъ угорѣлой, прямо махъ въ гла-

за Воеводѣ, и крыльями своими такъ плотно осѣнилъ его по макушкѣ, что заставилъ его сдѣлать самому себѣ почтительной книксенъ; и потомъ отъ Воеводы словно бѣщеной, бросился считать стекла то въ той, то въ другой оконницѣ. Стекла внутрь и внѣ покоевъ бренчатъ, какъ гусли, стукъ словно отъ каретъ въ миліонной, шумъ какъ въ торговой банѣ, или на превеликомъ пожарѣ. Словомъ, во всемъ домѣ такая поднялась суматоха, что хоть святыхъ вонъ понеси.

Дѣти Воеводскія и съ нянюшками разбѣжались отъ гостей, всѣ какъ мыши по норамъ — кому куда ближе. Воеводша вообразивъ, что домъ ихъ посѣтили тѣ бесплотные красавцы, безъ коихъ ни одна мельница не строится, и баня во странѣ ихной не топится, отгоняла ихъ крестомъ и молитвою; однако всё тщетно. Владыка дому самъ оторопѣлъ; стоитъ какъ изумленной, протираетъ себѣ глаза; ибо соложеное грешневое тестечко оные ему гораздо позаслѣпило — о шлафоркѣ его нѣтъ дѣла; говорятъ, что онъ въ тотъ же день велѣлъ его ночи двѣ три для подновленія цвѣту, попарить хорошенько въ луковомъ перьѣ. Но бросимъ такія маловажности, а возвратимся лучше къ своимъ низкопоклонникамъ. — Непромахъ еще не всталъ, только поворачивается, какъ сыръ въ маслѣ; передъ у него съ ногъ до головы въ тестѣ, спина словно въ яишницѣ, а лицо не въ примѣръ будучи, какъ у

зарѣзанаго барана. Въ беспамятствѣ, хватается онъ руками то за затылокъ, то потираетъ себѣ лобъ, то поглаживаетъ виски. Угаръ малымъ чѣмъ его лучше; корчится, кривляется; подуваетъ что-то на руку, попавшуюся подъ лукошко, и легохонько прячетъ ее за пазуху: серонѣмецкой его кафтанъ, отъ разбитыхъ яицъ сдѣлался блѣднопалевымъ: лицо какъ у святошнаго, такъ что и отецъ родной тогда не узналъ бы его. Соцкой Хватъ то же схватилъ на калачи себѣ. Да правду матку сказать, досталось и всѣмъ сестрамъ по добрымъ серьгамъ. Воевода прежде всѣхъ отъ изумленія опамятовавшійся, не долго далъ поздравителямъ своимъ, однимъ нѣжиться, а другимъ ротозѣить — закричалъ: ей! — малой! — свиснулъ, зазвонилъ — набѣжало, наскакало, словно бѣшеныхъ — сказалъ, указалъ — начали, приняли, безъ разбору и бережи, кому чѣмъ ни попало, кто черепьемъ, кто яйцами, и руками и пинками, кто въ носъ, кто въ зашеекъ, кто орясиной послѣ дяди Герасима, и по ушамъ, и по плечамъ, крестить, глушить, валять, отдувать, тузить, дорогихъ гостей подчивать, и провожать съ высока терема Воеводскаго. Короче сказать; ихъ такъ хорошо въ етотъ присно-памятный денёкъ у Воеводы отпотчивали, что они устилали домой не оглядываясь. Дальнѣйшее описаніе сей пирухи, и чинъ возвратнаго шествія депутатовъ нашихъ во-

своясі, я оставляю. Описывать сіе, значило бы ослабить воображеніе читателя.

А развѣ, вмѣсто етихъ пустяковъ, поговоримъ о чемъ нибудь поважнѣе. Расказываютъ, будто-де етотъ Воевода былъ незлопамятный человѣкъ, и по свойственной душѣ его мягкости, на другой или на третій день совсѣмъ вовсе забылъ прежнюю размолвку, произшедшую у него при первой аудіенціи со своими новопадвластными. Онъ де, яко другъ, а непритѣснитель рода человѣческаго, — какъ то однажды за обѣдомъ сидя въ креслахъ промолвился: *что чистая, святая, бескорыстная душа его гнушается всякаго духа прелести и лихоимства, духа всякаго дароприношенія, а паче и паче духа взятколюбія, и что-де съ сихъ поръ — впередъ — что бы никто — ни одинъ человѣкъ съ поклонами къ нему ни, ни — ни ногою черезъ заднее крыльцо!* — Однако умники наши отъ нескромныхъ челядинцовъ воеводскихъ, какимъ то способомъ провѣдали, пронюхали, что боляринъ ихъ, взбранный воевода нашихъ удалыхъ молодцовъ, смертельный охотникъ до щучины, — и что будто-де третьягоднясь за завтракомъ, хваля добросердныхъ господъ Пошехонцовъ къ себѣ усердіе, примолвилъ, что если де, ети препочтенные, препрославленные и истинную честь знающіе люди, хотятъ сдѣлать ему истое угожденіе, наивеличайшее удовольствіе; то бы безъ всякихъ дальнихъ хлопотъ и

убытковъ, какъ то они сдѣлали въ первой разъ, доставляли ему, каждый день по щучинѣ. О! о! — ладно—сте, ладно — думаютъ себѣ на умѣ великіе наши проидоши. — Но большіе, когда намѣтки даютъ — приказываютъ, повелѣваютъ господственно. (*) Ету политическую ноту Дипломатики Пошехонскіе очень и очень проразумѣли, проникнули, и на усы себѣ смотали. — Хотя же они въ торопяхъ и не вздумали, какъ назвать такое чистосердечное Воеводы своего призганіе, т. е. требованіемъ, (*postulatum*) или озадачею и предложеніемъ, поихному же по ученому, *Проблемою*, *Ѳеоремою:* только оно показалось имъ самой бездѣлицей, какъ и въ самой вещи быть тогда надлежало. Ибо по тогдашнему порывремени, и особливо по ихному мѣсту щука ничего не стоила. Однако послѣ ета жадная и лукавая рыбина новопоставщикамъ воеводскимъ очень и несоленая насолѣла. А отъ чево и какимъ побытомъ, выслушайте развязку. Въ первой разъ голова Пошехонскій, Сидоръ Ермолаицъ со знатнѣйшимъ сигклитомъ своимъ, досталъ за самую бездѣлку щуку длиною, коли не въ косую, такъ вѣрно въ маховую сажень — Вотъ де ладно и прелаадно. Поднесли всѣмъ соборомъ ее воеводѣ, живую трепещущую, и свою волчьей подобную пасть, **)

*) Вспомнимъ: *Maiores dum Svadent, iubent.*

**) Знаете, что полатынѣ волкъ и щука называются однимъ словомъ, *Lupus.*

какъ на злоумышленное нѣкое устрашеніе разверзающую. Воевода ихъ на ету лукавицу не могъ наглядѣться, не могъ досыта налюбоваться, и показался такъ радъ, веселъ, доволенъ усердіемъ ихъ, что не зналъ, какъ и чѣмъ отблагодарить ихъ; а только промолвилъ слегка, какъ бы не хотя, почесывая у себя за ушами, сквозь зубы, т. е. обложилъ ихъ, что бы они и впередъ вмѣсто всѣхъ дорогихъ и убыточныхъ даро-приношеній, какъ то сдѣлали въ первой разъ доставляли ему по етакой щучкѣ. Онъ увѣрялъ своимъ Велико-Воеводскимъ словомъ, что якобы опричь щучины ничего другаго, даже самаго соложенаго и Калужскаго тѣста кушать не можетъ. Представители всего Пошехонья слыша сіе внѣ себя отъ радости, обомлѣли отъ удивленія, что такъ дешево могли *уловить* къ себѣ *благоволеніе* Воеводы; по ихному *captare benevolentiam*, привѣтствуютъ, схвативъ съ себя малахаи, другъ друга со взаимнымъ своимъ щастіемъ. Не даромъ-же пословица идетъ, что и на *мудреца довольно простоты* бываетъ. Такъ и сякъ — Для толь малостоющаго угожденія властвующу надъ ними Ироду, избраннѣйшіе изъ Пошехонцевъ, на другой день такъ рано поднялись, что еще черти подъ кулачки не бились. Они бодрятся, какъ необъѣзжанные заводскіе кони — Нѣтъ, какъ полу, или полнопьяные — бѣгутъ опрометью къ Осташамъ; но вотъ те кавыка,

ерокъ — Во всѣхъ садкахъ находятъ и видятъ они спросонья одну только щуку, которая по всѣмъ ихъ хитрымъ замѣчаніямъ такъ была похожа на вчерашнюю, что можно бы въ нее вклепаться, и очень можно, если бы не они сами, не своими руками вчерась поднесли ее своему благодѣтелю Воеводѣ. Думаютъ, гадаютъ, умудряются, а щука кажется таже, точь въ точь такая, какъ вчерашняя; ибо они ее довольно запримѣтили. Ну пусть будетъ таже, да за нее просятъ уже въ три-дорога. „сцо за напась „робяци? — толмачили они, сцо за притца? „да, ента притца во языцѣхъ ентакъ іона и „совсѣмъ съѣсъ наши головушки.“ Подумали, потолмачили, преобширнаго ума столицами покачали; а безъ рыбины никакъ не льзя. Пришло развернуться, надобно было поддержать и сохранить о себѣ добрую, и уже пріобрѣтенную славу. Подцѣпили рыбину на мѣдные свои крючки и снесли куда слѣдовало. И въ ето посѣщеніе ихъ Воевода явилъ себя еще довольнѣе, милостивѣе, ну— собственными своими болярскими ручками поднесъ кажному по чаркѣ зелена вина, и чуть не разцѣловалъ всѣхъ въ темячко. — Такимъ образомъ прибѣгаютъ они къ Осташамъ ловцамъ на третій, на четвертый, на пятый день, и далѣе, далѣе; только всё имъ показываютъ одну только щуку, которая всѣмъ родствомъ, дородствомъ, красотою была точь въ точь, какъ и перво-

купленная ими: ибо они уже къ ней очень приглядѣлись, и даже мѣточки на ней подѣлали. Тото диво и чудо изъ чудесъ! — Дивятся, и при всей остротѣ умовъ своихъ не могутъ понять, постигнуть, что ето за навожденіе на нихъ! Что за дьявольщина! „Сцо, Сцо, енто такое!“ Въ послѣдствіе того цѣна на щучину каждый день выше, да выше подымалась, словно Бронницкой возъ сѣна на Пулковскую, или на Дудоровскую гору, такъ что подъ конецъ должно было платить за ету вкусную, лакомую рыбинку по сотенкѣ рублевичковъ и болѣе. Сотенка жа рубликовъ въ тѣ поры времена, какъ изволите вѣдать сами по Исторіи, стоила нѣсколькихъ тысячь. Уже и гораздо, гораздо позже, почитай въ нашъ вѣкъ Петръ I. Фельдмаршалу Всероссійскому Графу Шереметеву за взятіе Азова и за побѣду его надъ Турками пожаловалъ только сто рублей. — Но какъ бы то ни было, добросердечные и ревностные Агафоны Трифонычи до тѣхъ поръ безостановочно продолжали вымѣнивать у Осташей плутовъ и подносить новозбранному своему Воеводушкѣ сцуку, пока она ихъ острыми своими зубами не задѣла за живое. И — надобно думать, что она уже черезчуръ имъ надоѣла. Ибо въ память ея они и Воеводу того проименовали *Сцукою*, какъ то мы видѣли въ началѣ сей гисторіи.

Да отъ чего бы въ толь короткое время ета щука такъ вздорожала, скажетъ или подумаетъ кто нибудь изъ васъ мои честные читатели! — На сію загадку отвѣтъ вамъ самой простой и короткой. Что дорого, то и мило, или, что мило, то и дорого? Похоже на правду; однако здѣсь совсемъ не то. О! нѣтъ, нѣтъ, нимало не похоже, совсемъ не похоже! — А вотъ какъ развязывается путлявая ета пасма! — Единовластникъ Пошехонскій чрезъ повара своего, ему же имя было *Хитронъ*, перемигнувшись съ Осташами жилъ и поживалъ съ ними въ любви и довѣріи, согласно и братолюбно; за одно съ своимъ бариномъ. И такимъ-то манеромъ, или маневромъ — Щука отъ Осташковскихъ рыболововъ чрезъ знатнѣйшихъ обывателей Пошехонскихъ переходила къ Воеводѣ, а отъ Воеводы чрезъ повара Хитрона опять въ садки къ тѣмъ же хозяевамъ опять, въ рыбацкой нарочно сдѣланной поросту ея бадьѣ, уплывала, и другихъ щукъ въ трущобъ, то есть, въ самыя укромныя мѣста загоняла. „Какъ ни быть, а безъ сцуцыны для кормильця нашего не льзя,“ была ихъ обыкновенная, остроумная приговорка. — Не благодарные ли ето души? — Вотъ прямо философское разсужденіе! — Не сыновнія ли радушныя ето чувствія? — Не истинный ли ето отголосокъ ихъ Израильтянинскаго сердца! —

———/———

ПОСЫЛКА ВТОРАЯ.

Расказываютъ, что вышеупомянутый Воевода Щука, нѣсколько лѣтъ до воеводства своего, жилъ въ Москвѣ; а для чего, ето неизвѣстно. Догадываются, что онъ старую икру изъ кармановъ своихъ выкидывалъ, чтобъ накопить новой получше и побольше. Домочадцы его, или по тогдашнему халопи, которыхъ онъ привезъ съ собою въ Пошехонье, довольно на свой пай съ Бариномъ своимъ потолкались въ прихожихъ, и потоптали площадей Московскихъ. Они говорили о себѣ, что знаютъ всѣ входы и исходы, всѣ улицы и закоулки. Сіи краснобаи Пошехонцамъ, кои на ошосткахъ своихъ почти выросли и далѣе лѣсу ничего не видывали, росписали свою Москву матушку самыми лестными и поразительными красками, какъ впрочемъ и быть бы надлежало. И для чего не такъ? Ежели что правда, то правда. Но ети насмѣшники плуты, глухарямъ Пошехонскимъ напѣли много такого, чего и духомъ не бывало. Напримѣръ, Ивана Великаго подняли они выше мѣсяца; Церквей нащитали ровно сорокъ сороковъ; и все вызолоченныя, какъ жаръ горятъ. Царь колоколъ и Царь пушка по ихъ словамъ были, какъ двѣ самыя большія Валдайскія горы; что пала-

ты всё бѣлокаменныя высокія, а улицы широкія; что тамъ валенцы валяются по улицамъ, квасы все медовые, какъ сыта сладкіе, и поятъ де ими безданно, безпошлинно и проч. и проч. словомъ, небывалые Туземцы такъ заслушались гостей своихъ, что съ позволенія сказать, хоть галка въ ротъ влети: а Ораторамъ то и на руку. Они отъ часу болѣе умудряются, или яснѣе, врутъ себѣ да повираютъ; благо есть кому слушать. — любопытство свойственно всѣмъ людямъ, не было чуждо и нашимъ Готтентотамъ. Закипѣла въ ихъ жилахъ кровь молодецкая, загорѣлись ретивы сердца. За нѣсколько предъ симъ первостатейные но малоимущіе знатоки вкуса, думаю, не столько заботились о екипажѣ и убранствѣ, чтобы блеснуть въ первое Маія за Калинкинымъ; какъ добрыхъ нашихъ молодцовъ одолѣло, взяло нетерпѣніе повидать золоты верхи Москвы бѣлокаменной. „Акъ жо быць ребя„ци — надобець повидцець ентакова бисера, „гутарили они между собою; станемцѣ ко „гаваць, акъ бы намкось сдѣлацьса, да не „даць промаху.“ Горою пѣхтурою прогуляться? Нѣтъ — ето не дѣло. На коняхъ верхомъ прокататься? И ето что за выдумка? — Ѣхать съ какими нибудь продуктами, или съ избытками своихъ издѣлій, продать излишнее, и на вырученныя деньги закупить кое что нужное, а между тѣмъ

себя показать, другихъ посмотрѣть, и съ Богомъ домой воротиться? Такая мысль не пришла имъ въ голову; да правду сказать, она имъ и не нужна была. Ибо Московская щелкоперая Щука, (сказывала пращуру бабушкиному дѣду прапращуру, одна лѣтъ въ сотенку съ походцомъ молодица) такъ старалась о чистотѣ, благоустройствѣ и славѣ Пошехонья, что чрезъ мѣсяцъ ея воеводствованія по всѣмъ обывательскимъ клѣтямъ, житницамъ хлѣвамъ и подъизбицамъ, все стало такъ гладко, такъ вычищено, прибрано, словно ладонь на прикащечьемъ гумнѣ, хоть яицомъ покати. Развѣ уже кто по чрезвычайной лѣности не выносилъ своего сору изъ дому, а пряталъ его гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ. Чего другаго, а неряхъ пожалуй сыщешь вдоволь во всѣ времена и вѣки. Однако же надобно сказать и то, что такихъ неопрятницъ при попечительной Щукѣ очень было немного.

Но о Щукѣ и неряхахъ на сей разъ довольно, коли не съ залишкомъ. „Какъ разштадца съ родцимыми, какъ пустидца въ „даль дальную, на чужу незнаму сторонушку, безъ проводника, безъ вожатаго, разсуждали новопросвѣщенные Московскими „выходцами любомудрцы, съѣхавшись налегкѣ парами къ старостинымъ воротамъ; „идциць такъ идциць ушъ всѣмъ, молвилъ „самъ, а нейциць такъ нейциць никому,

„сцобъ никому не было завидко.” Разумную сію сентенцію не могло не одобрить премудрое собраніе; подтверждаютъ ее, только все какъ будто изъ подпалки. Ибо уже глубоко забрала добрыхъ молодцовъ охота молодецкая. Но на хотѣнье бываетъ и терпѣнье: и хочется и колется и набольшой не велитъ. Думаютъ, умудряются отъ бѣлой зари вплоть до сумерковъ; вмѣстилища разума трещатъ отъ напряженія въ нихъ содержимаго; но ничто не пособляетъ. И такъ, подъ исходъ отлагаютъ они опредѣлительное и конечное сего дѣла рѣшеніе до завтрея: утро вечера мудренѣе, говорилъ имъ бывалый и въ кольѣ и въ мяльѣ Угаръ — уже начинали было совѣтники наши пошаркивать ногами, наровя каждой, какъ бы ближе къ своимъ могучимъ щамъ; какъ вдругъ проглядываетъ красно солнышко, высовывается изъ окна теща старостина *Ѳилатьевна*, Лада и прорицалище Пошехонское, и возговоритъ имъ словеса сицевыя: „Охъ „вы гой есте милые мои дѣтушки! по пу„стому вы по напрасному ломаете себѣ „крѣпкія головушки. Вы спросились бы „прежде пожилыхъ людей — вы послухайте „моего совѣту бабьева — вы взойдитеко на „гой, гой, гой, ударяютъ гдѣ въ бирюль, „люль, люль, утѣшаютъ что Царя въ Мо„сквѣ, Короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ, „младенца въ люлькѣ. Вы увидите какъ пла„тичку на латочкѣ, Москву матушку зо-

„лотны верхи.“ Сказавъ сіе пропала Ѳилатьевна, какъ молнія, слуховое окно хлопнуло. Загадочка сія бросилась въ носъ всему собранію, не исключая и самаго старосты. Но Ѳилатьевна для мила дружка зятюшка, недолго мучила отгадкою, развязала петлявую свою загадочку, коея, такъ сказать, вся сила замыкалась въ томъ, чтобы они смотрѣть Москву шли на колокольню. Получивъ толь радостное изъясненіе соколы наши ясные, разлетаются по своимъ гнѣздамъ, держа всякъ крѣпко накрѣпко въ своей памяти, какъ бы на утріе неопоздать предъ своею братьею. — И лишь только начала показываться провозвѣстница дня, сбѣгаются отовсюду къ колокольнѣ, словно на бѣгу ударившіеся объ закладъ, въ запуски. Тѣснятся, толкаются какъ сумашедшіе, давятъ другъ друга, лѣзутъ, приступаютъ; всякому хочется занять мѣстечко для себя получше и покомоднѣе, дабы насытить лютое свое желаніе. Но то удивительно, что изъ такого множества, ни одинъ человѣкъ не догадался забѣжать къ Церковному старостѣ за ключами, или позвать его самаго, чтобы онъ отперъ имъ двери — прибѣжали, говорю, стоятъ, давятся, нажимаютъ, покрякиваютъ, но отойти отъ дверей никто не хочетъ; всякъ боится, чтобы не провѣвать захваченнаго своего мѣста. Наконецъ кое какъ ключи достали; но до замка нѣтъ дотору. — Уже и замокъ отпертъ — да две-

ри не отворяются; ибо ихъ только что припираютъ — ходоки, наши отъ сильнаго затору или задору, бьются съ часъ времени и болѣе, но все на одномъ мѣстѣ. Подъ конецъ, входъ на колокольню открылся; ибо они силою своею дверь спугнули съ крючьевъ такъ, какъ птичку съ гнѣзда. И тогда то колокольня яко очарованіемъ нѣкіимъ, въ одинъ мигъ наполнилась нещетнымъ множествомъ Астрономовъ. Иные изъ нихъ на полночь, другіе на полдень, третьи на востокъ, четвертые на западъ, и въ верхъ на небо, и въ низъ на земь, пялятъ съ просонья свои глаза; но далѣе предѣловъ зрѣнія ничего не видятъ; только что небо сошлось съ лѣсомъ, но сіе имъ было не въ диковинку; ибо ето они видали и прежь сего. Чтожъ дѣлать? Ендакая бѣда, парень! Не ужели Ѳилатьевна станетъ обманывать, да и ковожъ еще? Старосту, своего зятя любимаго. Нѣтъ, етому нельзя статься. Шутить съ цѣлымъ міромъ не ловко; у ево, знаешь, какая шея — такъ развѣ она сама какъ нибудь ошиблась въ умозрѣніи. Пусть будетъ такъ — по крайней мѣрѣ она подала хорошую замашку. Въ таковыхъ прореченіяхъ не надобно крѣпко къ словамъ привязываться, но иногда должно подразумѣвать и другое. Но лихо найти бы кончикъ, а до клубочка добраться ужъ можно. „Со звонарни„чи не видко Москвы умствовали Ѳилать„евнисцы, для радци тово, сцо іона не боль

„высока, ака бы іона была есцо повыше, „топъ золотыя маковичи у насъ не уверн„нулись. И взаболь ребяци, подхватилъ „хватъ бывшій тогда съ перелому отъ во„еводскаго угощенія на костыляхъ; а знай„цѣ ли ребяци — въ бору — на высокушѣ „есь такія лѣсины, ажно ужасно на нихъ „поглядзѣць — ета звонарнича, (показуя на „колокольну) имъ и въ дцѣтіоныши негод„зитця.“ При сей остроумной его догадкѣ, вдругъ всѣ ур-а-а ур-а-а — воскликнули отъ радости почитай такъ, какъ поютъ черные лебеди, когда видятъ мучимаго на улицѣ ребятишками птенца своего. Теперь много и долго думать нечево. Хватъ намѣкнулъ, а тутъ ужъ и смѣкнули. Сговариваться нечево; не надобно ходить по домамъ и собирать подписки; всѣ охотники и всѣ готовы; не кличь кликать, всѣ въ сборѣ — забѣжали за топорами, да благословясь нутка улизывать на речемную высокушу въ запуски, одинъ другаго опередить стараясь. Долго-ли, коротколи такою выступью они шли, только пришли. Скоро то дискать, сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается — разгуливаютъ по высокушѣ, словно гончія, языкъ высуня, и куда одинъ туда всѣ за нимъ. Наконецъ выбираютъ они лѣсину самую высокую, елину стогодовалую, кудреваcтую. — Не такъ легко и проворно, лакомые до меду муравейники и боровики, взлѣзаютъ на бортъ, какъ

наши Мишиньки да Михайловичи помахивають на новообрѣтенную свою обсерваторію. Уже двадесять или тридесять мужей щастливѣйшихъ и любопытнѣйшихъ, яко легкіе сціуры, (векши) уцѣпившись за сучья, сидятъ на лѣсинѣ, подобно сычамъ во всѣ стороны поглядывая. Верхолазъ на самой макушкѣ, будто соловей на яблонной вѣточкѣ, качается, только что не воспѣваетъ сладкихъ пѣсенокъ: онъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ, кто говоритъ, отъ радости, что на етакую красу взабрался, а другіе, сирѣчь, кои попроще, думаютъ, отъ страху, что не зналъ какъ добраться не сломя шеи до сырой земли. Но ето примѣчаніе не важно. „Щцо вишь, вопрошаютъ его нижніе? „Низги ребяци не видко, оприцъ конча свѣ„ту, отвѣчаетъ онъ дрожащимъ и преры„вающимся голосомъ.“ Верхолазу повѣрить не трудно; ибо и другіе не больше его видятъ. “Сцо дзѣлать? — Ето всіо суцыіо „провальноіо мѣшаець, а то какъ бы не вид„зѣць, съ еншакой вѣсоты? разсуждали они, „вишъ какая изъ за-нихъ щцѣмень, словно въ „подизбицѣ. Обрубимцяко робята сучыіо по„плотнѣе, такъ аось станець повидчѣе.“ Разсуждено, обдумано, сказано, сдѣлано. Да такъ и должно: *Diu delibera, fac cito*, (*) есть старинное мнѣніе — Вдругъ всѣ за топоры, сучья валятся, щепы летятъ, стукъ раз-

(*) Долго разсуждай, а скоро дѣлай.

дается. Что твоя кузнечная музыка. Жаль, что на етотъ разъ какого нибудь Пиѳагора не было. А для глазъ какое открылось сокровище! всего наглядѣлись и насмотрѣлись — но Верхолазъ первѣе всѣхъ натѣшилъ свою душиньку: уже онъ по проворству своему успѣлъ спрыгнуть на земь, и такъ разбахвалился какъ будто мышь на крупу надулся. Ибо не только глядѣть иль баять, да и дышать ужъ нижнимъ воздухомъ не хочетъ. — „Ендакая спесь напала „на Агафоныця; акъ повидзѣлъ Москву, кри„чали съ досады между собою тѣ, коимъ не „удалось взлѣсть на ель: ужъ на насова бра„та и взглянудць не поволитъ; а ось ребя„ци будзѣ и на насой улицѣ праздникъ.“ Бохвалъ, удальствомъ вторая особа по Агафонычѣ, подрубившій сучья, за кои Верхолазъ держался, слешѣлъ за нимъ второй; но и етотъ не меньше предводителя набрался Московской спеси; и потому былъ его не привѣтливѣе. За сими главными балансѝрами соскакивали и другіе, по одному, по двое, и по трое вдругъ, кто лбомъ, кто затылкомъ, иной плашмя, другой навзничь, кто на камень, кто на пень, иной на лежащую братію, кому какъ случилось, или вздумалось. И хотя въ каждомъ изъ нихъ до послѣдняго Фалалеича, примѣтно было состороны чванство и жеманство, только въ разныхъ степеняхъ, судя по степени возвышенія. — Бездѣлица вотъ кажется, а какъ

можетъ испортить человѣка. Болѣе двухъ десяшковъ удальцовъ, слазившихъ на ель, шакъ загордились, что не захотѣли и домой нѣшкомъ идти; а другіе и совсѣмъ не глядѣли на свою брашью: неси ихъ на рукахъ, или вези на коняхъ; изволь съ ними пешоваться, какъ хочешь, а сами идти не изволяшъ, ужъ будто и Богъ вѣсть, какъ усшали да уломались; а шово не воображаюшъ себѣ, что было бы еще кому съ ними возиться.

ПОСЫЛКА ТРЕТЬЯ.

Не даромъ пословица говоришъ: первой блинъ всегда комомъ. Истинну сего изреченія ясно видѣть можно на воспѣваемыхъ мною Вишязяхъ. Они съ Ѳилашьевниными гоями, люлями и билюлями поступили точно шакъ, какъ добрые домоводы поступаюшъ съ первыми телятами. И должно къ похвалѣ ихъ признаться, что сей поступокъ доказываетъ особливую дѣятельность и проницаніе ума ихъ. Ибо держаться упорно одного мнѣнія, не почитается знакомъ разумнаго человѣка. — Такъ самая острая замашка Хватова, послѣдствіемъ своимъ показалась для нихъ не такъ шо замашиста. Число послѣдователей толку его, сперва шоль горячо ошо всѣхъ принятому о высо-

кушѣ, часъ отъ часу становится менѣе; разномыслящія стороны раждаютъ всеобщее къ нему недовѣріе. Ропотъ и неудовольствіе возобладали всѣми сердцами. Словомъ, они не довольны ни елиною, ни всею высокушею. Первая по наученію добренькихъ старушекъ, срублена уже подъ самой корешокъ какъ ивушка боярами ѣхавшими изъ Новагорода; да и послѣдней красоваться остается недолго. Будущею весною положено ее всю огнемъ выпалить, что бы она впредь не соблажняла. Чтожъ осталось начать удалымъ добрымъ молодцамъ?— Однако пожалуйте неотчаявайтесь; я вить сказалъ, что они на выдумки собаку съѣли. Да полно на что; и старыхъ выдумокъ на свой вѣкъ будетъ полно. Тото — ой неплюй въ колодезь, братъ приведется когда водицы испить. Какъ сперва предлагали имъ, что бы они изъ отечества своего не облѣнились пуститься въ Москву своими особами, то они и слышать сего не хотѣли; какъ необъѣзжанные кони совсѣмъ подъ ладъ не давались, а теперь когда пришло въ тупикъ, что некуда ступить, то всѣ до послѣдней души рады, хоть босикомъ промяться для обозрѣнія красотъ Московскихъ; а другіе говорятъ, будто для прокормленія себя работою съ плакашными, коли тогда были. За достовѣрное я не утверждаю ни того, ни другаго, хотя первое кажется вѣроятнѣе. Впрочемъ, какъ бы то ни было; они выступили не-

небольшою ватажкою, состоящею ровно изъ сорока паръ, только подобравшись все молодецъ къ молодцу, одинъ другова лучше да краше, для запасу вѣдашь, что бы какова пора ни время, было кому постоять. — Браво, ребята, съ Богомъ! щастливой вамъ путь! — Только вотъ что не ловко, что они пошли не тою дорогою, то есть что бы идти прямо по носу, они пустились по нему же, да переворотившись. Однако ето еще бѣда не сама пуща: языкъ до Кіева доведетъ. Довольно, что они скоро собрались. Имъ не надобно было для дороги тово, сево, другова, протчева, пятова, десятова, какъ нынѣ есть обычай. Прицѣпили за плеча по берещеному кошелю, въ руки, для куражу взяли по вязовой тросточкѣ съ желѣзными наконешничками, что за медвѣдями ходятъ. Присѣли на лавки, помолились Богу, съ домашними плаксами простились, и въ дороженьку такъ быстро пустились, какъ будто съ цѣпи сорвались. Толикимъ одержимы они были желаніемъ и нетерпѣливостію! говорится же, что охота пуще неволи. — Ну-у! вотъ тебѣ на! что я съ расказами своими настряпалъ! — вить я странствователей своихъ упустилъ изъ виду вонъ — постойте пожалуйте г. читатель и слушатель! дайте мнѣ ихъ нагнать, а то они етакъ пожалуй и со всѣмъ пропадутъ у насъ — вонъ тамъ вдали что то темнѣется! не они ли ясные мои соколы? По головному убо-

ру кажется они — такъ — они — летятъ какъ на парусахъ; благо есть повѣтеръ — имъ нужды нѣтъ, что не по тому румбу рубятъ. Ну — Слава Богу! я ихъ почти нагналъ, слышу — ето ихъ рѣчь важная и громкая — вижу — ихъ выступка молодецкая, осанка журавлиная — они — точно они. Сердце у меня перестало биться. Теперь, пожалуй теките въ путь Исполинскій пасынки Улиссовы; не робѣйте, что васъ не руководствуетъ Минерва въ видѣ того Ментора, которой называется свой Царь въ головѣ. Если бы етотъ вожатой всегда былъ съ вами, то бы вы не были мои, и читателей вашихъ Ирои.

Пока я давичь калякалъ на одномъ мѣстѣ; а они съ горяча алтынъ на сороковину отмахнули впередъ показаннымъ выше сего трактомъ. Въ первой день ничего достопамятнаго имъ не приключилось. Однако коли ужъ разсказывать, такъ не надобно таить ничево. Завтракомъ укрѣпились въ путь по своимъ домамъ; гдѣ обѣдали, я прозѣвалъ съ расказами, полдничали свѣжую уху съ домашними бисквитами, а вечеряли въ гостинницѣ по тогдашнему, а по нынѣшнему на постояломъ дворѣ, или въ харчевнѣ. Къ счастію ихъ хозяинъ попался человѣкъ доброй и ласковой; захожихъ людей напоилъ, накормилъ, чѣмъ Богъ благословилъ, постелю разослалъ и спать положилъ — но

етихъ ночлежничковъ, не бось не проведешь, и алтыннаго за грошъ не выторгуешъ. Ето ребята, что называется, сами себѣ на умѣ— они наслышались еще дома, что по большимъ вообще дорогамъ, а особливо на ночлегахъ, часто случается воровство и душегубство. И потому, не со всѣмъ довѣряясь господину дома, изъ предосторожности расположились лечь спать такъ, чтобы и ноги и головы были вмѣстѣ, то есть, на полу въ повалку кружкомъ; кошельки свои вмѣсто изголовья положили къ себѣ подъ головы, трости подъ пазуху, фраками одѣлись, а обувь срыли всю въ ноги — и такъ тутъ взять нечево; хошъ бы кто приди: все такъ поддѣлано, подстроено: что не льзя безъ опасности дотронуться до нихъ волосомъ — а то тотчасъ всѣ вскочатъ. Еще чудо, что они, какъ журавли, не заставили во время сна для безопасности своей одного изъ вашаги танцовать на одной ножкѣ — легли — покалякали, побалтали и отъ усталости заснули. Хозяинъ какъ водится, легъ спать послѣдній, а всталъ первой. Наутріе по обыкновенію, будитъ онъ своихъ ночлежниковъ, и съ добрымъ утромъ привѣтствуетъ. Лучина въ свѣтцѣ пылаетъ — дорожные наши потянулись, но кое какъ встали, все свое добро нашли цѣло, только что ноги во снѣ какъ будто растеряли. Ибо они такъ ими перемѣшались, что какъ дошло до обуванья, то всякъ на мѣсто своихъ, обувалъ

ноги другаго. Да и въ самомъ дѣлѣ какъ ты ихъ разберешь въ етакомъ множествѣ? Однихъ головъ сорокъ паръ, а ногамъ та ужъ и смѣты нѣтъ. Сидятъ на полу, какъ куры на насѣсти, побахариваютъ, хлопочутъ, бранятся, кричатъ другъ на друга, а на прямой ладъ никто не попадетъ; хоть не вставать, а ногъ самимъ не сыскать. Дома у всякаго были однѣ свои, а тутъ и чужія замѣшались. Гостепріимецъ, мужикъ съ природы веселой, сперва долго любовался симъ зрѣлищемъ; но какъ дѣйствіе было безъ развязки, то оно ему подъ конецъ нѣсколько наскучило. Почему изъ добродушія своего онъ взялся самъ развязать представляемую въ домѣ его арлекинову піесу, и предложилъ гостямъ: „что вы, ребята, мнѣ даДите? я въ мигъ покажу каждому изъ васъ „свои ноги, — Охъ ты кормилечь нашъ, азми „сцо хошь, только насъ радзи Бога помилуй.“ Ибо они воображали въ себѣ, что все ето дѣлается можетъ быть не спроста, и что тутъ есть какое нибудь дьявольское навожденіе. „Уть не цѣмная ли вода на „насъ напусцена, перешептывались они?“ Хозяинъ былъ мужикъ простой, не догадливой, гости же его хотя граждане и съ расчотомъ, однако и съ денежками. И потому сговорились скоро, а примянно съ каждыхъ двухъ паръ ногъ по осьми съ копѣйкой. Условившись такимъ образомъ домоначальникъ вышелъ на дворъ, и немного погодя

возвратился опять въ избу, держа въ рукахъ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ прутиковъ, коими лошадей въ деревенскомъ быту впрягаютъ, обошелъ ихъ три раза вокругъ, очертилъ, зачуралъ, и велѣлъ всѣмъ лечь по прежнему. Когда ночлежники его прикурнули, то онъ, для отвращенія колдовства, сперва окатилъ ихъ съ песта ушатомъ, а потомъ волшебнымъ своимъ прутикомъ со всего плеча началъ по ногамъ ихъ постегивать, что визгъ пошолъ, словно свиней принимаютъ — по словамъ хозяина потеря нашлась дѣйствительно въ мигъ. Всякому свои ноги показались ближе къ колѣнкамъ, слѣдовательно къ рукамъ и глазамъ: одно чувство помогаетъ другому. Видно, тутъ, нашла коса на камень. Сіе я говорю о обвороженіи и о хозяинѣ, которой умѣлъ отворожить оное. Радостные ночлежниковъ вопли: ой-ой-ухъ-у-аа ей-й! всполошили всю деревню. Сосѣди сбѣжались на крикъ; но выслушавъ дѣло отъ могучаго хозяина, не могли удержаться отъ междуметій ха! ха! хи! хи! такъ, что чуть не надорвали своихъ животиковъ. Такой веселой былъ конецъ сей драмы! — въ честь же непростаго сего хозяина, да будетъ мнѣ позволено сказать еще и то, что хотя бы у гостей его было по стольку ногъ, сколько у полиповъ, или сколько на головѣ волосковъ, то и тогда бы онъ скоро перещиталъ ихъ жезлецомъ своимъ. Такъ ясно и ощутительно

разрѣшилъ онъ сіе затрудненіе. Словомъ, піеса разъиграна весьма удачно; всѣ обулись, оболоклись; только какъ дошло время до осьми съ копѣйкой, то опять вышли было нѣкоторыя хлопотишки въ разсуждерасходу; но добродушной хозяинъ и въ семъ случаѣ не оставилъ ихъ своимъ вспоможеніемъ. Денежки отщитаны серебромъ; и гости, какъ послѣ доброй бани, наломившись холоднаго квасу, изъ избы на дворъ, со двора на улицу гусемъ, только выступая по уцинному; то есть: приковыливая и припадая, кто на правую, кто на лѣвую, а нѣкоторые и на обѣ лапки. Ворчатъ, серчаютъ, бранятъ хозяина, проклинаютъ домъ его въ тарь-тарары; хотя по настоящему надлежало имъ всю вину взворотить на себя самихъ, или еще лучше на свою гл..... боюсь вымолвить, что бы не вступились за покойныхъ нашихъ родственники — однако ладно ребята! это еще не велико зло. Въ дорогѣ мало ли чево бываетъ: на все не усердишся. Что мучитъ, для переду учитъ, говоритъ пословица; только я не знаю, пригодна ли она для васъ. Вишь вы какіе, прости Господи! Ужъ слишкомъ не къ стати умничаете! на васъ никакъ угодить нельзя — добро ступайте-ко съ Богомъ далѣе, а мы отъ васъ какъ отъ дяди, не отстанемъ ни пяди.

ПОСЫЛКА ЧЕТВЕРТАЯ.

И такъ — идутъ наши добры молодцы путемъ дороженькой, куда глаза глядятъ — пустимся и мы, любезный читатель, за ними. Недалеко отъ дороги, шагахъ етакъ во стѣ, видятъ они такой большой камень, какъ хоромину; стопы ихъ останавливаются при семъ видѣніи, чудятся громадѣ, и любопытство подстрѣкаетъ ихъ отдать поклонъ сему прародителю булыжной породы. Солнышко тогда катилось прямо надъ ихъ головами; и путники, послѣ помянутаго чаю, еще ничего не вкушали; развѣ кто идучи сзабалъ пястку другую толоконца, или сжустерилъ нѣсколько сухариковъ; но ето не въ чотъ. И такъ они расположились у камня перехватить впутную; усаживаются при подошвѣ его въ кружокъ. Обѣдъ у всякаго свой за плечами; похлебка прилучилась некупленая. Дѣло со всемъ въ шляпѣ; развязываютъ свои котомы, и лишь только было за кусъ, что зовется разбойникъ, какъ вдругъ предстаетъ имъ чудище, новомодное, (сего они можетъ быть не такъ бы исполохались) а лѣсовое, или по просту лѣшій. Въ лѣсу казался онъ наровнѣ съ лѣсомъ, на полянкѣ равенъ съ травою, такъ что они его прежде и примѣтить не могли, а съ людьми, то есть, подошедъ къ нимъ,

какъ словно человѣкъ. Ешакаго лукаваго оборотня нанесло! прошу не погнѣваться; у страха глаза велики и дальновидны — одежда и шапка на немъ была, какъ луково перье, зеленымъ зеленешенька; опояска чорная широкая, ну самая чертовская, съ побрякушками, утыкана вся чемъ то какъ гвозьемъ; а въ рукахъ такая, такая палцына; что какъ повернешь ее и приложишь къ глазу, то изъ нее, словно изъ какой пропасти, вдругъ огонь и дымъ выскокнутъ съ такимъ страшнымъ громомъ, что можно оглохнуть человѣку, а бѣдныя пташки отъ одного духу замертво такъ и валятся на земь. Ето все они видѣли сами, своими глазами — Между тѣмъ лѣшій все къ нимъ ближе, да ближе. „Ахци! Ребяци, куды намъ „дцѣвадца? згибли мы; пропадцѣмъ всѣ не за „дценешку; съѣстъ, переѣстъ насъ всѣхъ „и съ косками. — охъ провалъ бы цѣ по„бралъ окояннова! — провались сковь сыру „землю — аминь, аминь, разсыпся.“ Но не тото было; чудовище ни проваливается, ни разсыпается; а прямо на нихъ такъ и ломитъ. Ну! пришолъ послѣдній конецъ! Странствующіе рыцари стоятъ какъ приговоренные къ висилицѣ, не смѣютъ поворохнуться, устремивъ глаза свои всѣ къ одной точкѣ зрѣнія: Такъ овцы глядятъ на волка, приближающагося къ ихъ стаду; волосы у всей нашей чесной компаніи, какъ доброй и необъѣзжаной конь, вспрыгнули

дыбомъ, шапки сами собою, коя на бекрень, коя на земь; руки стали какъ не свои, онѣмѣли — ноги словно ходули, или на коньхахъ; поджилки готовятся будто горюна махнуть — подергиванія во всѣхъ частяхъ тѣла — души хотятъ прежде времени изъ утробы выскочить — за кожей подираетъ — въ глазахъ темнѣетъ — словомъ какъ будто столбнякъ нашолъ — етакой пріятной предсталъ предметецъ! Но чтожъ послѣ открылось? — вмѣсто лѣшаго приняли они стрѣлка изъ той деревни, гдѣ ночевали, или по нашему егеря, только не такого, какихъ бывало у насъ ставливали на запятки, въ шитьѣ, да позументахъ съ перьями. Тотъ былъ одѣтъ попросту, какъ ходятъ на егерскомъ дворѣ, ходилъ по лѣсу, и стрѣлялъ, что попадется. Ну! да кабы еще догадало его хорошенько пошутить, тобы онъ съ етою дичью, не плоше болотныхъ куликовъ, съигралъ изрядную комедію! Однако благодаря Бога, онъ такъ просто и ласково обошелся съ побѣдными нашими тахами, что они по остротѣ своей съ двухъ словъ признали его за подобнаго себѣ, и по малу начали пооперятся. Куда подумаетъ дѣвался давишній съ большими глазами? — И такъ, слово за словомъ, рѣчь за рѣчью пошли дружескія раздабары. Уже лѣшій и проидоши наши обходятся между собою за панибрата, безъ чиновъ, какъ будто вѣкъ вмѣстѣ жили: вотъ что дѣлаетъ зна-

ніе свѣтскаго обхожденія! — Можетъ быть деревенской егерь ласковостію своею и наружною простотою, то есть, подъѣхавши лисой патракеевной, думалъ у роскошествующихъ на зелени что нибудь выиграть въ пользу своего желудка; и если ето такъ, то онъ больно ошибся? кромѣ кроюхи хлѣба и сухарей пощечиться тутъ было нечемъ; а прогонять крохи и безъ ихъ милости ни кому не запрещено. Но что намъ до етаго, какъ дѣло происходило, такъ пусть и будетъ. Стрѣлокъ по прозьбѣ сихъ новыхъ своихъ друзей, показалъ имъ дѣйствіе своего ружья и силу пороха; предъ глазами ихъ зарядилъ, выпалилъ и къ смертельному всѣхъ удивленію, застрѣлилъ летѣвшую мимо сороку бѣлобоку. „Тото дциковинка, ну „парень, ну рабенокъ, ну Ванюха, ну Ми„щуха, перешептывались они между собою.“ Пристали, да привязались, какъ смола къ егерю; одно продай, да продай имъ ружье. Стрѣлокъ на неотступную ихъ прозьбу соглашается, только меньше десяти рублей за ружье свое взять не хочетъ. „И — кор„милечь! — Ето больно чѣнно — не льзя ли по „меньше; азмико съ брата по круглецку (по „серебреному рублю) а — я — полно — слышь „озми — давакося руку — ну сцо ли — такъ? —“ Стрѣлокъ былъ человѣкъ сговорчивой, окинулъ купцовъ своихъ глазами, смѣкнулъ про себя, и хоть мало дѣло спохватился, да ужъ, думалъ, поздо, такъ и быть: и такъ

вмѣсто одного десятка безъ дальней прозьбы взялъ восемь по числу нашихъ путешествователей. Но какъ у него пороху и дроби осталось вмалѣ, то онъ научивъ ихъ, какъ съ показаннымъ екструментомъ обходиться, подружески совѣтовалъ имъ, побѣрегать оныя для необходимаго случая. Торгъ и щотъ конченъ. Простились, раскланялись. Тотъ пошелъ своей дорогою, а наши своей радуясь отъ всего сердца, что простака какъ рыбку на уду поддѣли, и за толь бездѣльную цѣну, выманили такую вещь дорогую; и въ странствованіи своемъ какъ отъ человѣка лихова, такъ и отъ звѣря лютаго, для спасенія себя необходимую. Ибо стрѣлокъ не забылъ растолковать имъ всѣхъ случаевъ употребленія ружья въ свою пользу. А что бы они слишкомъ не беспокоились, что пороху и дроби у ихъ немного (хотя они въ радостяхъ и за суетами объ етомъ и не думали) онъ открылъ имъ затайну, что ети вещи сѣяніемъ можно разводить, сколько угодно, и даже показалъ имъ, какимъ образомъ засѣвать оныя должно. Онъ увѣрилъ ихъ, что порохъ ростетъ слово въ слово какъ полевой макъ, а дробь какъ мышачій горохъ, присовокупляя, что давъ хорошенько созрѣть симъ сѣменамъ, стоитъ только ихъ высушить, сколько можно суше, то есть: такъ какъ они теперь видятъ, а то уже оныя силу и дѣйствіе свое сами покажутъ. Истинное простосердечіе

всему вѣритъ благодушно: „Это не покупка, „находка; кладъ Богъ послалъ намъ, разгу„таривали они между собою идучи по доро„гѣ.“ Идутъ, но нейдется. Какъ бѣсъ за полы подергиваетъ: хочется попробовать; хоть бы разикъ, да самимъ выстрѣлить. Нужды нѣтъ, что пороху и дроби мало — ужо они пришедъ домой не токмо што огогоды, да и цѣлыя поля ими засѣють. Тото будетъ славно; только пострѣливай, да попаливай. И такъ останавливаются они среди дороги; давай — подавай — ну съ ружьемъ нянчиться да пестаться, пороху и дроби въ дуло всыпали всякой по щепоткѣ, приговаривая: „и моя копѣицка несцербата;“ Пыжъ прибили общею силою о лѣсину, пороху положили на полку по свойски, курокъ взвели, какъ рядъ дѣлу, только приложиться, взвести собацьку, такъ и все съ концомъ. Но постойте — они еще не выпалили; думаютъ какъ бы зарядъ не пропалъ; хочется побольше сберечь на сѣмена. Трое держатъ ружье — матка вашаги наводятъ глазъ; прочіе разставивъ пригоршни становятся противъ дула, дабы не проронить ни одного зернышка; остальнымъ же, какъ не столь ловкимъ и проворнымъ, велѣно стоять поодаль, и не въ свое дѣло не соваться. Уже данъ знакъ къ выстрѣлу. Громъ и молнія послѣдовали въ одинъ мигъ, такъ что сами стрѣлки того не примѣтили. Человѣкъ полдесятку изъ авангардіи

дробь нашпиковала глаза и просадила столицы разума. Семеро явилось со сквозными руками, четверо безъ языка, а безъ царапины изъ дѣйствующихъ лицъ ни одного не оставалось. У самой матки, какъ то ненарокомъ поотшибло плечо; бровей у ней какъ не бывало, а усы и борода завились, словно были припечены въ бумашки; лицо подернуло густою синевою; изъ подбородка торчитъ заноза безмала не въ польаршина. Словомъ, еслибы не пронзительной ея голосъ, то дѣткамъ, коимъ было не до другихъ, во все не узнать бы ея. Ружье отъ толь искуснаго и соразмѣрнаго заряду разорвало въ дребезги; только денежки даромъ заплачены. Уцѣлѣлъ одинъ желѣзной стволъ, да и тотъ отлетѣлъ шаговъ на двадцать въ сторону. Но проидоши и тамъ нашли его и не бросили, а сказываютъ, догадало ихъ употреблять его въ случаѣ жажды, вмѣсто ливера. Вить умудритъ же Господь человѣка! Тото выдумщики, проказники покойники, не тѣмъ будь помянуты; и синему пороху не дадутъ пропасть даромъ: все какъ то умѣютъ обратить себѣ въ пользу и удовольствіе. Однако они теперь прохаживаются еще на дорогѣ; правда иные поотстали съ оной къ сторонкѣ; другіе бродятъ, какъ лунатики: но всѣ для компаніи думаютъ ночевать на мѣстѣ своихъ подвиговъ и славы, а можетъ быть и еще день другой тутъ проваляются. Мѣсто толь славнаго

подвига имъ хочется ознаменовать какимъ нибудь трофеемъ, да и дѣльно. Убіенныхъ оружіемъ безъ брани надобно похоронить, а между тѣмъ и самимъ нѣсколько поотдохнуть и поправиться; а съѣстнова своего у нихъ станетъ еще надолго, коли только что пойдетъ имъ въ горло послѣ такой передряги.

ПОСЫЛКА ПЯТАЯ.

Когда искусившіеся такимъ образомъ въ стрѣляніи наши егери отдавъ послѣдній долгъ своимъ сопутникамъ нѣсколько отъ перелому поправились; то не укоснили продолжать предпринятаго своего странствованія. — Наконецъ приходятъ они къ одной рѣчкѣ — время было обѣденное; сіе я говорю потому, что въ кишкахъ у нихъ проголодавшіяся собаки подымали лай съ ужаснымъ ворчаньемъ и воемъ. Усталость, предѣлъ сухаго пути, доброй позывъ на ѣду, пріятность мѣстоположенія, прохлада воздуха, красота окрестныхъ видовъ, чистая и студеная вода, все склоняло путниковъ къ отдохновенію. — И такъ садятся они на крутенькомъ бережечкѣ, на жолтенькомъ на песочкѣ; и коль скоро усѣлись или возлегли, то прежде всего руками своими цапъ царапъ за съѣсти-

ные свои магазины.— Здѣсь должно замѣтить, что по сіе время каждой изъ нихъ держалъ свой столъ особливой; но тутъ сложившись они въ складчину хотятъ уготовать общую трапезу, и помянуть хорошенько усопшую свою братію. У нашихъ всегда такъ; ужъ коли вздумаютъ заварить кашу, то не пожалѣютъ масла. Распетливаютъ кошели; всякъ изъ своего вынимаетъ добрую горсть толокна и соразмѣрную щепоть соли. — Но какъ столовой и поваренной посуды у нихъ на етотъ разъ не случилось съ собою, то и разсудили они наболтать и намѣсить толокна въ рѣкѣ. (*) И какъ же ихъ угораздило? — Нарубили, или наломали, ето все равно, сучья и прутнягу, комли очистили, концы обвострили, и зашедъ по поясъ въ воду, обгородили ими столько мѣста, сколько для болтушки и мѣшонки имъ было надобно. И должно признаться, что ета выдумка ихъ будетъ поглаже всѣхъ плотинъ бобровыхъ. — Соли положили, толокна всыпали, маслица подпустили; только замѣси, да и въ ротъ понеси. Да вотъ что плохо? Они не догадались, что частоколъ ихъ, или лучше толоконной садокъ, былъ слишкомъ неплотенъ, и что вода не стояла на одномъ

(*) Что Ирои наши мѣшаютъ толокно не въ проруби, а въ открытой рѣкѣ, Читатель да благоволитъ меня въ семъ извинить; ибо они не зимою, а лѣтомъ совершаютъ сіе путешествіе.

мѣстѣ. Мѣшаютъ, болтаютъ, и того и другаго снадобья прибавляютъ, отвѣдываютъ; но все вода водой, ни солоно, ни смачно а толокномъ и не пахнетъ. „Сцо ребяци за цу„до? Ивашко! ты плаваць то мастерюга, „подзи ко братъ, говоритъ второй по мат„кѣ, туды, (указывая вверхъ рѣки) дальше, „да глядзи дальше въ глубь, вижъ тутко сь „ни цемъ цево нѣту, толокончо и масличо „наше вѣрно сѣли гдзѣ нибуць на дно, по„глядзи, да слухай, хорошенько глядзи, на„шодцы замѣси, да чуръ намъ сюда принеси.“ Ивашкѣ въ незнакомомъ омутѣ купаться не хотѣлось; сталъ было нѣкаться, отговариваться, но по пустому; у насъ коли чесь не взяла, такъ раба Божія и силкой протурятъ. Да и дѣльно; ибо ето дѣлается не для прихоти; но общая всѣхъ польза и нужда того требуетъ — пристрюнили Ивашку такъ, что парень бѣдной не хотя долженъ былъ согласиться. Но чтобы етотъ вѣтриница ихъ не обманулъ, глядѣлъ больше въ низъ, а меньше зѣвалъ по верхамъ и по сторонамъ; то они связавъ двѣ или три опояски, право не упомню, вмѣстѣ, на одномъ концѣ сдѣлали глухую петлю, накинули ему на шею, а къ другому прикрѣпили для равновѣсія фунта въ полтора камешокъ вмѣсто поплавка, взяли Ивашку на руки, взошли съ нимъ по горло въ рѣку, раскачали, размахали и бросили отъ себя сажени на двѣ, или на три въ глыбь. Ивашко тот-

часъ на дно, какъ каменной, только и вид
ли. Глядятъ, посматриваютъ на то мѣст
гдѣ онъ нырнулъ; но одни только бульки
пузырьки выскакиваютъ. По признакам
симъ заключили они, что посланный ихъ
нашедъ замѣшанное сообща толокно, оди
изволитъ его покушивать; почему и отпр
вили къ нему такою же манерою нарочн
го, звать его поскорѣе обѣдать вмѣстѣ,
сказать ему, что у нихъ уже все готов
но и сей посолъ на ногу былъ не легче Ива
ки; ибо вмѣстѣ съ нимъ присѣлъ упира
мѣшоночку. — „Цай парень, говорятъ он
„изъявляя текущею изо-ртовъ слюною св
„сильной аппетитъ, у ихъ цѣперь толь
„за ушамъ пищиць; а мы хлопай етто
„глазамы: ендакіе воры! добро — развѣ им
„не выходзиць —“ между тѣмъ по образу пе
выхъ посылаютъ они третьяго, четверт
го, пятаго; но никто не возвращаетс
Что дѣлать? Опоясокъ остается мало;
и то все такая дрянь, что сами въ р
кахъ рвутся, а потянуть покрѣпче и не д
май; веревокъ же въ запасѣ нѣтъ; кабы в
ето знато да вѣдано, такъ бы не то и б
ло — а къ тому же и людства при разны
акціяхъ кое поубыло, коихъ поизувѣчил
такъ что и возиться съ послами нѣком
Спрашиваютъ охотника лесть въ воду; но т
нуть нѣтъ ни одного востряка на выскачк
а все провальная петля, да глыбь стращают
И такъ видно етому добрецу пропадать

за денежку — такъ и быть — пришло отложить посылать званыхъ, а то пожалуй етакъ и всѣ въ омутѣ засядутъ, благо мягко — да сытно — захотятъ, такъ сами безъ зову придутъ, не велики господа. И вѣстимо дѣло такъ — что понапрасну мучиться и суетиться? — Сѣли, пообѣдали, хотя и не такъ сладко и плотно, какъ было думалось; однако насытились: голодной волкъ и завертки рвётъ. Въ ожиданіи же водолазовъ своихъ прилегли на травку муравку; ибо они воображали себѣ, что небось и тѣ, пообѣдавъ тоже отдыхаютъ. Послѣ такихъ трудовъ заснулось сладко; инда слюна изо ртовъ водопадомъ побила. И они проснулись уже тогда, когда другіе спать собираются; то есть на закатѣ краснава солнышка. — Зѣвать и мѣшкать по пустому тутъ не станутъ: семеро одного не ждутъ. Надобно какъ нибудь пока засвѣтло пробираться за рѣку. Мосту нѣтъ, перевозу не бывало. Вотъ тутъ то надобно придумать, да пригадать. Но кому другому изобрѣтать кажется трудно, а нашимъ молодцамъ сущая бездѣля. Имъ не занимать стало разума: у нихъ вѣдумки всегда готовы, да и еще съ придумками. Пошли въ лѣсъ, свалили добрую лѣсину, сучья подчистили, макушку кое какъ отчакрыжили, взвалили на могучія свои плеча, притащили на берегъ. Вотъ те и всё дѣло въ шляпѣ. Остается только спустить да сѣсть, такъ и считай нашихъ на той

сторонѣ. — Спустить лѣсину на воду, сколь бы она огромна ни была, нѣтъ никакой мудрости; ето пожалуй и всякой сдѣлаетъ, была бы только сила. — уже и у нашихъ новоизобрѣтенной понтонъ скаченъ въ воду, плаваетъ по верху и не тонетъ. Да какъ ты сѣсть та на него прикажешь? Онъ такой негодной, словно бѣсъ повертывается. Однако должно какъ нибудь умудряться. И что же они сдѣлали? Не опасайтесь Читатели, худаго тутъ ничего не будетъ. Они усѣвшись другъ подлѣ дружки верхами, ноги связали себѣ крѣпко накрѣпко, что бы какъ нибудь не свернуться и не пойти на дно за раками. Вишь какая замашка замашистая! за недостаткомъ мѣста осталось по сю сторону только человѣкъ восемь или девять, и то все изъ немудренькихъ; и сіи то останыши должны были поддерживать бревно, потомъ скрянуть его съ мѣста, отвалить отъ берегу и направить по носу на другую сторону; однако съ такимъ уговоромъ, что бы первые переправившись чрезъ рѣку послали кого нибудь за ними. Вездѣ предусматрительность; нѣтъ ничего взбалмашнаго; тото штукари! — Тишина царствуетъ окрестъ; листы на древахъ не колеблются — вода не шалохнетъ; поверхность рѣчки гладка какъ зеркало. Отпихнули новомодной понтонъ отъ берегу; поплыли наши, поѣхали, безъ веселъ и правила — любо смотрѣть, какъ они сидятъ дружно — разгова-

ривають не видя въ лицо другъ друга, но за то они видятъ въ водѣ еще подобныхъ себѣ водоходцовъ, только что ногами къ верху; радуются товариществу; начинаютъ любимую свою псалемку по *Волгѣ* — но какое неожидаемое приключеніе! не успѣли они саженей трехъ (разумѣется прямымъ трактомъ поперегъ рѣки; ибо внизъ ея снесло ихъ и на десятокъ) отъѣхать отъ того мѣста, гдѣ было по горло, какъ бревно умудрило перевернуться: равновѣсіе шибко покачнулось на сторону, и вмѣсто *почтенныхъ головъ*, такъ же какъ и у товарищей ихъ, очутились на верху *презрѣнныя ноги.* (*) Оставшіеся на берегу, увидя таковый нечаянный и смѣшный кувыркъ коллегіи, помирали съ хохоту. Ибо они вообразили себѣ, что все ето строится для шутки. „Экъ „наши цѣшатця, да прохлажаютця, говори„ли они между собою, не бось тутъ не ис„полохаютця, хоша самъ дѣдушка водяной „приди, а сцо и лапотки показываюць, да

(*) Ета мысль не моя, а одного изъ славнѣйшихъ нашихъ Стихотворцовъ, которой, какъ слухъ носится, случившись въ бесѣдѣ съ нѣкоторымъ своего времени славнымъ плясуномъ, весьма гордившимся талантами ногъ своихъ, ему сказалъ

„Танцмейстеръ! ты богатъ; Професоръ я, „убогъ.

„Такъ видно голова почтенна меньше ногъ!"

„посушивающь:“ но имъ сердечнымъ не пришло въ голову, что забавники ихъ на мѣсто лаптей, головы свои больно замочили. Кратко, сушеніемъ лаптей останыши до тѣхъ поръ любовались, пока бревна и съ сѣдоками теченіемъ воды не унесло у ихъ совсѣмъ изъ виду вонъ. Тогда радость и смѣшки зрящихъ, начали помалу удаляться, и на мѣсто ихъ почти невидимымъ образомъ подъѣхала кручина горемышная съ своими подругами. Какъ отставшія отъ стада лебединова лебёдушки, такъ наши добрые молодцы встосковались, пригорюнились. Они ясныхъ очей своихъ не могли сомкнуть до бѣлова дня; всё бѣгали, плутали по бережку, искали, кликали своихъ братцовъ товарищей. Наконецъ утомленные, какъ распуганныя ястребомъ младыя горлицы ищутъ своей матери, собираются они во свое стадо малое: ждутъ, посемениваютъ, глядятъ, посматриваютъ; но балагуры ихъ бѣдныхъ оставили; нѣтъ ни слѣду, ни отзыву — стоятъ спершись о жезлы острые, повѣсивъ свои буйныя головушки и потупивъ въ мать сыру землю очи ясныя: что начать, не придумаютъ. „Куды мы пойдцѝмъ безъ матки и вожатаго, толмачили они? —“ Куда? мой бы совѣтъ вамъ ребята такой; не лучше ли направо кругомъ? — да домой покамѣстъ заживо пробираться. Такъ — они и дѣйствительно думаютъ поворотить вспять, восвояси. — Симъ первое путешествіе По-

шехонцовъ въ Москву кончилось; однако мы поглядимъ на нихъ и во время возвратнаго ихъ шествія. Достопамятнаго опускать не должно.

ПОСЫЛКА ШЕСТАЯ.

Не погнѣвайтесь пожалуйте; я ошибся сказавъ прежде, что при переправѣ чрезъ рѣку чудодѣевъ нашихъ, по сю сторону осталось человѣкъ восемь или девять. Право не доглядѣлъ; а то кто бы мнѣ велѣлъ лгать по пустому? — Ихъ еще цѣлая дюжина. Впередъ, или назадъ идти, а безъ старшова все не льзя. Въ етакой ватагѣ надобно кому нибудь быть вожатымъ. И какъ дѣло дошло до выбора, кому быть головою, то словно кошки заскребли по сердцу каждаго — всякому своя честь мила и дорога — о честолюбіе, самолюбіе! не вы ли причиною, что никто не хочетъ уступить другому первенства? да правду сказать, и за што? — каждой маткою предлагаетъ себя, а другаго никто. „Ты—ушъ—ты, да ты „хорошъ — лёгко ли пиць дзѣло? Вижъ ка„кой братъ выѣхалъ! — издаліока ли енда„кой? — а я цемъ худъ? — а я цемъ не хо„рошъ? а я шцо, а я? начали они межъ со„бой побахаривать.“ — Ну смотрите робя-

та, чуръ опосле не пенять; мое дѣло сторона; только я бы вамъ совѣтовалъ какъ нибудь потише. — Языкомъ, что хотите болтайте, только рукамъ воли не давайте. Отъ спору до брани переходъ не далекъ, а отъ брани и до драки, не увидишь какъ доберешься. — Такъ и есть — мало помалу, слово за словомъ, тукманка въ голову за плевкомъ въ рожу, тычокъ за толчкомъ, оплеуха за тузомъ, да и пошла пируха — благо унимать нѣкому — схватились, сцѣпились, только щелкотня идетъ, словно овинъ помочью обмалачиваютъ; ломаются какъ медвѣди, грызутся, какъ голодныя собаки за кость, расхорахорились, какъ Индѣйскіе пѣтухи. Словомъ, сражаются, какъ Цесари. Нѣтъ никому и ни отъ кого помилованія. Всякой воображаетъ себѣ, (коли въ жару такого Иройскаго подвига воображать что нибудь можно), что онъ одинъ и правъ и уменъ, а прочіе всѣ и глупы и виноваты. Кратко сказать; междуусобная сія схватка до тѣхъ поръ продолжалась, пока всѣ дѣйствующія лица изъ силъ не выбились; вотъ прямо неутомимые ратоборцы! — однако теперь все дѣло кончено; никто ни наступаетъ, ни обороняется; всѣ лежатъ смирнехоньки, какъ ягнята, но ягнята такія, кои побывали въ кохтяхъ по иносказанію добраго своего пастыря. Лежатъ, говорю, и яко спесивые не хотятъ промолвить единаго словечка. Собираются еще все съ душею и разу-

ѡмъ — такъ славно подвизались — оста-
ѡкъ достопамятнаго дня сего и грядущую
нимъ ночь проводятъ они въ отдохнове-
и и лилѣяніи своихъ язвинъ. Но — милые
анятся, лишь тѣшатся. Наутріе всѣ ра-
пробуждаются, коли можно было заснуть;
нако встаютъ; по крайней мѣрѣ пред-
тавляются отъ сна востающими; проти-
ютъ кулаками себѣ глаза, и какъ гуси
ѡтягивая другъ къ другу шеи погагива-
пъ: вчерашнее все забыто, все брошено,
дто ничего не бывало. Какъ не поразмол-
ться будучи вмѣстѣ? Всё люди, всё че-
вѣки: и горшокъ съ горшкомъ столкнет-
. — Начинаютъ, совѣтуютъ, и для от-
щенія всякаго спору выдумываютъ мет-
ть святой жеребій, кому Богъ судитъ
ть маткою — метнули — и судьбѣ угод-
было избрать путеводителемъ *Фалалей-*
. Какъ приближающейся осени со полноч-
ѣхъ странъ бѣлые гуси, лебеди летятъ
краи теплые; такъ славные наши стран-
вующіе рыцари устилаютъ за маткою
свою родимую сторонушку. Но поелику
з они были, что называется не изъ са-
ѣхъ ухарскихъ, то и большихъ чудесъ
роить было нѣкому. Идутъ они день,
утъ два, идутъ три, идутъ и недѣлю;
, слава Богу, хорошо, все благополучно,
здоровы и радошны, и сыты и одѣты;
тятъ себѣ да побахариваютъ, и въ раз-
ѡрахъ не видаючи каждые сутки верстъ

по семидесяти (съ прямой дороги въ сторону) промахиваютъ. — Но нечаянное приключеніе вдругъ возмутило ихъ спокойствіе и испровергло всю сердечную ихъ радость—новой маткѣ на дорогѣ, не здѣсь будь сказано, что то занедужилось, а именно: провальной червякъ какъ то въ просонкахъ заползши къ ней въ ротъ, такъ рѣзко зачалъ точить зубы, что терпѣть могуты не было. Щоки распухли, губы раздуло, желѣзы напряглись впрямъ какъ желѣзныя. Воетъ бѣдная, да стонетъ, хоть упасть середь дороги, такъ въ пору. Можетъ быть ей пришли не по недугу тѣ кулашные гостинцы, коими наканунѣ ея материнства дѣтки ее поподчивали. Можетъ быть и то и сіо; да что ты имъ теперь бѣднымъ дѣлать прикажешь? — Жаль отъ всего сердца, а пособить нечемъ. Дѣло стало захожее, незнакомое, мѣсто нежилое; кругомъ пришолъ лѣсъ; однако кое какъ, уже и такъ и сякъ, отцелюбивые Енеи подхвативъ Анхиза своего къ себѣ на плеча дотащили до селенія. Ну теперь таки ужъ всё не то; на сердцѣ у ихъ нѣсколько поотдало. Пришли въ гостинницу, или лучше сказать приволоклись; и въ одинъ мигъ лѣкарей и лѣкарокъ набѣжало до полусотья, какъ будто духомъ пронюхали. Одинъ совѣтуетъ то, другой предписываетъ другое, третья говоритъ свое, и такъ далѣе. Не знаютъ, кого слушать: пробуютъ и тѣмъ и семъ, но пользы нѣтъ. Наконецъ

той деревни славной мастеръ Василій кузнецъ для уврачеванія недуга присовѣтовалъ больные зубы выдернуть. Маткѣ предложеніе сіе, какъ необычное, хоша и не очень было по сердцу, однако она по нестерпимой боли рада была на все согласиться, а дѣтки ея и подавно. Взяли, потащили бѣднаго Фалалейца въ кузницу — привели, и по приказу кузнечныхъ дѣлъ мастера вводятъ его между четырехъ столбовъ въ непокрытую свѣтлую галлерею, гдѣ лошадей обуваютъ. Хворой нашъ, видя сіе, ну было пятиться, дрягаться и руками и ногами, да ужъ поздо. Видь никто пихалъ, самъ попалъ. Впередъ коли уснешь, не разѣвай рта; етакъ и языкъ отъѣдятъ; на кого тогда пенять станешь? — Не знаю точно, какъ онъ поставленъ былъ въ дыбахъ, то есть, связанъ, или распетлянъ, только Василій кузнецъ помощію своихъ субтильныхъ инструментовъ тотчасъ разжалъ ему губы и зубы, и оглядѣвъ больные зубы, оплелъ ихъ надежною проволокою, и въ семъ положеніи притянувъ болящаго къ кольцу передоваго столба, привязалъ его къ оному. Послѣ сего приготовленія оставилъ его, а самъ пошелъ работать въ свою лабораторію, сказавъ ему на прощаньѣ: „стой братъ теперь, да не шатайся.“ Дѣтокъ, слышавшихъ сіе, подрало по кожѣ; они не знали, что будетъ дѣлаться съ ихъ маткою. Мало по малу, одинъ за однимъ,

всякъ наровитъ отъ дыбовъ подалѣ; а о Фалалейцѣ самомъ и говорить нечево. „Ну, ду„маетъ онъ въ себѣ, попался же я въ кляп„цы.“ Куда и болѣсь у парня дѣвалась? — Все какъ рукой сняло. Ибо уже онъ не о болѣзни, а о развязкѣ своей думаетъ: пугана ворона и куста боится; (припомните первой ночлегъ); а ето худой кустъ. — Наконецъ выходитъ изъ Вулкановой лабораторіи самъ врачь, держа клещами прематерой кусокъ раскаленнаго желѣза, и идучи чего то на него побрасываетъ, искры съ трескомъ летятъ во всѣ стороны; подошедъ къ дыбамъ, и взявъ желѣзо обѣими руками сперва прицѣлился, потомъ съ размаху, какъ будто бы хотѣлъ сунуть оное привязанному страдальцу, прямо въ ротъ. Фалалеицъ, при семъ дѣйствіи такъ сильно рванулъ голову, что инда столбъ пошатнулся, а переплетеныхъ косточекъ во рту какъ не бывало; кровь хлынула изъ гортани его, какъ изъ ведра, въ глазахъ показались мурашки, голова пошла кругомъ. — Однако Дантистъ нашъ скоро Фалалейца привелъ въ чувство, успокоилъ, желѣзо и клещи бросилъ въ сторону, кровь, какъ водится у такихъ славныхъ мастеровъ, заговорилъ на воду, боль унялъ, червяка, котораго не прозѣвалъ принести съ собою, показалъ всѣмъ во увидѣніе. И Фалалеицъ нашъ чрезъ полчаса времени всталъ, какъ встрепаной, будто ни въ чомъ не бывалъ; толь-

› что бѣлыхъ косточекъ съ полдесятокъ
ѣста оставилъ въ дыбахъ, но ето бѣ-
: не велика. Плутъ кузнецъ пронюхавъ
пъ земляковъ Матки, что онъ вели-
›й охотникъ до рѣпы, моркови, брюк-
ы и другихъ подобныхъ овощей, увѣрилъ
'о, что выпадшіе зубы были точно репе-
ые, и что на мѣсто ихъ, со вспоможені-
лъ его, выростутъ теперь настоящіе ко-
пяные; и для сего самаго далъ ему тутъ
е нашептанный имъ какой то корешокъ,
ія всѣхъ шести паръ въ случаѣ нужды
авно дѣйствительный; за что дюжина на-
а челомъ била ему не только словами, но
мошнами. И мнѣ сказывали, что послѣд-
ія доказательства благодарности гораздо
лагосклоннѣе зубнымъ врачемъ были при-
нты, нежели первыя. Мы видѣли, что щу-
и и въ старину нашедъ карасей не дре-
али.

ПОСЫЛКА СЕДЬМАЯ.

На кого пойдетъ напась, такъ только от-
увайся. Вскорѣ послѣ сего еще одинъ изъ бра-
іи именемъ *Тарасъ Скотининъ* захворалъ ли-
оманкою, которая парня совсѣмъ отъ ѣды
отбила, и въ короткое время изсушила его
акъ лучиночку, сокрушила какъ былиноч-

ку. И слава еще Всевышнему, что ето случилось не помню, въ какомъ то городѣ, гдѣ тогда былъ одинъ совершенно испытанный въ искуствѣ, дознанный въ добродѣтели, и знаніемъ своимъ по всему околотку весьма прославившійся лѣкарь, котораго путникамъ нашимъ позвать къ больному всѣ совѣтовали, увѣряя ихъ что онъ, коли примется, такъ съ одра подыметъ человѣка. Вдругъ бросились наши къ сему размазанному хвалами Ескулапу на подворье; но къ нещастію своему, его у себя не застали. Онъ отозванъ тогда былъ въ деревню за городъ, верстахъ въ семи или осьми оттуда лежащую, къ одному больно богатому помѣщику; и имъ въ отвѣтъ отъ домочадцевъ Штаблѣкарскихъ сказано, что если они хотятъ его поскорѣе имѣть у себя, то бы сами за нимъ туда съѣздили; для того, что яко бы онъ отъѣзжая проговаривалъ, что по причинѣ трудной и опасной болѣзни, пробудетъ тамъ нѣсколько дней, а можетъ статься, и недѣль сряду. Дорога у прошлецовъ нашихъ въ показанную деревню была въ свѣжей памяти. Ибо они, только дни три тому назадъ, какъ ее за собою оставили. Короче сказать, она была та самая, гдѣ кузнецъ дѣлалъ операцію. — Знали они, что въ животѣ и смерти Богъ воленъ, и что если его святой волѣ будетъ угодно, то не только лѣкаря, да и ворожеи не пособятъ: однако нѣжное братство и Дамоно-Пиѳіево дружество не поз-

воляли имъ хвораго одного, на чужой сторонѣ, въ незнакомыхъ людяхъ, оставить, покинуть, бросить, безъ помощи, безъ пріюту, безъ призрѣнія. Единодушная и горячая любовь къ *Тарасу*, какъ кнутомъ погоняла ихъ, искать ему всячески исцѣленія. Время было дорого; Тарасу часъ отъ часу хуже; то въ ознобъ, то въ жаръ бросаетъ его безпрестанно; къ лихоманкѣ присунулась огневица; бредитъ сердешной безъ просыпу, ѣстъ безъ памяти, испить проситъ поминутно. Рѣшенось, какъ можно скорѣе, во что бы ни стало, бѣжать за помянутымъ лѣкаремъ. Какъ же бы тутъ сдѣлаться? Пробѣжать по осьми верстъ въ оба конца не шутка. Приступаютъ къ хозяину — валяются въ ногахъ, какъ самые отчаянные, просятъ его обливаясь горючими слезами, неотступно, что бы онъ далъ имъ какой нибудь клячонки съѣздить за лѣкаремъ. Добродушной хозяинъ, видя таковую ихъ нужду, безъ всякаго прекословія согласился на ихъ прозьбу, и предложилъ со своей стороны все, что могъ, и что было надобно къ ихъ услугамъ. Лошадь въ одинъ мигъ впряжена въ коляску, что навозъ на пашню возятъ; и наши всѣ одиннадцатеро ну было усаживаться и ѣхать зватыми; они такъ въ дорогѣ свыклись между собою, что не было мочи одному отстать отъ другаго. Однако гостепріимецъ ихъ отъ етого отговорилъ и настоялъ на томъ, что бы послать изъ нихъ кого нибудь одного

порасторопнѣе — Видно, что онъ или не слишкомъ надѣялся на свою клячу, или очень любилъ ее: а можетъ быть цѣль его была и та, что бы отпустивъ одного съ лошадью, прочихъ удержать у себя аманатами, въ случаѣ какой измѣны. Какъ бы то ни было; только по хозяинову сдѣлалось; и за лѣкаремъ по общему всей братіи согласію отправленъ былъ *Меркульцъ*. Хотя время приходило и къ вечеру; да спасибо, его парень не изъ тѣхъ, кои трубу умѣютъ праздновать. Онъ хоть въ глухую полночь такъ не струситъ и самаго чорта. Однако все хорошо, говорится, до поры до времени. — Уже посланный былъ на половинѣ пути своего; углубившись въ печальныя размышленія онъ не взиралъ ни на что окрестъ себя. Красота видовъ не удобна была обратить на себя очей его: сладкія пташечекъ пѣсенки не внятны были ушамъ его; благоуханіе цвѣтовъ не проницало засорившагося его обонянія. Ему все было не мило; все сдѣлалось постыло; сватъ Тарасъ не здоровъ. Въ минуты самой глубокой его задумчивости, (или дремоты, кто про его знаетъ) откуда ни взялся, вдругъ брякъ сзади къ нему на телѣгу; и кто же? поглядите на портретъ его — въ видѣ человѣка середняго росту, только — черной какъ головня, курчавой словно мерлушка, бѣлозубой, толстогубой, плосконосой, пучеглазой — страшной — свирѣпой, угрюмой — теперь намъ отгадать не трудно — но *Мер-*

ьцъ, какъ при потрясеніи своей колесни-
оглянулся назадъ, такъ и обмеръ отъ уже-
и, самъ себѣ не вѣритъ, слышитъ, что
тъ — а посмотрѣть хорошенько не смѣ-
ь; однако по ле-гонь-ку, ти-хо-хонь-ко,
ю на кось черезъ плечо, изъподлобья, еще
адъ коситъ глаза — тутъ! — провались ты
янной сквозь сыру землю подрало по кожѣ,
съ ножемъ, пуще крещенскаго морозу —
всѣмъ на яву — таки вотъ какъ вылитой
овальной — охъ! нѣтъ; ужъ ето видно не
ичудилось — „а ось и мерещицься, думаетъ
бѣ, дако перекщусь и благословясь асцо по-
лотрю;“ крестится, творитъ молитву,
слинаетъ, и лишь только было хотѣлъ
януться, какъ некрещоная харя черно-
зой своей лапой хлопъ его по плечу; нашъ
зница оцѣпенѣлъ — а нелегко нанесенной сѣ-
къ въ прибавокъ, сиповатымъ и мало-
ятнымъ голосомъ ему: *не пось пратъ*. Обо-
ишельное привѣтствіе сіе поѣзжаннаго
шего окуражило, какъ громомъ; возжи
ь рукъ выпали. Спасибо, хоть лошадь на
ютъ разъ случилась нерьяна, а то пожа-
й, другая почувствовавъ ослабу, понесла
драть, что не успѣлъ бы мигать. Что
лать? — На дворѣ смеркается — а до лѣ-
вотъ только шаговъ десять — *охци лиѣ*
отъ пратъ! разсуждаетъ Меркульцъ;
дитъ, какъ попавшійся раздраженному
двѣдю въ лапы, и дыхнуть посвободнѣе
смѣетъ; самъ не свой, да коли правду

сказать, такъ хошь бы и ково въ етакомъ случаѣ задерётъ за живое. Наконецъ, Меркулыцъ кое какъ, сжавъ сердце сквозь зубы какъ не хотя, не оглядываясь уже по прежнему, полутонами произноситъ рѣчь: „Цосный господзинъ цортъ, пожалуста сойдци. „Я не цортъ, отвѣтствуетъ ему сѣдокъ — „да — ты не цортъ — а — вишь какой! — „асцо хошь меня обмануць — развѣ я ослѣп „— да хто жа ты кормильной, коли не „цортъ, и съ цово ты меня назвалъ давицъ „братомъ? продолжалъ Меркулыцъ — я Арапъ „— охъ, да даромъ, сцо ты мнѣ радъ, говорритъ на сіе Меркулыцъ, я цебе не радъ, „пожалуста сойдци, покинь меня радци Бо„га, пусци душу на покаяніе.“ Арапы лукавы и етотъ ворина смѣкнулъ тотчасъ, какую ему должно играть ролю: онъ вздумалъ позабавиться хорошенько. Но какъ въ продолженіе разговора сего и лошади дана была полная свобода, то и ей отъ бездѣлья вздумалось поглядѣть на дѣйствующія лица; но не успѣла она, такъ сказать, путемъ осмотрѣться; какъ вдругъ, поднявъ свой бунчукъ такъ рванула съ дороги въ сторону, что сердечникъ хряснулъ, и она съ одними передними колесами опрометью, словно отъ медвѣдей, (хотя я и не знаю, пахло ли изъ нихъ отъ кого медвѣжиной) со всѣхъ ногъ пустилась ко двору; (*) откуда, подумаешь,

(*) Ето стало быть извѣстно опослѣ.

рысь взялась? Меркулыцъ сѣлъ, какъ ракъ
ı мѣли; а сѣдокъ, умышленно брякъ на не-
:го, и для шутки, его облапилъ обѣими,
ıчалъ щекотать и надавливать за живо-
ɔтокъ. Меркулыцу бѣдному пришло, а бо-
е вообразилось, такъ, что ни дохнуть,
ı пыхнуть — ни туды, ни сюды, барах-
ается, бьется, инда духъ захватило. Вотъ
утъ то надобно сохранить всю силу и
ɔисутствіе разума! или какъ говорятъ:
ɔтъ тутъ-то устой, гдѣ кисель густой.
ıть одному-одинехоньку, поздно вечеромъ,
лѣсу, безъ лошади, въ незнакомомъ мѣ-
гѣ, съ чортомъ и у его же въ кохтяхъ; ето
дые смѣшки. Хоть бы кому довелось, такъ
аво не хотя трухнёшь. Но полно мнѣ то-
ıть Читателя сими разсказами; время раз-
зать узелъ явленія.— Арапъ видя, что шут-
его идетъ уже не на шутку, первой началъ
зговаривать, ободрять и успокоивать сво-
ɔ сопутника; и хотя съ трудомъ; однако,
залось, увѣрилъ его о себѣ, что онъ дѣй-
ıвительно не чортъ, а такой же человѣкъ,
къ и всѣ прочіе, только что смугловатъ.
для сего разсказалъ ему все, что было
добно; и подъ конецъ къ немалому щастію
:ркулыца нашего открылось, что етотъ
рнобровецъ былъ изъ дому того самаго
сподина, къ которому онъ сперва ѣхалъ
ıло, а теперь долженъ идти за врачемъ.
кими утѣшными словесами поѣзжаной
ıшъ мало помалу ободрился, всталъ кое

какъ, встрепенулся и побрелъ съ названымъ братцомъ въ деревню, только не такъ, чтобы около его очень близко, а все наровя поодаль и во всю дорогу почти поминутно на него съ боку поглядывалъ. Наконецъ пришли они въ домъ помянутаго помѣщика: ходатайствомъ Арапа, лѣкарю тотчасъ доложено было о Меркулыцѣ и о винѣ его пришествія. Лѣкарь, по благодушію и усердію своему, хотѣлъ было въ туже минуту ѣхать къ больному; однако недоконченные ремизы заставили его отложить ето дозавтрея. На другой день изъ деревни отправился онъ къ больному въ городъ, и звашаго взялъ съ собою вмѣсто провожатаго — пріѣхали въ городъ, пришли въ гостинницу; и врачь по правиламъ своея науки первѣе всего пощупалъ пульсъ у больнаго, потомъ велѣлъ ему показать языкъ. Мучимый трясучкою, сколь ни былъ труденъ; однако вспомня операцію надъ маткою своею въ кузницѣ, и устремивъ быстро на врача глаза свои, при всей слабости, изъявляющіе нѣкоторое недовѣріе, сказалъ ему притворно улыбаясь: „да — ты обманесъ, ты мнѣ яишничу „дашь.“ И какъ лѣкари тогда были всѣ изъ своихъ Рускихъ, а изъ иноземцовъ ни одного; то и етотъ врачь, зная истинное значеніе сихъ словъ, крайне удивился такой осторожности своего больнаго, и при всей своей Иппократовой важности, не могъ удержаться отъ смѣху. — Однако, кое-какъ

онъ уговорилъ его высунуть языкъ, и узнавъ силу и свойство болѣзни, принялся больнаго пользовать, и лѣчилъ столь удачно и рачительно, что чрезъ недѣлю совсѣмъ его поставилъ на ноги. И такъ прошлецы всесвѣтные отблагодаривъ изъ учтивости своей хозяина, то есть, заплативши ему по представленному отъ него щоту все чисто на чисто за квасъ, щи, соль, постоялое, за испужаніе лошади и хожденіе за больнымъ, за телѣгу, за пріемъ лѣкаря и другія мѣлочи, почесали только у себя въ затылкѣ, и рѣшились никуда не заходя, какъ можно скорѣе пробираться восвояси.

Здѣсь можно бы разсказать, какъ они поступили съ карманными часами, найденными ими на дорогѣ; но мы объ етомъ въ другомъ мѣстѣ и въ иномъ видѣ упомянемъ. А теперь загонимъ ихъ съ Богомъ домой — пусть они немножко поотдохнутъ, и другимъ про чудеса свои пораскажутъ. Посмотримъ-те лучше ихъ на своей родимой сторонушкѣ. — Они набуркавшись въ походахъ по чужимъ землямъ, стали еще замысловатѣе и расторопнѣе.

ПОСЫЛКА ОСЬМАЯ.

Не успѣли, такъ сказать, подмосковные наши путешествователи появиться на свою сторону, не успѣли надлежаще опочить отъ рыцарскихъ своихъ подвиговъ; какъ неумолкная сестра Цеа и Анцелада далеко въ окрестности удальство ихъ пронесшая, привлекла изъ окресностей въ пресловутое Пошехонье толпы любопытныхъ, неудоволившихся однимъ слышаніемъ, но желавшихъ своими глазами видѣть мудрецовъ нашихъ и полюбоваться глядя на ихъ хитрости. Толико они въ немногіе дни похожденія своего прославившись, прославили купно и дорогое свое отечество! Прошло уже то времячко, въ которое они, розиня ротъ, всему удивлялись; нѣтъ — теперь сами тертой калачь: на свой пай по бѣлу свѣту побуркались довольно, насмотрѣлись и навидались всячины, намыкались горя до сыта; нужда научила ихъ калачи ѣсть, пусть-ка другой кто етакъ своимъ хребтомъ полюбопытствуетъ, такъ не бось узнаетъ Кузькину мать. — Но я говорю не о прошедшемъ, а о настоящемъ. Во дни сего величія и славы своей, наслаждаясь покойно плодами своихъ пріобрѣтеній, они приводили всѣхъ въ нѣкое забавное удивленіе. Что ни скажутъ, все такъ кстати, остро, ловко, любо слушать; что ни сдѣлаютъ; и

превосходно и поразительно; кто ни посмотритъ, у всѣхъ глаза разбѣгаются — шпынямъ и балагурамъ потрунивать на ихъ щотецъ стало не ловко; а что бы провесть етакъ изъ нихъ кого за носъ, или поддеть на фуфу, и не думай: все видятъ, все проницаютъ. — Но кто изъ человѣкъ на всякъ часъ устережется? слѣдующее съ ними приключеніе служитъ яснымъ доказательствомъ оплошности и притупленія ума человѣческаго. Не могу увѣрить заподлинно, въ первой ли годъ по возвращеніи ихъ изъ славнаго своего путешествія случилось оное, или уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того; только вѣдаю то, что было близко того мѣсяца, которымъ смотрятъ въ сердцахъ и съ просонковъ. Въ сію годину, какъ извѣстно, хорошія деньги проскакиваютъ на рѣдкость. Правду сказать, что судя по тогдашней порѣ времени на холодъ грѣхъ имъ было пожаловаться; погода стояла довольно теплая, только дожди и мокрить ужъ чрезъ чуръ надоѣли. Ибо опричь того, что за продолжающимися почти беспрестанно ливнями, не льзя было ногой со двора выступить, и дома покою не было; для того что въ почивальнахъ ихъ отъ чрезмѣрной чистоты и опрятности, развелось блохъ такое множество, что куда ни ступишь, куда ни сглянешь, вездѣ ихъ кишмя кишитъ; такъ и прыгаютъ, беспрестанно кусаютъ да жиляютъ, ни днемъ ни ночью покою не даютъ.

Етакія навязались супостатки: какъ отбиться отъ проклятыхъ, не придумаютъ. Ужъ, кажется, и сору-та изъ избъ не выносятъ, и полъ-то перестаюп.ь пахать, и трухою-та вездѣ усыпаютъ, утаптываютъ, и водою-та поливаютъ, словомъ, ужъ чево то чево не дѣлаютъ; но все нѣтъ никакой помоги. Доморощеная ета легкоконница такъ ихъ пристрюнила, хоть изъ дому вонъ бѣги; а куда дѣться прикажешь? развѣ и впрямъ изъ огня да въ поломя. Слухъ о таковомъ ихъ нещастіи пронесся далеко во всѣ стороны. У него, не у курицы, типунъ на языкъ никогда не сядетъ. — Наконецъ передъ самыми заморосками пріѣзжаетъ къ нимъ на лихой тройкѣ, незнаемо откуда, и не вѣсь еще за чемъ, нежданой гость съ такимъ большимъ возомъ травы, какіе досель бывало крестицкіе ямщики приваживали сюда на конную для продажи. Новопріѣзжій сѣнникъ по новости дѣла останавливается середь самой большой улицы; отвсюду сбѣгаются къ нему толпами, окружаютъ, глядятъ какъ на чудо, и кто изъ любопытства, другіе же мудрѣйшіе въ чаяніи себѣ спасенія, дѣлаютъ ему разные вопросы, на кои онъ не сходя съ возу доноситъ имъ о себѣ вкратцѣ слѣдующее: что я дискать прослышавъ о постигшемъ пресловутый градъ вашъ нещастіи, и съ малыхъ лѣтъ упражняясь въ пользованіи разнаго рода травами, позналъ довольно ихъ силу, разныя пригодности, дѣй-

ствія и противодѣйствія, и что искусствомъ своимъ надѣясь несомнѣнно пособить настоящему вашему горю, единственно по сердоболію своему пріѣхалъ къ вамъ, самъ собою, не дожидаясь зову, боясь, дабы отъ умедленія зло не заматарѣло, подать вамъ руку помощи, какъ можно скорѣе, доколѣ есть еще къ тому способъ. Словомъ; етотъ Краснобай умѣлъ такъ искусно росписать себя, что въѣхалъ къ нимъ въ ротъ по уши; да и не льзя было ему не повѣрить. Кто тонетъ, тотъ и за лезвѣе ухватается. Выбившіеся изъ мочи отъ остервенившихся и увертливыхъ наѣздницъ, могучіе наши Лукапёры, слушая таковыя утѣшныя, улесныя словеса его, какъ воскъ отъ огня растаяли. Они не могутъ довольно изъяснить своей другъ другу радости, и благодарности мнимому своему избавителю. Ибо онъ въ самомъ дѣлѣ ни что иное былъ, какъ обыкновенный Шарлатанъ и обманщикъ, то есть: тѣмъ дѣтушкамъ помога, у ково есть денегъ много. Однако посмотримъ, какой конецъ будетъ. На суслѣ пива не узнаешь, кто кого обманетъ. Наши и сами, кажется, ребята себѣ на умѣ — непромахи. *Помогинъ*, такъ прозывался пріѣзжій докторъ, стоя на возу, держа въ рукѣ кнутъ, обращаясь на всѣ стороны, съ приличными тѣлодвиженіями произноситъ длинную рѣчь о пользѣ травъ своихъ, доказывая, что онѣ самыя рѣдкія, что вывезены изъ-за моря

за нѣсколько сотъ лѣтъ до сотворенія міра, и достались ему по нѣкоторому особливому случаю, или лучше сказать счастію по смерти такого человѣка, что кабы де они знали, то бы . . . увѣряя при томъ, что одною прядочкою изъ того безцѣннаго собранія, на которомъ они его видятъ предстояща, можно перевести не только всѣхъ блохъ, но и клоповъ, таракановъ и проч. хотя бы етой гадины были цѣлыя тысячи тысячь. Словомъ, онъ поставилъ травы свои несравненно выше Ерофеичевой сорокотравки. Но сколь онѣ по словамъ его ни драгоцѣнны были, однако онъ не жалѣя какъ ординарнымъ сѣномъ покармливалъ лошадей своихъ. Лгать и хвастовать, казалось бы, надобно поосторожнѣе, что бы не попутаться. Прискакавшій спотыховъ Шарлатанъ или не имѣлъ сей догадки, или ужъ слишкомъ надѣялся на своихъ слушателей, которымъ и дѣйствительно въ печаляхъ подумать объ етомъ не пришло въ голову. *Пологинъ*, увѣривъ такимъ образомъ весь Потехонскій факультетъ о превосходствѣ и пригодности своихъ травъ отъ блохъ, слезаетъ самъ и двое по видимому учениковъ его съ телѣги, развязываетъ возъ полегоньку, что бы не раструсить, и для порядку въ продажѣ, учениковъ разставляетъ по сторонамъ воза съ кнутьями, приказывая, что бы они нахаловъ отгоняли, и подбирать ребятамъ лѣкарствен-

ныхъ своихъ травъ даромъ не давали. Торгъ начинается; вѣсить да развѣшивать нѣкогда; купцовъ тутъ не двое и не трое; всѣ ждутъ изцѣленія, всякому хочется поскорѣе; а продавецъ сталъ одинъ. И такъ, онъ вздумалъ продавать товаръ свой не пудами и фунтами, а прядочками по своей таксѣ; травинокъ етакъ по десятку, по два, по три и болѣе, смотря по деньгамъ, или лучше сколько въ руку захватится; щотъ былъ коротокой, и раздѣлка не долгая. Ибо, чтобъ въ такихъ хлопотливыхъ и жгучихъ обстоятельствахъ не толковать каждому по одиначкѣ своего рецепта, и тѣмъ болѣе сберечь времени, то онъ самъ вызвался добровольно изъяснить оной хорошенько всѣмъ вдругъ какъ скоро совсѣмъ отдѣлается. Ибо имъ самимъ и етого спросить не пришло на разумъ. То-то молодцы! — купля и продажа происходитъ съ жаромъ; денежки побрякиваютъ; на чьей-то сторонѣ перевѣсъ будетъ? — Между тѣмъ дѣло приходитъ къ вечеру, и ярмонка оканчивается уже при огнѣ, и то для того только, что у Новоторца ничего не осталось ни подъ себя подослать, ни лошадямъ дать; ибо онъ въ торопяхъ и объѣдки лошадиныя упекъ тутъ же. — Управившись совсѣмъ и взлесши съ учениками своими на прежнюю свою кафедру, начинаетъ онъ велегласно: „охъ вы гой есте добрые молодцы! всѣ, гей! всѣ! сюда — ближе! „стойте смирненько — пожалуйте — те-

„перь, сей Божій часъ я вамъ открою всю „тайну, коей другой на моемъ мѣстѣ ни од„ному человѣку не объявилъ бы ни за какія „въ свѣтѣ сокровища; смотрите же, примѣ„чайте хорошенько, и что буду говорить, „помните. — Слухамъ, слухамъ, слухамъ, „кормилечь! отвѣтствуетъ ему нещетное „множество голосовъ — траву ету, продол„жаетъ Ораторъ, сперва надобно высушить „сухо на сухо; и такъ вы положите ее въ „топленую печь бережненько, какъ жаръ, „знаете, необходится, чтобы она ни сго„рѣла, ни пригорѣла; слышите ли друзья „мои! — Слухамъ ста, слухамъ, восклица„ютъ ротозеи — высушивъ же должно ее „истолочь или истереть въ порошокъ мѣл„ко на мѣлко, какъ муку на кисель; и такъ „я бы вамъ совѣтовалъ лучше всево поло„жить ее въ ступу, и толочь до тѣхъ поръ, „какъ пыль полетитъ. Слышите ли? — Слу„хамъ 3-жды. Послѣ сего порошокъ изъ сту„пы выньте или высыпте, ето все равно. „Разумѣете ли? — Разумѣмъ родзимой, разу„мѣмъ. — Ну, смотрите же берегите етотъ „порошокъ, какъ глазъ свой, до случая, то „есть: когда вы поймаете блоху, то взявъ „ее искусненько — смотрите, какъ можно „бережненько, за ножки или за крылышки, „что бы какъ нибудь ее не повредить, го„ловой оборотите къ себѣ, и старайтесь „разсмотрѣть хорошенько у ней глаза. Ко„гда оныя найдете, то какъ можно не давай-

те ей щуриться, и поскорѣе порошку сего дуньте ей въ оныя. И буде ей попадетъ его хоть одна пылинка въ глаза, въ ротъ или въ носъ; (скажу вамъ, что ета гадина рыломъ вообще хлипка) то она тотчасъ или издохнетъ, или ослѣпнетъ, или по крайней мѣрѣ такъ зачахнетъ, что ужъ вѣрно не проживетъ долго. Но что я вамъ сказалъ объ одной, вы тоже должны разумѣть и о прочихъ: *по сему же и прочая разумѣвай.* Слышите ли? — Слухамъ ста — ну да все ли, что я вамъ по сю пору говорилъ, вы помните и разумѣете? — Все кормилечь, какъ етава не разумѣць намъ? а коли все, то и у меня все. Теперь прощайте, оставайтесь благополучно." И съ сими послѣдними словами такъ махнулъ по лошадямъ, что только плуга и видѣли; какъ прѣла умчался изъ виду вонъ.

ПОСЫЛКА ДЕВЯТАЯ.

Спустя нѣсколько послѣ сего времени, Пошехонцамъ нашимъ изволилъ пожаловать и еще дорогой гостьъ, которой не плоше Помогина, выдавалъ себя за великаго знатока и искусника въ таинствахъ природы. О коли на прямыя денежки отрѣзать; такъ онъ былъ ни что иное, какъ обакула мучекъ, которой не имѣя у себя и столько,

чемъ бы голодную собаку изъ подъ стола выманить, вздумалъ подняться на хитрости. Голь на выдумки мудра. И что же? Онъ совершенно увѣрившись о чистосердечіи и любовѣденіи Пошехонцовъ, зачалъ имъ языкомъ своимъ точить разныя фокусы покусы, прося положиться на честное его слово, что если они между прочимъ хотятъ видѣть опытъ его дарованій; то онъ безъ насѣдки, самъ собою и одинъ берется высидѣть цыплятъ, утятъ, гусятъ, словомъ всякихъ птицъ, какихъ хочешь, и сколько угодно, и еще такъ, что ни одного болту на не будетъ, только были бы самыя свѣжія яица, и способное къ высиживанію мѣсто. Тайна выводить цыплятъ безъ курицы, хотя въ новѣйшія времена и открыта; однако еще и нынѣ не многимъ извѣстна, а тогда объ ней и слуху не было. И такъ весьма естественно, что любомудрцы наши, слушая такую задачу, обомлѣли. И сколько по любопытству своему, столько для избѣжанія самимъ хлопотъ, захотѣли непремѣнно видѣть событіе сего неслыханнаго чуда. По нѣкоторыхъ краткихъ съ обѣихъ сторонъ переговорахъ и условіяхъ, согласіе съ каждой подписано и устами и душами. Контрактъ былъ сдѣланъ словесно, котораго почти вся сила состояла въ томъ, что бы насѣдку какъ во время сидѣнія ея всевозможно беречь и всемъ довольствовать, такъ и послѣ оныхъ, то есть, по соверше-

ніи всего дѣла, не обидѣть, а наградить пристойно. Теперь надобно помышлять, какъ бы поскорѣе приступить къ самому дѣлу. Надобно выбрать способное мѣсто: ету матку въ горшокъ иль лукошко, думаютъ себѣ, не впискаешь; да и яицъ съ разными мѣтками нанесено такое множество, что ими хоть прудъ пруди. Но объ етомъ пещись ужъ не хозяйская забота: они знай только свое дѣло — *Голтяпонъ*, (имя новомодной насѣдки) тотчасъ разрѣшилъ ихъ недоумѣніе. Подлинно всякое дѣло мастера боится. Онъ избралъ для сего овинъ, котораго лучше и больше не было во всемъ Пошехоньѣ, и велѣлъ перенести въ оной всѣ яица. И когда по предписанію его все нужное для высиженія цыплятъ было исполнено, то онъ благословясь сѣлъ на свое мѣсто въ подовинникъ, куда всѣ яица напередъ были спроважены. Кто видалъ, какъ въ деревенскомъ быту немолоченой хлѣбъ сушатъ, тотъ все ето дѣло легко представить себѣ можетъ; почему я и не распространяюсь о семъ много. И хотя по силѣ договора усѣвшаяся на яица насѣдка не имѣла недостатку ни въ питіи ни въ пищѣ; однако ей что то вздумалось очень рано яички проклевывать, то есть, подпекать да утирать ихъ съ невидальщины, благо дорвалась, кое въ смятку, кое въ густую, когда яишенку состряпаетъ, какъ вздумается. Сверхъ сего кормили плуша и одѣвали, какъ

пастуха всемъ міромъ, только что несравненно лучше. Хорошенькаго куска сами себѣ не уболивали, а ему носили. Рубаху и балахонъ всякой день давали ему чистые, а о другомъ и говорить нечего — любо! *Гольтяпону* не житье, а масленица; и тепло и сытно, прохлажается себѣ, да около огонька поваливается — и не вышелъ бы изъ подовинника. Говорится же пословица: коли хлѣба край, такъ и подъ елью рай, а тутъ благодаря Бога еще не въ лѣсу съ волками да медвѣдями: есть съ кѣмъ слово промолвить: нѣтъ того божьяго дня, чтобы его разъ сто навѣстить не пришли; а коли угодно, такъ къ себѣ и для поговорки, и скуки ради пожалуй хоть пятерыхъ иль десятерыхъ возьми; только спасибо онъ и одинъ не скучалъ и себѣ не боялся. Мало по малу пришло то время, въ которое обыкновенныя насѣдки перестаютъ сидѣть на яицахъ. Но *Гольтяпонъ* нашъ не беспокоится, что у него цыплята не проклевываются. Да и какъ человѣка примѣнить къ курицѣ? Одна тварь несмысленная, все дѣлаетъ слѣпо, по одному врожденному побужденію; а другой одаренъ разсудкомъ и волею непринужденною: а потому и поступать долженъ сообразно съ оными, и изъ самыхъ благъ избирать лучшее и большее.— Еще непроклюнувшихся яицъ на мѣсяцъ мѣста станетъ; такъ на чтожъ торопиться? надобно все доканать — Между тѣмъ

ева яицъ и скоро имѣющихъ вылупиться
лятъ ходить тулять на тумно такъ пова-
сь, какъ щеголы на гостиной дворъ, или
ы въ лѣтнее время на биржу. Всѣ навѣды-
ися о состояніи матки, и горя нетерпе-
стію видѣть во дни свои диво дивное
до чудное, замучили почти ее своими
осами: „все ли кормилечь, идзіочь у це-
по добру, по здорову, и скороль мы у-
зимъ своихъ цыпочекъ? —" На что ре-
ый *Гольтяпонъ* боясь сойти съ гнѣзда
о, дабы не остудить яицъ, и тѣмъ
дѣла не подгадить, или лучше, что бы
льничества своего не обнаружить, все-
изъ подовина отвѣтствовалъ имъ въ ма-
кую дырочку, (а когда приходили къ
съ кушаньемъ, то онъ не боялся от-
ть окно на стежъ) увѣщевая при томъ,
бы они не беспокоились, и что дѣло
со всемъ къ желаемому концу прихо-
ь, что онъ имѣетъ великую надежду, и
теперь имъ остается только думать о
тникахъ, насѣстяхъ и о заготовленіи
воговременно корму. Нѣтъ нималаго сом-
и, что Пошехонцы не помысливъ о семъ
, толь полезные и нужные его совѣты
яли съ чувствительнѣйшею благодарно-
, и не преминули точнѣйше оные вы-
ить. Между тѣмъ проходитъ и еще
цъ. Въ подовинникѣ одна только скор-
, а бѣлки и желтки всѣ до одного усиже-
Какъ ешу прожору, прости Господи, не

пр. . . . . Какой-то уже онъ отвѣтъ дастъ? Да полно у плута еще напередъ придумано, какъ отбояриться, и изъ воды сухимъ выдти. Онъ видя бѣду неминучу зажегъ овинъ — вотъ те и концы въ воду; пиши пропало. — Когда на пожаръ народу посбѣжалось, то онъ представившись самымъ нещастнымъ, бѣгалъ около овина какъ отчаянной безъ признаковъ памяти и разума, билъ себя кулаками въ лобъ и брюхо, рвалъ на головѣ волосы, и сплескивая руками, кричалъ изо всего горла: ко! ко! ко! ко! — прибѣжавшіе прежде на пожаръ сжалились глядя на такое его жалостное состояніе, и кое какъ насилу могли изловить его; ибо онъ очень долго не давался въ руки, и такъ какъ мастка, растопыря свои, клевалъ и билъ всѣхъ, чемъ ни попало; говорятъ что онъ въ безпамятствѣ довольно у мнимыхъ своихъ злодѣевъ разсадилъ лбовъ и не изъ одного носу клюковной квасъ пустилъ. Но въ такой сильной горячкѣ, какою онъ былъ одержимъ тогда, человѣку все простительно; да и можно ли на полоумномъ что взыскивать? — Етакимъ врагъ представился! — и такъ его схвативъ, одни держали крѣпко накрѣпко, что бы онъ съ горя въ огонь не бросился, а другіе кричали имъ: „дцер— „зицѣ, дцерзыцѣ, мацирено серче, кажному „свое черевя жадобно.“ Изъ сего видя онъ, что ему бояться нечего, то есть: что въ огонь броситься его не пустятъ, началъ

еще болѣе биться, и крича непрестанно свое ко! ко! ко! ко! ко! изъ рукъ всѣми силами въ огонь рваться. И когда уже овинъ сгорѣлъ, то онъ прерывающимся отъ слезъ и тяжкихъ вздоховъ голосомъ говорилъ имъ: „немилосердые! жестокіе! варвары! тигры „лютые! дайте мнѣ избавить дѣтей мо„ихъ, родныхъ моихъ, или покрайней мѣ„рѣ самому погребстись съ ними въ одной „могилѣ.“ Однако Пошехонцы не допустили его насладиться симъ послѣднимъ удовольствіемъ, и изъ добродушія своего старались всѣми мѣрами для облегченія его участи утѣшать его и уговаривать, не воображая себѣ, что тѣмъ растравляютъ только глубокія раны его и умножаютъ мученія. И они дѣйствительно достигли своего желанія; ибо бѣснующійся ихъ чрезъ нѣсколько дней гораздо поправился какъ отъ болѣзни, такъ и отъ бѣспамятства. Въ сіе время любопытствующимъ, какимъ образомъ загорѣлся овинъ, разсказывалъ онъ слѣдующее: „наканунѣ сего нещастнаго дня — „(вздыхая и возводя глаза на палати) всѣ „цыпочки мои до послѣдняго вылупились, и „какія же были, кабы вы видѣли, миленькія, „пестренькія, хохлатенькія, мохнатенькія, „веселенькія, хорошенькія — какъ было серд„це мое радовалось, утѣшалось! — но одинъ „изъ первенькихъ етакъ недѣлекъ трехъ „или двухъ съ половиною, подошедъ близко „къ огню, какъ то зажегъ сизыя (плача

„горько) свои перышки; мнѣ сойти съ мѣ„ста не льзя было; (*) а онъ видно испужав„шись бросился бѣдненькой въ свое гнѣз„дышко, подстилочка въ гнѣздѣ его вдругъ „вспыхнула. И я только и помню. Ужъ не „знаю, какъ меня самаго Богъ спасъ!“ сказавъ сіе зарыдалъ неутѣшимо, и Пошехонцы глядя на него утирали кулаками катящіяся по лицу бурмицкія зерна. Послѣ сего изъ любви и усердія къ добрымъ Пошехонцамъ, также и для оправданія своего принимался было онъ еще разъ десятокъ высиживать для нихъ цыпочекъ; но бѣдному видно съ чьего нибудь глазу, все была неудача. Когда уже совсемъ и все готово, только вотъ что бы выдти съ маленькими своими цыпочками; на ту пору всегда какъ нарочно, и овинъ умудритъ загорѣться: такая напась была бѣдному парню! И если бы ему въ толь бѣдственномъ положеніи не старались подавать потребныхъ утѣшеній, то бы отъ горести давно его въ живыхъ не было. Однако ето дѣло пусть будетъ кончено: про одни дрожди не говорятъ трожди.

(*) Для того, что доѣдалъ яица.

ПОСЫЛКА ДЕСЯТАЯ.

Знаете ли вы, любезный читатель, отъ го произошла ета присловица: *какъ мень знцлъ*. Ежели нѣтъ, то я въ угодность щу растолкую—видите—вотъ что—однаы чрезъ Пошехонье проходилъ какой-то лкъ; по сказкамъ надобно быть артиллейскому. Но какой бы онъ ни былъ, намъ цѣлымъ имъ куда дѣваться? возмемъ ъ него тѣхъ кои надобны, а имянно, коиъ по распредѣленію досталось ночевать горожанской улицѣ у мѣщанина *Бывалова*. зъ питомцовъ Марсовыхъ, какъ извѣстно, це и нынѣ многіе не такъ то вѣжливо повариваютъ съ почитателями мирной и агодѣтельной Цереры; а тогда, запамяуютъ старики, одинъ солдатъ присутвіемъ своимъ приводилъ въ страхъ и тресть цѣлую усадьбу. Пошехонье хоть бы и Пошехонье; то есть: не Тентелева деевня, не скопище пентюховъ и охреяновъ, городъ какъ рядъ дѣлу, да еще и не изъ слѣднихъ: однако красныя шапки и прой снарядъ принагрянувшей на дворъ ватане говорю, малымъ робятамъ, и отъ ироды мнительной хозяюшкѣ, да и самодомоначальнику *Бывалову* очень въ глаза осились. И такъ изъ боязни, или изъ удія, только онъ всемъ, что имѣлъ, безъ ребованія, самъ, предваряя желанія гостей

מספרי א. דרדיאנו
תל-אביב

своихъ, старался сколько можно лучше ихъ уподчивать. Дѣло было подъ вечеръ: въ старину ужинывали рано, и ложились спать вмѣстѣ съ курами, да правда вмѣстѣ съ ними и вставали. — Но солдатикамъ, кои завечернимъ столомъ въ угожденіе вѣжливаго хозяина гораздо поразвеселились, такъ скоро спать не хотѣлось, и вздумалось еще позабавиться. Они на тотъ разъ забыли все свое горе; велѣли засвѣтить и подать себѣ огня, и принялись выкидывать разныя штуки, кто во что гораздъ; иной затянулъ *походную*, тамъ, *веселяся въ чистомъ полѣ*, другіе костей поломать, а нѣкоторые въ картёжъ наяривать; словомъ, дошли до того, что уже безъ всякаго зазрѣнія и табакъ стали понюхивать. А знаете ли какая ето трава, и отъ какого сѣмени прозябла? Хозяева смотрѣли на таковыя ихъ потѣхи и забавы, сжавъ сердце; но наблюдая долгъ гостепріимства, или лучше, боясь ихъ раздражить, не смѣли выговорить имъ ни одного противнаго слова. Многіе поступки гостей сихъ имъ не нравились; но ничто столь досадно и больно сердцу ихъ не было, какъ видѣть у себя проклятое зелье — разсыпаемое по столу — въ переднемъ углу и по всѣмъ лавкамъ, и къ тому явное презрѣніе святыни и бусурманство. Ибо они о картахъ не имѣя никакого понятія, и за неумѣніемъ грамоте, почитали росписанныя картинки (фигуры, какъ то: Короли, дамы и ва-

леты) нѣкіими священными изображеніями, толковали оныя совсѣмъ въ другую сторону, какъ то по своему по старинному; а не по нашему по просвѣщенному. Нынѣ не только большой, да и малой ребенокъ въ чтеніи и употребленіи сего рода книгъ не ошибется развѣ уже будетъ нещастіе, за это я не ручаюсь; а тогда — видите сами — о времена! о нравы! какъ вы перемѣняетесь и мы съ вами! — Такимъ образомъ нахальные гости пробѣсились до полуночи, и не только домашнимъ никому, да и сосѣдамъ покою не дали: то то принеси, то тово дай, да подай, причуды за причудами, только слушай, да успѣвай; мѣднымъ пивомъ то и знай стращаютъ. Наконецъ уже подъ утро, какъ то нелёгкое ихъ угомонило. Но хозяину и хозяйкѣ при всемъ осуетѣніи было не до сна. Они боясь, чтобы тоже нелёгкое, которое спать уложило, опять ихъ не подняло, скорехонько огонь погасили, и сами прилегли для одного только виду. Они забившись на печь разсуждали съ ужасомъ о видѣнныхъ своими глазами и въ своемъ домѣ каверзахъ, не могши во всю ту ночь сомкнуть глазъ своихъ, и не знали, какъ бы по скорѣе провальныхъ сбыть съ рукъ долой. Такъ больно они имъ насолили! — ночь прошла въ хлопотахъ почти не видаючи: и на дворѣ уже началъ показываться бѣлой свѣтъ. Ночлежникамъ надобно вставать и снаряжаться проворнѣе; нѣжиться по барски да расти-

гиваться тутъ нѣкогда; ефрейторъ стучится подъ окномъ, торопитъ, кричитъ: воровѣе, скоро сборъ ударятъ, да и въ походъ. Добренькая хозяюшка приготовила гостямъ своимъ позавтракать всего, и кисленькаго и солененькаго, а *Бывалой* хозяинъ припасъ, чемъ и ротъ прополоснуть. Гостямъ садиться за столъ было нѣкогда, перехватили кое какъ на скору руку, по солдатски, и какъ услышали барабанной трезвонъ, то недожевавъ куска съ полнымъ ртомъ изъ дому вонъ бросились почти опрометью, такъ что чуть было не за были гостепріимцамъ сказать: Спасибо за хлѣбъ за соль и за всѣ ласки. Однако послѣднимъ лучше всего было то, что Богъ гостей ихъ снесъ съ шеи долой. Какъ они ушли, то у всѣхъ домашнихъ словно гора съ плечь свалилась. Солдаты въ торопяхъ оставили на ночлегѣ хозяевамъ подарочекъ, и имянно воловій рогъ, и барыша еще съ порохомъ; послѣ можетъ быть и спохватились, да ужъ поздно, ворочаться нѣкогда, отстать отъ товарищей не льзя. Попечительная домостроительница прибирая послѣ нихъ все къ своему мѣсту, нашла его первая, и посовѣтовавшись съ муженькомъ своимъ, заключили оба навѣрное, что онъ набитъ проклятымъ табачищемъ; и такъ она тутъ же его въ огонь бросила, однако не совсѣмъ безъ примѣчанія. Она любопытна была видѣть, какъ

ето проклятое зелье (*) въ печи горѣть будетъ; да, правду сказать было чево и поглядѣть. „Сперва, расказывала самовидица сія „спустя нѣсколько времени другимъ, нача„ло его корцыць и коробиць, какъ змѣю, и „корцыло, корцыло, да сорокъ дворовъ *какъ „мень лизнулъ.*“ Вотъ начало, откуда происходитъ сія толь часто употребляемая нами пословица.

ПОСЫЛКА ОДИННАДЦАТАЯ.

Быль молодцу не укора, но ему пуще перечосу то, когда говорятъ про него небывальщину. Можетъ быть и про Пошехонцовъ нашихъ иное расказываютъ уже излишнее; чего я по отдаленной древности бытія ихъ рѣшительно ни утверждать, ни отрицать не смѣю, боясь, что бы ихъ ни тѣмъ ни другимъ не обидѣть, хотя думать о семъ такъ и сякъ можно. Въ числѣ таковыхъ сомнительныхъ повѣстей полагаю я для образца двѣ нижеслѣдующія, и ради самаго сомнительства ихъ предложу оныя, какъ можно короче.

(*) Въ старину и порохъ называли зельемъ. Смотри *древнюю Виліоѳику*.

1) Похвальный обычай поминать умершихъ примѣчается даже у дикихъ. Любовь и обязанность налагаютъ на оставшихся долгъ сей. — Пошехонцы были не камни; они имѣли сердца также нѣжныя и чувствительныя. Поминать родителей, сродниковъ и друзей всѣмъ людямъ естественно и свойственно; хотя обряды поминовенія не у всѣхъ и не всегда бываютъ одинаковы. У стариковъ, о коихъ здѣсь рѣчь идетъ, между прочимъ былъ обычай поминать родителей киселемъ съ молокомъ; (разумѣется въ мясоѣдные дни, въ посные же вмѣсто молока употребляли они по Христіанскому долгу сыту или овсяной цыжъ); но дѣло не въ етомъ. Я говорю здѣсь о самомъ обрядѣ ихъ поминовенія. Сказываютъ — что они при обѣдахъ на поминкахъ молока на столъ не ставили, а взявъ на ложку киселя прихлебнуть онаго изъ столовой своей ходили въ клѣть или въ подъизбицу, то есть, туда, гдѣ молоко стаивало, сколь бы далеко, высоко или глубоко ето не было. И что будто бы почерпнувъ молока они возвращались къ столу, садились на прежнія свои мѣста, скушивали при общей трапезѣ; потомъ опять взявъ на ложку киселя вставали изъ за стола; ходили вдругоредь за прихлебкой, и паки къ столу возвращались, и сей спасительной променадъ до тѣхъ поръ продолжали, пока опредѣленной для поминовенія кринки и ставца не опоро-

княтъ. — Ежели такое сказаніе справедливо, то должно думать, что они довольно имѣли свободнаго времени и умѣли себя позабавить изрядно. Ибо ету церемонію можно бы гораздо сократить, хотя правду сказать, и тутъ нѣтъ бѣды ни малой.

2) Еще расказываютъ объ нихъ нѣчто удивительное въ разсужденіи кормленія коровы травою. Но сіе не до всѣхъ Пошехоновъ и не до всѣхъ ихъ коровъ простирается. Одинъ уродъ не дѣлаетъ всей семьи родами. Посмотримъ дѣла обстоятельнѣе. Потолки на избахъ и тогда для тепла знали насыпать землею, кровли же на нихъ почитай сплошъ были позолоченыя, чему еще нынѣ въ крестьянскомъ быту отъ разныхъ причинъ видимъ тысячи тысячь примѣровъ. — И такъ у кого та изъ нихъ отъ долготы времени, а можетъ быть и несмотрѣнія, подмостки и переплеты кровельные со всѣмъ развалившись, вмѣстѣ съ позолоченою крышкою, прилегли опочить на потолокъ. Хозяинъ зная, что все въ свѣтѣ тлѣнно и непостоянно, смотрѣлъ на превращеніе сіе равнодушно, а другіе и подавно. И такъ мало помалу наконецъ все сгнило, и по сродству своему смѣшалось съ насыпью; отъ чего земля на потолкѣ такъ утучнѣла, что на немъ безъ посѣва выросла пребогатая дикая жатва, или попросту трава, только пресочная и превысокая, безмала

почти съ хозяина дому того, которой, надобно вѣдать, хотя по пословицѣ чужія кровли и крылъ, когда своя капала; однако былъ не совсѣмъ бездомовникъ. У него была и коровушка; и для сего то милова живота упустить такого добраго корму даромъ ему не хотѣлось, а какъ достать его, не могъ придумать. Что бы сжать или скосить траву, ему етого не пришло въ башку иль голову; да правду сказать и моды на серпы и косы, какъ мы тотчасъ увидимъ, тогда въ Пошехоньѣ не было. И такъ открываетъ онъ думушку свою тому, другому, третьему, всякому, кто на глаза ни попадется; но совѣты всѣ какъ то неудачны; никто не можетъ потрафить въ его мысли — на конецъ приглашаетъ онъ въ совѣтъ къ себѣ самыхъ столповыхъ мудрецовъ во всей вѣси, кои собравшись къ его воротамъ и глядя на потолокъ, по важности дѣла, трактовали оное со всею тонкостію и напряженіемъ разума, разбирали его со всѣхъ сторонъ, предлагали другъ другу свои мысли съ выразительнѣйшими тѣлодвиженіями, и не нашли лучшаго средства, какъ встащить корову на избу; пусть де она тамъ на всей красотѣ гуляетъ и отъѣдается. — Корму не съѣсть ей до Дмитрова дни; за выгонъ пастуху не платить — а барыша и волковъ бояться нечего. Сказано, положено — перетолковывать тутъ нѣкому да и нечево. — Корова тотчасъ

представлена была на лицо — и совѣтники въ тоже мгновеніе принялись за исполненіе своего о ней проекта — какимъ образомъ они ее тащили, я объ етомъ неизвѣстенъ, а вѣдаю только то, что созванною помочью вознесли ее не ниже, коли еще не выше, тельца золотова. Блоковъ и подпругъ нынѣшнихъ у нихъ не было; одна молодецкая силка долженствовала замѣнить всѣ сіи городскія прихоти; да ето и для здоровья лучше. Собственныя руки и плеча служили имъ вмѣсто всѣхъ отъ праздности выдуманныхъ рычаговъ, воротовъ и щуруповъ; и ето гораздо славнѣе для богатырей и рыцарей. — Коровушка на навосельѣ такъ загулялась, что почти вдругъ у всѣхъ съ глазъ сгибла. И теперь ее надобно искать на другомъ. Она наѣвшись свѣженькой травки сыскала себѣ мѣстечко и отдохнуть — и гдѣ же, думаете вы? гдѣ потеплѣе, близь печки въ избѣ, на полатяхъ — самой стало любо — такъ разнѣжилась — и ножки подняла къ верху. Разумѣется, что у хозяина потолокъ на етомъ мѣстѣ былъ очень надёженъ. Еще ето чудо, что они сами не провалились вмѣстѣ съ коровою, то-то бы была комедь! но что ни говори — помочь даромъ нигдѣ не бываетъ; надобно по крайней мѣрѣ за труды почестить хлѣбомъ да солью. Хозяинъ помощниковъ и совѣтниковъ своихъ запросилъ къ себѣ въ избу откушать, чѣмъ Богъ послалъ. Корова забрав-

шаяся туда прежде по прямой лѣстницѣ безъ ступенекъ, услышавъ ихъ голосъ, дала знать своимъ, что и она изволитъ быть тутъ же. Удивленіе и раздабары ихъ при семъ случаѣ я оставляю. — Пришло не до банкету — надобно немножко погодить подавать на столъ кушанье, а сперва корову какъ нибудь выручить; ибо она сердешная между потолкомъ и палатями словно въ тискахъ такъ была сжата, что уже не обыкновеннымъ молокомъ, а прямо доила масломъ и сметаною. Такое бѣдной твари состояніе показалось всѣмъ чувствительно. Однако слишкомъ печалиться и отчаяваться нечево. Кто умѣлъ поднять, тотъ и опустить какъ должно не станетъ много спрашиваться. Всякое дѣло мастера боится; а мы своихъ, каковы штукари и провоpы, довольно видѣли. И такъ имъ опростать палати отъ коровы для хозяина такая бездѣлица, что и говорить не стоитъ; имъ только подрубить перекладину, а такъ сама спрыгнетъ на полъ; за топоромъ же дѣло не станетъ; безъ него въ крестьянскомъ быту не лъзя, безъ косаря же и не подумай; иначе и въ потьмахъ насидишься до сыта. У домовитаго нашего хозяина важивалось и то и другое. Помощники его были тоже не безъ запасу. И такъ кто своимъ, кто хозяйскимъ, начали такъ славно дуванить по перекладинѣ, что всѣ стѣны заходили, какъ живыя. Между тѣмъ какъ одни работали, другіе за бездѣльемъ, произходящимъ отъ

недостатка мѣста участвовать въ работѣ, только что на работающихъ, а пуще всего на корову зѣвали, и другъ передъ дружкой пялились къ ней всё ближе да ближе, что бы лучше видѣть, какъ она съ палатей летѣть будетъ. Корова для удовольствія любопытства ихъ, постаралась такъ утрафить, что брякнулась прямо въ лики своимъ зрителямъ, и другихъ изъ братіи ихъ толщею своею такъ изрядно позадѣла, что у нихъ и спектакль выскочилъ изъ ума разума. Впрочемъ главное дѣйствующее лицо, сирѣчь корова, послѣ скачка сего нѣсколько пообробѣла; она сдѣлалась гораздо смирнѣе и ручнѣе прежняго, не бодалась, а только мало дѣло подрягивала ногами и пошевеливалась, голосъ ея былъ тихъ, и непродолжителенъ; но за то она другихъ заставила или научила распѣвать своимъ природнымъ, то есть, ревѣть коровою. Наконецъ предъ глазами всѣхъ спокойно испустила духъ свой. И хотя по пословицѣ, смерть ея была самая красная; однако, когда принялись ее освѣживать, ради одной только шкуры, то хозяйка и на нее глядя ребятишки затянули такой заунывной концертъ, что хоть всѣ изъ избы бѣги вонъ. Самъ Владыка дому до любимой своей покойницы, сколь впрочемъ великодушенъ ни былъ, не могъ смотрѣть на сіе зрѣлище, такъ какъ на свою кровлю. Онъ подхватывая кулакомъ выскакивающія градомъ изъ глазъ бусы, проклиня

налъ мысленно и свои затѣи и своихъ совѣтниковъ. Однако, чтобы утѣшить плачущихъ дѣтей и жену свою между прочимъ говорилъ имъ: „полно вамъ вопиць, кормильныя мои — жадобные мои: скороль поздоль и всѣмъ намъ такой же конечь будцѣ.“ Такія про штукарей нашихъ обносятся премудрости! — Есть довольно и другихъ подобныхъ симъ обрасчикамъ анекдотовъ, какъ то выносъ дыму изъ избы решетами, обращеніе оглобель назадъ; слѣдовательно и возвращеніе назадъ; воротились! — ха! ха! ха! Какая путешествователямъ слава, и какой же стыдъ и срамъ домашнимъ и сосѣдамъ ихъ дуракамъ; нѣтъ — опять робята назадъ! и проч. и проч. Но я ихъ оставляю, дабы вмѣсто забавы, не навести скуки просвѣщенному читателю чудесностями превосходящими вѣроятіе; однако слѣдующее сказаніе, приносящее не малую честь уму, разуму нашихъ витязей, знатоки древностей признаютъ за истинное и дѣйствительно съ ними случившееся. Утверждаютъ, будто въ Пошехоньѣ, въ первые годы не знали ни серповъ, ни косъ художественныхъ, а все жали и косили своими природными, то есть, хлѣбъ и траву вырывали съ корнемъ руками, или по ихному *церебили* точно такъ, какъ у насъ огородную зелень полютъ. Однажды вечеркомъ или ночью, только знаю, что это было послѣ Ильина дни забрались къ нимъ въ рожь откуда то гости, на добрыхъ коняхъ

съ самыми исправными жатвенными орудями, ржи нажали, въ снопы связали, на елѣги уклали, да сами только и были, лишь минай какъ звали; ибо они и дѣйствитель- оставили по себѣ поминочекъ, а имянно, рпъ такой острой, какъ бритву. Съ каимъ намѣреніемъ они ето сдѣлали, то есть, тѣмъ ли, чтобы Потехонцовъ научить ать, или надъ ними посмѣяться, или же къ нибудь въ торопяхъ етотъ серпъ заыли, того за достовѣрное не утверждаю. аутріе приходятъ владѣтели земли на о же самое мѣсто по обыкновенію свому *церебицъ* рожь, всякой свою, но витъ, что самыя лучшія полосы такъ очиены, оглажены, какъ Сидорова коза; одни олько стебельки торчатъ — ходятъ они о остриженымъ полосамъ и чувствуютъ, то какъ будто кто ихъ за лытки пощипыаетъ, оглядываютъ все рачительно, дивятся и не могутъ понять, чтобы ето была а причина. Да и правда, кто чево не видалъ, е вдругъ догадается. Подъ конецъ находятъ ни серпъ, и ета окаянная находка разрѣшила все ихъ сомнѣніе. „О! — о! — о! — цервякъ — цервякъ — цервякъ“ — кричатъ ни благимъ матомъ ударившись бѣжать тъ него, кому куда ближе, и отбѣжавъ на акое разстояніе, гдѣ могли быть безопаны, собрались опять всѣ въ кучку, и уже олѣе не сомнѣвались, что видѣнныя ими на олосахъ чудеса, есть дѣло етой мерской и

ненасытимой гадины. „Ахци — хци ребяци! „іонъ ентакъ всю росъ подтоцицъ, и всіо „насе Пошехонья будцѣць съ голоду омрець; „надобець робяци, какъ нибудць сгубиць его“ Все ето хорошо — сказать *згубиць* не мудрено. Да какъ? вотъ въ чемъ дѣло. Подойти ближе къ червяку всякой труситъ; на видимую бѣду добровольно лесть никому нехочется. Издали швыряютъ, фуркаютъ въ него всѣмъ, чѣмъ ни попало; но лютая гадина ни съ мѣста, ниже поворохнется, лежитъ себѣ согнувшись боярскимъ слугою, и ухомъ не ведетъ, только что изъ подлобья выглядываетъ, и нажидаетъ, чтобы подскочилъ къ ней какой нибудь вострякъ поближе. Наконецъ безполезно выбившись совсѣмъ изъ мочи, придумываютъ они прибѣгнуть къ своему Догаду, мужу знаками премудрости преукрашенному, которой въ трудныхъ обстоятельствахъ всегда подавалъ имъ благіе и полезные совѣты. Такъ — „да„вай, восклицаютъ они всѣ, позовіомцѣ суды „Догадця, сцо іонъ намъ скажець, такъ тому „дцѣлу и быць.“ Вздумано, сказано—сдѣлано; послали за *Догадцѣмъ*, котораго лишь только завидѣли, вдругъ бросились къ нему на встрѣтеніе, подхватили подъ руки, и понесли сперва какъ на крыльяхъ; но по мѣрѣ приближенія къ предмету своего ужаса и горя, они умѣряли свою запальчивость, такъ что наконецъ приступая на цыпочкахъ, подводятъ его къ червяку, котораго *Догадець* у-

идѣвъ, сперва было самъ остолбенѣлъ, но по-
умавъ нѣсколько далъ совѣтъ такой, что-
ы какъ можно имъ стараться, подкрав-
шись къ червяку сонному; (ибо всѣ не ис-
лючая и Догадца думали, что онъ облу-
ивъ столько полосъ изволитъ почивать
акинуть ему на шею мертвую петлю, и
отомъ уже спровадить съ камнемъ въ во-
у. Вотъ собственныя слова Догадцевы:
Давайцѣ ребяци его прицалимъ и сбуркамъ
его въ велико ци насе озеро, а то іонъ не
покмо сцо росъ, да и головы наси подто-
цыць." Толь мудрый и спасительный со-
етъ принятъ всемъ собраніемъ съ руко-
лесканіемъ и радостію. Теперь они дожи-
ются только вечера, чтобы червякъ за-
улъ покрѣпче, и чтобы напасть на него
расплохъ, а самимъ между тѣмъ поиспра-
ться. Уже приближилась и сія желанная
инута: ибо червякъ подъ вечеръ въ ушахъ
ъ началъ такъ храпѣть, какъ сильной вѣ-
ръ, съ преужаснымъ ревомъ и свистомъ.
кого благопріятнаго времени къ своему на-
ренію они не прозѣвали; напали на черва-
соннаго со всѣхъ сторонъ, будучи воору-
ны дреколіемъ и бердышами, и отвалавъ
у напередъ порядочно бока, накинули на
го глухую петлю. Бичева была занесена;
такъ припрягшись къ ней съ лямками,
щатъ они гадину топить въ озерѣ, ко-
рая и не хотя, толикой силѣ должна бы-
повиноваться. Догадецъ только покрики-

ваетъ, да погаркиваетъ: о о йіо! разомъ — самому любо — такъ *ребяци* его приняли дружно — выносятъ какъ на лепу — инда ушки смѣются. Однако червяку что то вздумалось поупрямиться; онъ носомъ своимъ захватился за попавшійся на дорогѣ вересовой кустъ, и такъ крѣпко въ него впился, что бичева лопнула, а его не могли скрянуть съ мѣста. Тутъ они, сростивъ бичеву на скору руку и перевязавъ свои лямки, такъ дернули, что онъ съ визгомъ взвился къ верху, и видя свою неминучую въ ярости своей вскочилъ на плеча къ *Догацю*, и обвившись около шеи, такъ проворно *стоцилъ* ему съ плечь голову, что никто того и не примѣтилъ. Но пожертвовать одною головою для спасенія цѣлаго общества не есть еще велико. Благо лиходѣй попался въ руки — вотъ ето важно. Теперь ужъ онъ не вывернется, какъ бы силенъ и проворенъ ни былъ. Нѣтъ — нашла коса на камень. Уже чудище на берегу озера. Восхищенные радостію Кадмы торжествуютъ свою побѣду и одоленіе лютаго дракона: привязываютъ поспѣшно къ бичевѣ жерновой камень; и забравъ все нужное въ ладію, по общему совѣту проворнѣйшіе изъ нихъ отъѣзжаютъ на средину озера, топитъ гадину. Вотъ ужъ скоро — скоро — ей будетъ крайкенъ — не бось, теперь не станетъ болѣе ржи точить. Проворы бывшіе въ ладіи, боясь руками дотронуться до червяка,

сперва бросили въ воду камень: и какъ сей притягательною сврею силою началъ манить къ себѣ товарища, бывшаго съ нимъ на одной привязи, только что на другомъ концѣ, то послѣдній, не разсудивъ за благо на зарѣ купаться крѣпко ухватился носомъ своимъ за край лодки, такъ что ее вдругъ верхъ дномъ поставилъ, и губителей своихъ первыхъ отправилъ жить вмѣстѣ съ раками. Оставшіеся на берегу, видя все сіе, имѣли причину радоваться по крайней мѣрѣ тому, что проклятаго червяка сгубили: „Сла„ва цеби Господци, говорили они крестясь „обѣими руками, сцо не многа поштонуло, а „то всіо бы насе Посехонья пропамо.“

ПОСЫЛКА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Баламъ нынче не годъ: кажется такъ говорится отъ разныхъ особъ и при разныхъ обстоятельствахъ слыхалъ я ето до тысячи разъ, да думаю, и ты не меньше. Говоримъ мы всѣ, что баламъ или лясамъ не мода; однако они изъ употребленія или моды какъ то не выводятся. — Но естьли и самою вещію, имъ любезнымъ нашимъ пришло не лѣто, то и я въ безполезныхъ приступахъ, и въ Риторскихъ прикрасахъ, словомъ, въ многоглаголаніи, въ немъ же отъ вѣка не бы-

вало спасенія, терять времени не буду. — Можетъ быть описанію не послѣднихъ чудесъ въ свѣтѣ, каковы суть наши Ироии, обладающіе купно и тонкостію ума Архимедова и храбростію неукротимаго Феррага, приличествовалъ бы слогъ болѣе Азіятскій, нежели Лаконическій; но я описываю не подробно житіе ихъ, а представляю только нѣкоторыя черты дѣяній ихъ, а сверхъ того надобно сказать и то, что я живу не въ ихъ вѣкѣ, и потому долженъ соображаться нравамъ и обычаямъ своего времени (*). Съ модою ссориться очень не ловко. Эта барыня такъ щекотлива, такъ своенравна, что естьли чуть чуть не по её, то она тотчасъ разгнѣвается, и въ наказаніе велитъ тебя зауказать пальцами. Надобно иногда и не хотя плясать по ея дудочкѣ. Почему и я въ угожденіе ей не хочу слишкомъ высоко забираться.

Музой, Лирой, Аполлономъ,

Конемъ Парнасскимъ, Геликономъ — и прочими толь громкими словами пускай владѣетъ, кто хочетъ. Всѣ сіи слова

(*) Еще до насъ сказано:
Si fueris Romae,
Romano vivito more;
Si fueris alibi,
Vivito sicut ibi.

уть громки и величественны, и для пламен-
аго воображенія прекрасны, необходимы; но
амъ онѣ не приличны. Мы не поему, ниже вы-
окопарную сочиняемъ оду, а просто, безъ
рикрасъ побаеёночки сплетаемъ да мара-
ить. — Однако — не полно ли мнѣ съ модами? —
идите! какъ онѣ отводятъ отъ пути надле-
ащаго. Лучше говорить о самомъ дѣлѣ, какъ
ыло. — Случилось однажды какъ то заго-
ять въ Пошехонье двоимъ съ большой до-
оги коноваламъ. Мужики были рослые и
ожіе, которые, надобно знать, вмѣсто вы-
ѣски своего мастерства, обвѣшаны были
руговъ операторскою своею збруею. И
акъ тогда время было обѣденное, и у *Не-*
труеяги ворота стояли растворены на-
ишитъ; то они по дорожному, безъ даль-
ихъ околичностей, затесавшись къ нему
а дворъ, безъ спросу махъ прямо къ нему
ь избу, да еще и въ передній уголъ. Отъ
сталости начали они отдуваться, встря-
иваться и раскладываться по столу и по
авкамъ съ бряцающими ужасными свои-
и инструментами. Хозяину и хозяйкѣ,
ои родясь не видывали людей въ такомъ
ранномъ уборѣ, что-то вздумалось вдругъ
зъ избы выскочить въ сѣни, изъ сѣней на
воръ, со двора на улицу, да и къ сосѣдамъ,
акъ что съ горяча не вспомнили и о роди-
ыхъ своихъ дѣтушкахъ. Ребятишки остав-
шись одни съ гостями ударились было въ
ѣзы, но гости наши отъ сего не оторопѣ-

ли, и ласковостію своею скоро съ ними поладили; однако кромѣ квасу, отъ етихъ домовничихъ ничего достать было не можно. Ибо у хозяйки на етотъ разъ все съѣстное было заперто и припрятано. Посѣтителямъ же, коимъ по выходѣ хозяевъ не трудно было примѣтить свою ошибку, ломать замки, озарничать и буянничать не разсудилось заблаго: сойти со двора то же не было охоты. Ибо имъ подумалось и то что въ другомъ мѣстѣ по разнесшемуся о нихъ слуху можетъ быть ихъ и совсѣмъ на дворъ не пустятъ. И такъ чтожъ имъ осталось дѣлать? — Голодъ не тетка, разбираетъ вплотную, а отъ ребятъ проку нѣтъ никакого — Спрашиваютъ у нихъ и того и сего, но отвѣты все отрицательные — какъ ни быть, а видно пришло дожидаться самихъ хозяевъ, и при нихъ доигрывать начатую комедію — между тѣмъ велѣли они ребятамъ достать огня, принести подтопки и дровъ; и они нашосткѣ развели такой свѣтъ, что хоть быка жарь. Надобно сказать, что въ тогдашнее время, какъ пораскажутъ старики, коновалы были не плоше, коли еще не поглаже, нынѣшнихъ мельниковъ. Они дѣлывали такія чудеса, что и теперь, какъ послышишь объ нихъ, такъ волосъ дыбомъ. — И какъ хозяева возвращаться домой сами не спѣшили, то гости, чтобы ихъ заманить поскорѣе, вотъ что сдѣлали! они съ ребятами такъ начали и-

грать и шутить, что на голосъ ихъ прибѣжали тотчасъ не только родители, да и сосѣди, хотя и тѣ и другіе не вдругъ вскочили въ избу, а у окна и дверей хорошенько поприслушались. Мать первая отважилась, а за нею и другіе принахлынули. Много кое чего тутъ было; но подъ конецъ мало помалу все утихло, угомонилось. Коновалы рѣшились тутъ отобѣдать, во что бы то ни стало. Но дабы многими вдругъ требованіями слишкомъ не озадачить, просили они у хозяевъ, чтобы они позволили имъ самимъ сварить себѣ похлебочку, увѣряя ихъ, что имъ для сего ничего болѣе не надобно, опричь одного камня. „Ахъ? оприцъ іодново „камня? — и взабыль такъ? говорили удив„ленные хозяева, ето оцѣнь цудесно! — Ну „ужъ какъ бы то ни было, мы вамъ за ето „ручаемся, подхватили коновалы, вотъ вамъ „правая рука! И ежели вы хотите, то „мы и вамъ откроемъ сію тайну; а вы за „ето дайте намъ только воды и камень.“ Что коновалами сказано, хозяевами сдѣлано. Домоначальникъ бросился на улицу и притащилъ каменья цѣлой подолъ; изволь себѣ выбирать любой. Тогда просители выбравъ одинъ изо всѣхъ по видимому посочнѣе и помягче, вымыли его чисто начисто, налили въ горшокъ воды и опустивъ благословясь въ него камень, поставили горшокъ на огонь, увѣряя, что похлебка ихъ тотчасъ поспѣетъ. Уже вода въ горшкѣ бьетъ бѣлымъ

ключемъ, но камень не упрѣваетъ нимало. Предубѣжденные въ ихъ пользу хозяева, каждую минуту въ горшокъ посматривали съ наилучшею вѣрою и прихлебывали; но — подъ конецъ стряпуны, коимъ ѣсть хотѣлось не на шутку, начали выходить изъ терпѣнія. Они видя, что камень ихъ не упрѣваетъ, и зная, что ему даже въ Папиновомъ горшкѣ упрѣть не льзя, приписывали всю вину сей мѣшкатности водѣ, говоря, что етому пособить иначе не можно, какъ бросивъ въ горшокъ немножко соли. Солоница тотчасъ была подана; соли положили; но какъ и сія не слишкомъ скоро дѣйствовала надъ камнемъ, то для смягченія его, почли они за нужное, положить туда нѣсколько коровьяго масла и смешаны. Хозяева желавшіе нетерпѣливо видѣть окончаніе сего новомоднаго молодецкаго стряпанья, ради были дать все, чего бы они ни спросили, и такъ были къ нимъ ласковы, какъ тёща къ молодому зятю. Повара пользуясь минутами сего изступленія, достали еще яицъ, ветчиннаго сальца, крупъ и муки для притирки, всего столько, сколько имъ было надобно; ребята же по приказу ихъ сбѣгали въ огородъ принесли капусты, луку и другой зелени, что все бывъ положено въ горшокъ гораздо скорѣе поспѣло, нежели камень. Тогда попробовавъ — они сказали: „Теперь варить полно — упрѣло хорошо — пора садиться обѣдать.“ Горшокъ съ огня сняли и поставили на столъ — тутъ имъ

ъдали хлѣба, и они накушались съ голоду-
я такъ, что любо дорого. Камень служилъ
ить вмѣсто изряднаго каплуна, и какъ все
це онъ былъ нѣсколько жестковатъ, то они
ъ его почти и недотрогивались. Хозяева
ія любопытства присѣвъ съ ними къ горр-
ку, насилу отъ него отстали. Такъ имъ
адко показалось! Гости послѣ хлѣба, со-
и, поблагодаривъ ихъ, какъ водится у чест-
ыхъ людей, за угощеніе, сказали имъ, что
ы они обвертѣвъ вареной въ похлебкѣ ка-
ень въ чистенькое полотенцо берегли до
учая, открывая имъ за тайну и слѣдо-
ательно шепча на ухо, хотя посторон-
ихъ тутъ и никого не было, что если де
ъгда вздумается имъ покушать такой до-
ой похлебки, то стоитъ только етотъ
амень безъ всякихъ хлопотъ и снадобья
ъ простой водѣ поварить, давъ ей проки-
ить хорошенько. И поелику первая пока-
лась имъ очень вкусна, то они не успѣвъ
рогихъ гостей проводить за порогъ, тот-
асъ бросились разсказывать о семъ чудѣ
воимъ сосѣдамъ, которые сбѣжавшись и
пвѣдавъ похлебки не могли надивиться и
ахлѣбаться ее досыта; ибо ее застали
ке на донышкѣ. Слухъ о семъ чудесномъ
пряпаньѣ разнесся въ мигъ по всему По-
ехонью, гдѣ нѣсколько мѣсяцовъ сряду все
томъ только и разговаривали. И какъ
кому не пришло въ голову принять во
аженіе соль, масло, яицы и проч., то всѣ

единодушно утвердились въ томъ, что тутъ неотмѣнно должно быть что нибудь чрезъестественное и превышающее догадку человѣческую.

П. П. Это не лучше того, какъ разсказываютъ про одного унтеръ-офицера, стоявшаго гдѣ-то въ большомъ домѣ на караулѣ, которому тамошній поваръ, чтобы отвадить его отъ кухни и отучить отъ нѣкоторыхъ повадокъ, въ пирогѣ скормилъ его же лосинную парадную перчатку. И чтобы сего усерднаго посѣтителя кухни, послѣ увѣрить, съ чемъ былъ пирогъ тотъ, не усовѣстился показать ему при глазахъ всѣхъ служивыхъ и своей куханной братіи, одинъ только отъ перчатки пальчикъ, сказывая, что все прочее ушло въ начинку.

ПОСЫЛКА ТРИНАДЦАТАЯ.

Да будетъ теперь позволено толь славныхъ Ироевъ, каковы суть наши, пустить погулять по бѣлу свѣту. Съ ихъ достоинствами сидѣть все дома очень стыдное дѣло, а особливо, когда есть еще имъ и хорошій случай показать себя въ людяхъ. Опять когда, поди жди же его, да когда то еще

дождешься, либо будетъ, либо и нѣтъ. Синица въ рукахъ лучше соловья въ лѣсѣ. Но я долженъ сказать, какой именно случай представился драгоцѣннымъ нашимъ бисерамъ блеснуть по бѣлу свѣту. Изволите видѣть — вотъ что! — изъ Военной Коллегіи къ Пошехонскому Воеводѣ насланъ указъ, повелѣвающій ему какъ можно скорѣе набрать подъ извѣстную мѣрку нѣсколько молодцовъ, считая съ двухъ сотъ пятидесяти душъ по одной, и выстригши поплотнѣе имъ лаверже отправить въ чемъ кто есть, въ Москву; гдѣ для нихъ все будетъ готовое и единообразное. Чегожъ лучше искать етой оказіи? — Хотя пресловутое Пошехонье тогда душами и очень было не скудно; однако они не могли не представить себѣ, что при таковомъ разчисленіи въ число избранныхъ могутъ попасть не многіе. И такъ они отчаяваясь, еще прежде выбора, какъ только имъ указъ объявили и растолковали, по всѣмъ домамъ и улицамъ подняли такой стонъ да вой, какъ словно волки въ зимнее время умирающіе съ голоду — Но разсудите пожалуйте, не ужели всѣ они были безнадежны? — Не ужели всѣмъ надлежало погрузиться въ отчаяніе? — Изъ десятка тысячь полныхъ душъ, (ибо толикое оныхъ число состояло тогда въ Пошехоньѣ по послѣдней переписи) ежели съ двухъ сотъ пятидесяти взять и по одной, то навѣрно сорокъ человѣкъ будутъ столько счастли-

вы, что не платя прогоновъ, на казенныхъ подводахъ и барыша еще съ провожатыми въ Москву матушку прокатаются, и всего даромъ насмотрятся. Такъ — ето все сущая и истинная правда; да дѣло вотъ въ чемъ? Какъ ты угадаешь прежде времени на кого падетъ жеребій? — Вить ето не жареное, не пахнетъ. Хорошо, кому Воевода съ руки, то есть: кто забѣжалъ къ нему поранѣе съ задняго крыльца, такъ тотъ таки можетъ быть понадежнѣе, и съ подушкой менѣе думаетъ — а другой и всемъ бы кажется взялъ, да — безъ вины скажутъ виноватъ — поди же судись, да толкуй послѣ. Таково-то безъ заступы и безъ дядюшекъ! — видно уже такъ и быть — не нами свѣтъ начался, не нами и скончается — Я говорю, человѣкъ сороковину съ барышкомъ подхватили, скрутили какъ надобно. Кто попалъ въ число сіе, тотъ правъ; а другіе поди оставайся, да горюй дома сидя, пожалуй припѣвай себѣ залётныихъ малыхъ пташечекъ, кукушечекъ, подъ окошичкомъ сидючи, на чужихъ родныхъ глядючи, а своихъ вспоминаючи. Новоизбранные Марсы, будто ясные соколы, взвились и полетѣли на ямскихъ съ колокольчиками въ Москву бѣлокаменну, служить вѣрой, правдою самому Царю: въ Пошехоньѣ ихъ только и видѣли. Такимъ образомъ ѣдучи они прибыли въ Москву славную, пути не видаючи. На другой день прибытія ихъ въ столицу, они всѣ съ ногъ до головы осмот-

прѣны, никакой худобы въ нихъ не примѣчено; и потому они въ дѣйствительную службу безъ замедленія приняты. Снарядили добрыхъ молодцовъ пощогольски, обучили искуству воинскому; и ежели бы теперь посмотрѣть ни нихъ, то право такіе молодцы, хоть куды возьми. Уже многіе изъ нихъ занимаютъ посты, да и весьма важные; и служа всею вѣрою и правдою они славно прославились. Оставляя прочихъ для примѣру, я упомяну здѣсь только объ одномъ изъ нихъ по прозванію *Толстолобовѣ*. Однажды пришла ему очередь постоять съ ружьемъ для забавы часиковъ полдесятокъ на часахъ у главнаго своего штаба N. во внутреннихъ покояхъ. Толстолобовъ нашъ, хоть и самъ разумѣлъ воинскую регулу, однако для предосторожности его и повторенія, капралъ еще до разводу на квартирѣ такъ крѣпко надулъ ему въ уши, что онъ чуть не оглохъ, нижеслѣдующее: 1) „чтобы никакого шуму и стуку въ той комнатѣ, гдѣ онъ стоять будетъ, не было; 2) чтобы никого изъ постороннихъ и незнакомыхъ не пускать безъ особливаго на то приказу; и 3) въ случаѣ чьего нибудь сопротивленія или ослушанія поступать съ таковымъ въ силу воинской регулы, то есть: безъ всякой пощады дуть прикладомъ, во что ни попало.“ Толстолобова привели и поставили съ четвертаго по полудни до смѣны. Приказъ и лозунгъ ему

отдали, что все по остротѣ своей онъ такъ перехватилъ, какъ будто огонь пожралъ. Но не успѣлъ онъ, такъ сказать, хорошенько установиться, какъ слышитъ нѣкоторый смѣшанный шумъ, похожій на стукъ древоточнаго червячка. Настораживаетъ уши и въ ту и въ другую сторону, поглядываетъ туда и сюда, глазами ничего не видитъ, а слухъ не обманываетъ; и чѣмъ тише, тѣмъ слышнѣе, чемъ далѣ, тѣмъ громче. И такъ, думаетъ себѣ, ето худой червякъ. Ибо (по причинѣ глубокой окрестъ тишины и пустопладкихъ въ томъ покоѣ стѣнъ) гулъ такъ отдавался, какъ будто кузнецъ молотомъ по наковальнѣ бьетъ. Наконецъ прислушавшись хорошенько подходитъ онъ къ тому мѣсту, откуда стукъ происходитъ — останавливается, и какое же ужасное привидѣніе представляется глазамъ его! вполтора раза выше его ростомъ, головища какъ артельной котелъ, ротикъ маленькой и тотъ во лбу, поетъ кукушкой; глаза длинные, остроконечные, ходятъ кругомъ, а третій другихъ по меньше такъ и бѣгаетъ; лицо какъ скобелью вытесано, гладкое, круглое, бѣлое инда лоснетъ, и вокругъ его все черненькія меточки; рукъ совсемъ не видать, на головѣ малахай кажется мѣдной; кафтанъ деревянной, не подпоясанъ, а не распахивается; ногъ нѣтъ, а стоитъ прямо, я же прибавлю: и ходитъ, подлинно ето нѣчто не простое! Столько отличительныхъ при-

знаковъ нашедши *часовой* нашъ въ семъ призракѣ, не узналъ кореннаго своего имени, отъ коего онъ происходитъ. Ибо ето были существительные часы, хотя они и сами, какъ Митрофанушкина дверь, къ стѣнѣ приставлены были. Подошедъ ближе къ сему чудовищу, хотѣлъ было его окликнуть; но на ту пору языкъ у него какъ словно примерзъ, а въ горлѣ будто нарочно сдѣлался такой засадъ, что не могъ промолвить ни слова: однако мало по малу онъ ободрился — и по силѣ данной ему инструкціи велитъ перестать стучать мнимому своему чертополоху: „цисе, гой перстань я цеби „баю, подзи вонъ, а не то знашъ, вотъ „ецимъ (показывая на ружье) да смерци „устосаю.“ Но нѣтъ — заведенная махина словъ не слушается; а герой почитая ее нѣкимъ одушевленнымъ вооружается противу её всею силою и храбростію своею. Наконецъ вышедши уже изъ терпѣнія, хлопъ изо всей мочи; что называется не въ бровь, а прямо въ глазъ, прикладомъ — и еще разъ, давай покачивать и по головѣ, и по бокамъ, и спереди и сзади; словомъ онъ воинствовалъ до тѣхъ поръ, пока не натѣшился досыта. Ибо не только мужественно низложилъ силу вражію, но и раздробилъ въ мелкіе дребезги, чтобы духъ не пахъ. Одержавъ толь знатную побѣду, и запыхаясь отъ усталости говоритъ онъ глядя яростными очами на поверженный и разгромленный трупъ: „много ли

„васъ асцо есь етакихъ, выхоци, всѣхъ по„давай суды — о-го! я васъ приберу къ ру„камъ — а то вишъ ïони — ето сцо? (про„должаетъ Иракль увидѣвъ себя нечаянно и „въ первой разъ отъ роду въ зеркалѣ) шы „сцо за чел-экъ! процъ цуцела — пугало о„городное — (такъ Нарцисъ нашъ славно „себя отчестилъ), а сцо подразнись — я ци „цьявола — о! такъ ты асцо сталъ со „мной — я ушъ одново ваша брата проу„цылъ, ажно и цѣбе тавожа хоцется — по„дразнись, ой спохватисса — видно баянь„емъ съ тобой по добру не раздзѣлацьса." По сихъ словахъ бацъ со всего размаху по зеркалу; гласъ огромныя серенады раздался по всему дому. Полковникъ легшій отдохнуть, вскочилъ безъ памяти — не смѣетъ выдти въ переднюю — такъ раскудахталось ретивое чадо Алкменино! все побѣдилъ, все преодолѣлъ — торжествуетъ и не можетъ самъ надивиться своей храбрости. Размышляетъ о достойномъ за подвигъ свой воздаянія; неувядаемые лавры почестей ему мерещутся, какъ на яву. Но пожалуйте — что-то побѣдитель нашъ станетъ теперь поговаривать? Народу набѣжало полны хоромы - раба Божія скрутили при всей его храбрости. Не запоетъ ли онъ самъ теперь кукушкою? въ военномъ быту знаковъ отличія за подобное геройство не занимать; они готовы и ожидаютъ только спины его, чтобы достойно увѣнчать ее. Ибо Полковникъ, за

поль храбрые подвиги, усердіе къ службѣ и неустрашимость для примѣру другимъ, приказалъ съ прописаніемъ его заслугъ, влѣпить ему предъ фрунтомъ хорошій памятникъ въ спину.

ПОСЫЛКА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Да — не забыть бы тебѣ сказать, какъ чудодѣи наши ходили на славную ярмонку, не такъ далече отъ Пошехонья, въ Пугніево, (*) и что съ ними въ семъ путешествіи приключилося.— Изволишь—они собравшись хорошею ватагою, запасшись въ дорогу хлѣбомъ, солью, а для покупки разныхъ галантерейныхъ вещей алтынами, и вооружась свойскими рогатинами, выступили въ путь дороженьку благополучно, радошно. Но забывши дома бездѣлицу, сирѣчь справиться со зрячею Пасхаліею, они къ ярмонкѣ не множко не утрафили, и пришли въ Пугніево на третій день послѣ оныя; однако такъ рано, что тамъ послѣ праздника всѣ еще спали безъ просыпу. На досугахъ разгуливая по Пугніеву, и разсматривая все съ

(*) Нынѣ мѣсто сіе конечно переименовано; ибо его въ новѣйшихъ Географіяхъ не видно.

примѣчаніемъ, увидѣли всѣ они вдругъ на кровлѣ помѣщика нѣчто весьма странное, и себѣ дюже не по сердцу, а именно въ подобіе человѣка, съ метлой, съ веревками, и еще Богъ знаетъ съ чѣмъ, такого чернаго, страшнаго, что съ перваго взгляду поздравили они видѣніе сіе *Нечистымъ д.* Да и дѣльно; ибо чудище сіе дѣйствительно было все перепачкано въ сажѣ. При таковомъ необычномъ явленіи, нѣкоторые изъ братіи разсудили было навострить лыжи подалѣе; но другіе посмѣлѣе и поразумнѣе, ихъ отъ сего отговорили, представляя, что всякую нечисть можно прогнать крестомъ и молитвою. И такъ кое какъ всѣ установившись на одномъ мѣстѣ, отъ глубины души принялись креститься и творить молитву; отъ чего *Нечистаго* на трубѣ стало такъ корчить, іожить и коробить, что и глядѣть было ужасно. Всякой благоразумной читатель и безъ моего напоминанія видитъ, что это былъ трубочистъ, отправлявшій обыкновенную свою должность; Но проидоши наши сочтя трубочиста *Нечистымъ д.* почли работу его слѣдствіемъ духовнаго своего оружія — пріосамились, ободрились, а особливо, когда сей нечистой отъ нихъ въ трубу спрятался. Они видя сіе, стали балансировать другъ съ другомъ отъ радости, торжествуя и духомъ и тѣломъ надъ врагомъ рода человѣческаго свою побѣду. „Смотрицѣко, робяци! „узо пряцыцьса — а га! да небось — отъ насъ

„неупрыгніось — пойдціомцѣ робяци воро-
„вѣй въ хоромы, сцопъ окаянной надъ намъ
„не смѣялси, кричали они изо всего горла,
„размахивая рогатинами: не бось мы укоро-
„шаемъ животъ ему — и избавимъ енцихъ бѣд-
„ныихъ (разумѣя жителей Пугніевскихъ)
„отъ такой ужести.“ Сказавъ сіе полетѣли
они какъ ястребы за голубемъ, подступили,
атаковали со всѣхъ сторонъ домъ помѣщи-
чій. Теперь уйти нечистому не куда. Сту-
чатся въ ставни безъ милосердія; напира-
ютъ въ ворота всею грудью, калитку вы-
садили — ворвались на дворъ — приступа-
ютъ къ сѣнямъ — дверь выломили — при-
хожую взяли штурмомъ, все стало отвер-
сто — всемъ овладѣли — ступай куда хо-
чешь — по покоямъ словно лютые звѣри,
суются по всѣмъ угламъ, бьютъ, ломаютъ,
швыряютъ, кричатъ, словомъ, воюютъ
такъ, какъ будто какой городъ взяли. Крат-
ко сказать они вооруженіемъ и ухватками
своими всѣхъ въ домѣ столько переполохали,
что никто не смѣлъ головы приподнять, а
всякъ пряталъ свою отъ свѣту по далѣе.
Ибо всѣ незваныхъ прогонителей бѣса, поч-
ли съ просонья не иначе, какъ забредшими
съ большой дороги промышленниками, или
такими выходцами съ того свѣта, каковымъ
они вообразили себѣ прубочиста, то есть
ихъ почли дьяволами. Наконецъ *Пронюхинъ*,
парень великой проворъ и смѣльчакъ, пер-
вой осачилъ *нечистаго д.* въ кухнѣ, которой

какъ скоро его завидѣлъ, притворился, будто въ трубѣ обмешаетъ сажу. Однако *Пронюхинъ* симъ обмануть себя не далъ, и при всѣмъ лукавствѣ лукаваго зналъ, что ему дѣлать. Онъ не говоря ни слова, схватилъ домоваго за ногу, и въ попыхахъ скликалъ къ себѣ какъ пѣтухъ куръ своихъ товарищей: „Сцѣса — сцѣ—са робяци! я осацылъ!" Но прежде нежели друзья его подоспѣли къ нему на помощь, *нечистой д.* успѣлъ его ядромъ своимъ осачить такъ славно по боку, что онъ только крякнулъ и ни живъ, ни мертвъ такъ и растянулся. Не смотря на сіе, подскакиваетъ къ нему *Силацонъ*, размахиваетъ руками, чтобъ его охапить и стащить живаго всѣмъ на показъ: но трубочисту удалось такъ наелектризовать щоки и скулы *Силацоновы*, что онъ отъ чрезмѣрнаго въ глазахъ блистанія, свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Ему казалось, что на тотъ разъ вся Вселенная объялась пламенемъ. За сими пробовали было потормошить его и еще нѣкоторые поудалѣе и посмѣлѣе; но *нечистой д.* остервенившись и скрежеща зубами умѣлъ ото всѣхъ отбояриться безъ дальнаго себѣ вреда, не оставивъ самъ ни одного человѣка безъ клейма своего. Иному отпечаталъ онъ на лицѣ чертовскую свою лапу, другому расквасилъ носъ, третьему расчесалъ лобъ, четвертому подрисовалъ глаза и брови, всѣхъ какъ быть надобно подрумянилъ, чемъ ни попало. Но когда

рашоборцы наши принялись за свои добрыя рогатины, то онъ позапорошивъ имъ глаза сажею сгребая и кидая ее обѣими руками, которой ему не занимать стало, за благоразсудилъ оборотиться вѣдьмою и убраться въ трубу повыше, что къ удивленію всѣхъ предстоящихъ такъ проворно сдѣлалъ, что опричь столбомъ ходящей сажи въ кухнѣ, вдругъ ничего стало не видно. Етакой проклятой оборотень! — Между тѣмъ Господинъ дому имѣлъ время придти въ себя, и узнавъ все достовѣрно, прогонителямъ крѣпостнаго своего бѣса, за толикое ихъ усердіе, вздумалъ прибавить на закуску нещитая того, что они получили отъ трубочиста, и въ знакъ должныя своея благодарности велѣлъ ихъ проводить со двора своего, какъ возможно лучше, не жалѣя ни рукъ, ни колья. Во исполненіе сего господскаго приказа, одержимые *Нечистымъ духомъ*, исцѣлителей своихъ такъ изрядно на растаньяхъ укачали, уподчивали, что сій не вспомнили, за чѣмъ пришли, и поворотили изъ Пугніева назадъ во всю прыть — откуда взялись ноги? — На добромъ рысакѣ успѣвать за ними было въ пору. Имъ казалось, что все за ними гонятся. О закупкѣ товаровъ и о ярмонкѣ тутъ ни слова. Но отбѣжавъ етакъ верстъ пятокъ, высуня языкъ, они осмѣлились оглянуться, и видя себя внѣ опасности, рыси своей поубавили, уговорились или лучше сказать, принудились

идти легче, съ роздыхомъ. Но поелику каждой изъ нихъ наровилъ, чтобы не остаться назади, а быть въ передней шеренгѣ, или по крайней мѣрѣ въ середней, ради всякаго случая, а имянно, чтобы не попасть первому въ когти; то и послѣ условія сего шествіе ихъ мало чемъ разнилось отъ прежняго. Однако они начали тутъ побахоривать, и о чемъ же? — все объ одномъ своемъ *нечистомъ*, котораго они въ тотъ день сподобились видѣть своими глазами, осязать своими руками, и обратно. „Тото дзиво ребя„ци! у насъ въ Посехоньѣ, раздобаривали „они, домовой ходиць толко по ноцамъ до „пѣуновъ, да и то невицимкой, а тутъ ока„янной поосерець бѣла дня, и люцѣй не по„лохоитца. — Да мытъ ево цосно оттоптцы„вали" Много и премного они кое чево о семъ разсуждали. Они о семъ толковали разно. Иной бахвалился своею храбростію и смѣльствомъ; другой съ простоты говорилъ о передрягѣ, какую себѣ отъ *Нечистаго* и имъ одержимыхъ видѣлъ: третій изъявлялъ сожалѣніе свое о бѣдныхъ Пугніевцахъ; но всѣ единодушно закаявались ходить впредь на ярмонку, ни за другимъ чемъ въ *Пуцнієво*. Такъ они и вспомнили, за чемъ ходили, да ужъ поздо — не ворочаться стало — многія довольныя причины ихъ отъ сего удерживали; но одно дѣльцо, котораго я не скажу; было всѣхъ причинъ причиннѣе. Если они и остановливались на возвратномъ

пути своемъ, то весьма мало, и для причинъ самыхъ важныхъ и переговоровъ необходимѣйшихъ. Но бѣшеные Свѣтовидовы кони не дѣлали имъ компаніи для подобныхъ ихнымъ нуждъ и побасокъ. Они безъ разсужденія повиновались вождю своему, и уже весьма не далеко были отъ предѣловъ раздѣляющихъ день отъ вечера, какъ наши Галантомы завидѣли съ горы сельцо *Закуряево*. Радость ихъ была при семъ видѣніи неописанна. Ибо сельцо сіе по близости своей къ ихъ родинѣ, а особливо по имѣвшейся въ немъ винной продажѣ, имъ было такъ знакомо, какъ свое *Посехонье*. И такъ напрягши послѣднія свои силы, они принялись въ полтора полотнища кроить шаги свои, удвоили скорость движенія мышцъ, бѣжали заскаля лбы и выпуча глаза, и за то правду сказать въ *Закуряево* поспѣли прежде, нежели оные свѣтловолосаго бога возницы кони во свои стойла. Здѣсь рѣшились они взять себѣ покой до утрія, и отъ сугубаго перелому, то есть: какъ нравственнаго, такъ и физическаго хорошенько полѣчиться Закуряевскимъ зеленымъ бальзамомъ. Почему и привалили они прямо къ казенной аптекѣ, украшенной изъвнѣ еловыми лапками. И какъ имъ въ етотъ день умыться и вытереться было недосужно, то они въ Закуряевѣ по деревенскому быту представили собою маскерадъ довольно веселой. Однако имъ самимъ было не до того — сложились въ

складчину — тяпнули по доброй чаркѣ, клюнули по другой, давай еще по третьей — только подноси, да не обноси — всѣ стали живѣе, бодрѣе — боль въ костяхъ какъ рукой сняло, сердце ныть перестало — духъ храбрости оживотворился. Словомъ, все пошло другое. Но какъ въ семьѣ не безъ урода; то и между ими замѣшался одинъ фалалей именемъ *Микѳха*, которой ни пилъ съ ними, ни тѣшился, а только изъ подлобья на куликавшихъ товарищей поглядывалъ. Надобно вѣдать, что етотъ *Микѳха* былъ парень молодой, дюжой, зажиточнаго отца сынъ и въ винѣ еще неискусившійся. Товарищи его долго просили, подчивали, уговаривали, ублажали, но безъ успѣха. Покуда хмѣлинушка не разъигралась путемъ въ головушкахъ ихъ, онъ все кое какъ отказывался; отнѣкивался, отговаривался. Но убѣдѣтельнѣйшіе ихъ доводы принудили его выпить для удовольствія и за здравіе кампаніи сперва сладенькаго медку, потомъ съ пивцомъ, тамъ съ винцомъ, а подъ конецъ и голенькаго простачка — и непивоха нашъ подъ конецъ такъ разохотился что лилъ себѣ на лобъ все безъ разбору какъ воду, и уже не требуя подчиванья, самъ присусѣдился къ растворенной плохѣ такъ плотно, что толчаса мѣсто съ нею полабзившись, такъ одурѣлъ, словно бѣлены объѣлся — ахъ, батюшки свѣты! какихъ, какихъ штукъ онъ тогда не выкидывалъ! — ужъ тото прямо было чего

и послушать и поглядѣть. Какими, какими не воспѣвалъ онъ голосами! — кричалъ благимъ матомъ, хрипѣлъ, стоналъ, мычалъ, ворчалъ — кривлялся, билъ, ломалъ, бросалъ, топталъ — или попросту плясалъ, писалъ М. отбивалъ головою часы объ стѣну, считалъ носомъ половницы, руками же при всемъ безпамятствѣ дѣйствовалъ такъ исправно и мѣтко, что развѣ рѣдкому изъ земляковъ его не досталось по доброму отпечатку отъ оныхъ, а иной и гораздо довольно схватилъ себѣ отъ нево тепленькихъ. Словомъ, онъ колобродилъ, блажилъ и куралесилъ до тѣхъ поръ, покуда была мочь, и въ сіе малое время оказалъ столько мужества и проворства, что подчивальщики его ужъ сами не ради были своимъ затѣямъ, а его храбрости. Весьма вѣроятно что онъ съ подобными шутками провозился бы еще долѣе, если бы силы его не отреклись во все служить ему. Съ нимъ случилось то, что по пословицѣ буркѣ причиняютъ крутыя горки. Подобно сей рьяной лошадкѣ споткнулся и палъ нацъ доброй молодецъ. Какое вдругъ неожиданное зрѣлище! поглядите пожалуйте — се онъ лежитъ распростертъ яко древо, но не древо — звѣрь? не звѣрь — кому же уподобить его? безгласенъ, безчувственъ, недвижимъ. И судя по его виду, безъ сомнѣнія былъ бы положенъ подъ свя-

тые, еслибы нѣкія дѣйствія природы, старающейся переработать его ошибку, не подавали еще знаку о его живности — за обморокомъ его скоро послѣдовавшіе ики воздымали грудь его, какъ добрыя дрожжи опару, или лучше, какъ раздувальный мѣхъ легкій пепелъ. Невинные и принужденные свидѣтели его пированія, испужавшись такой казни, спрятались совсѣмъ подъ лобъ. Нѣжныя розы, процвѣтавшія на щекахъ будто обдало варомъ — блѣдность покрыла все лицо — губы запеклись какъ Вестфальской окорокъ. Вотъ каковъ нашъ теперь *Микѣха!* — любезная юность! блюди красоту свою и цѣломудріе — ето еще незрѣлые и не всѣ плоды піянства; они чѣмъ спѣлѣе, тѣмъ ядовитѣе. Ты видишь, сколь опасно дружество съ развращенными, и сколь блиско въ бесѣдѣ ихъ искушеніе, пагуба! — сказалъ бы я и еще кое что, но дѣлать поученіе другимъ и безъ меня есть кому. Естьли я обратился къ тебѣ, то единственно по любви моей. Наслаждайся ты въ непорочномъ и сладчайшемъ веселіи драгоцѣнностію лѣтъ своихъ; а я примусь опять за стариковъ своихъ, сирѣчь, за товарищей Микехиныхъ. Они видя съ парнемъ такую притчу долго не знали, чему приписать ее, но видя наконецъ ясно, что въ него вселился *нечистой д.* и именно, тотъ самой, которой имъ пока-

зался въ *Пугніевѣ*, заключили, что все ето ево окаяннаго пакости. Заключеніе ихъ, судя по дѣйствіямъ было не такъ то дурно; и чѣмъ оно вѣроподобнѣе имъ представлялось, тѣмъ глаза ихъ становились свѣтлѣе и болѣе, а волосы ежовѣе. Я говорю здѣсь о объявшемъ удальцовъ нашихъ страхѣ: но для чего молчу о ихъ уныніи, сѣтованіи, стуженіи, кои етому пучеглазу кромѣ старшинства ни чѣмъ не уступали? — Такъ — они обставъ вокругъ *Микѣху*, глядятъ на распростертое его тѣло изступленными глазами, изъявляющими душевное смущеніе и глубокую скорбь ихъ. Долгое время не отверзаютъ они устъ своихъ — стоятъ какъ стопочки, какъ вкопанные, повѣсивъ свои буйные головушки. Уже вѣнчающійся плющемъ и разъѣзжающій на львахъ и тиграхъ пухленькой красавчикъ не занимаетъ ихъ болѣе. Степенная жена, представшая въ черномъ одѣяніи съ распущенными волосами, обратила на себя все ихъ вниманіе. Тьмы разныхъ думъ и грѣзъ лѣзутъ безъ докладу въ столицы ихъ разума: то представляется имъ отчаянный Микѣхи отецъ, рыдающій о сынѣ своемъ, то мечтается жестокой и неукротимой его нравъ — Одна страсть преодолѣвается другою — питаемая любовь къ парнюхѣ, открылась тутъ всеобщею о немъ жалостію. Сія послѣдняя какъ ехидна деретъ немилосердо ихъ утробы —

вырывающіеся изъ Адамантовыхъ грудей охи, слышны были далеко на улицѣ — слезы подобно жемчугу катились изъ источниковъ своихъ по ланитамъ умащеннымъ Пугніевскою сажею — какъ быть? *Микѣха* часъ отъ часу становится недвижимѣе, разслабленнѣе, труднѣе, только и надежды, что храпитъ сердешненькой — не знаютъ, не придумаютъ, какъ пособить своему горю горемышному. Уже мрачное отчаяніе начинало изображаться на ихъ лицахъ; уже было хотѣли *Микѣху* напутствовать въ жизнь будущую, какъ вдругъ предстаетъ имъ Ангелъ утѣшитель, избавитель, въ лицѣ отставнаго служиваго *Смѣкала*, которой хотя съ перваго взгляду увидѣлъ все дѣло до полушки; однако примѣтивъ въ нихъ сильную охоту къ повѣствованію своей Исторіи, показывалъ имъ, будто ничего не знаетъ, и просилъ ихъ, ничего не утаевая, расказать все дѣло какъ что было — Тутъ у всѣхъ языки засвербѣли — каждому хотѣлось показать свое краснорѣчіе — и какъ безпорядочно они ради чрезмѣрной печали не изъяснялись; однако Смѣкала понялъ ихъ изрядно. Когда рѣчь дошла до вселенія *нечистаго д.* въ *Микѣху*, то онъ почти при каждомъ ихъ словѣ задумывался, вздрагивалъ отъ ужасу, то пожималъ плечами, то нахмуривался и качалъ

ловою, оплевывался, бормоталъ нѣкоторыя таинственныя и невнятныя слова, дѣлалъ разныя рожи, одувался и одувалъ предстоящихъ своимъ дыханіемъ осматривая каждаго съ головы до ногъ — глядѣлъ въ ставецъ съ водою — крестился на всѣ стороны; словомъ, онъ показалъ ясно, кто онъ таковъ по своей наукѣ. И когда увидѣлъ должное себѣ по званію своему уваженіе, то для куражу объявилъ имъ, что въ *Микѣхѣ* точно вселился нечистой д. и что ета проклять напущена на всѣхъ ихъ отъ лихихъ людей въ *Пуеніе*; что, если бы де онъ еще минуту укосилъ своимъ приходомъ, то бы они не то еще видѣли — что однако теперь дискать благодаря Бога имъ бояться нечево, и что самый бѣснующійся не со всѣмъ безнадеженъ, но хотя де онъ (говоря о себѣ) и самъ етой наукѣ поученъ по силѣ, однако есть де у него одна добрая пріятельница старушка, такая могучая, сильная. . . . что весь адъ трепещетъ ея заклинаній — и что на ея то силу и помощь совѣтуетъ онъ имъ положиться, а иначе. . . . что бы де и другимъ товоже, да и еще горшаго не досталось. На ушко тихонько читателю я скажу, что сія толь хвалимая чародѣйка была Смѣкалова тёща, однако пусть ето будетъ въ скобкахъ). Здѣсь весь соборъ, кромѣ аптекаря, брякнулся *Смѣкалу* въ ноги, прося и моля его о неоставленіи ихъ бѣдныхъ въ такой крайности; а сей возвысся голосъ,

продолжалъ хвалу своей знакомкѣ, изобрѣтая доводы изъ всѣхъ мѣстъ топическихъ, даже невозможныхъ, и украшая оные разными фигурами и тропами, а особливо такими, въ коихъ болѣе говорится, нежели разумѣть надобно. При чемъ не забывалъ онъ напоминать и объ угрожающей опасности.— Наконецъ видя, что рѣчью своею довольно пошатнулъ умы слушателей на свою сторону, являлъ онъ себя чувствительнымъ къ ихъ нещастію, часто потиралъ себѣ глаза изъ жалости, и досадовалъ на разстояніе, какъ оно впрочемъ было нимало, раздѣлявшее его на ту пору со всею и всего рода человѣческаго благодѣтельницею. Тутъ пошли вопросы да распросы о ея жительствѣ, и имъ указанъ былъ третій домъ, шагахъ етакъ въ пятидесяти, насупротивъ той аптеки, гдѣ они закупали лѣкарство. Похваловѣщатель побѣжалъ прежде одинъ къ возлюбленной своей Ѳеѣ, яко бы предварить ее, дабы нечаяннымъ толь многихъ постороннихъ людей приходомъ, не помѣшать ей въ какихъ нибудь важныхъ упражненіяхъ, не обеспокоить ее безвременно, и тѣмъ не испортить всего дѣла; разставаясь же далъ имъ честное слово и вѣрную руку, всѣми силами своими стараться о ихъ пользѣ, обѣщаясь при томъ возвратиться къ нимъ, какъ возможно скорѣе. Сколь ни отрывисто было сіе раставаніе; однако онъ успѣлъ наточить имъ еще не мало лясъ, кои всѣ были

іняты за сущую истинну—бѣснующагося
ѣлъ онъ хорошенько скрутить пеньковымъ
ченымъ свивальникомъ, чтобы хворой
бился; за неимѣніемъ же пристойныхъ
илокъ, положить его на телегу, тутъ
чившуюся, покрыть цѣновкою, словомъ,
ть въ готовности къ маршу по первому
ь него сигналу — по наставленію сего
рднаго посредника, скоро все было изго-
влено, сдѣлано — и страждущимъ состра-
іемъ на животѣ тутъ нѣсколько поот-
о — Ибо лучи надежды озарили скорбію
аченныя сердца ихъ. — Чрезъ четверть
а возвратился ихъ утѣшитель, изъявляя
ами своими радость о успѣхѣ своего хо-
тайства. Онъ имъ объявилъ въ корот-
ъ словахъ, чтобы они не теряя времени,
нимъ какъ можно скорѣе слѣдовали, ска-
зая, что сердобольная его пріятельница
человѣколюбію своему помочь имъ рада
ъ всего сердца; ежели будетъ только спо-
ъ; — но обладающей толикими талантами
что есть въ свѣтѣ невозможнаго? — И
къ, жаждущіе изцѣленія подхватя телегу
руки шествовали съ крѣпкимъ упованіе-
за ходатаемъ своимъ къ дому речен-
я избавительницы — пришли — ворота
яли не заперты — у коихъ не по заслу-
ъ своимъ встрѣчены они самою госпо-
о дома, коей, по наставленію *Слѣкала*,
въ одинъ темпъ грянули челомъ въ мать
ру землю такъ бойко, что лбами своими

чуть подворотни и съ воротами не спорушали — При всемъ томъ введены они весьма благосклонно въ аудіенцъ-залу, гдѣ по приказу той же добренькой хозяюшки, обвитаго крутыми пеньковыми пеленами снявъ съ одра положили на столъ, и поставили подъ образа въ передній уголъ. — Пусть онъ немножко тутъ полежитъ, а мы между тѣмъ посмотримъ другихъ лицъ дѣйствующихъ. *Ѳадѣевна*, такъ называлась госпожа дому, пробормотала какія-то изъ науки своей слова надъ тѣломъ, и сдѣлавъ нѣсколько преудивительныхъ тѣлодвиженій обратилась къ предстоящимъ, и просила ихъ честію выдти вонъ и проводить ночь безъ опасенія въ подклѣтяхъ, сказывая имъ, что они тутъ могутъ до смерти переполохаться, когда она будетъ имѣть дѣло съ такимъ ужаснымъ духомъ, каковъ есть вселившійся (здѣсь назвала она его такимъ именемъ, котораго въ другой разъ ей и самой не выговорить бы); и что де сверьхъ того онъ будучи изгнанъ изъ *Микѣхи* можетъ вселиться въ кого нибудь изъ нихъ, и что ей отъ того будетъ только двойная работа. Она такъ хорошо и счастливо описала имъ *Нечистаго*, и трудность его изженения, что слушателей ея еще ничего невидя, подрало по кожѣ — и они въ торопяхъ и наполохавшись вмѣсто всѣхъ отвѣтовъ возили только поклоны, моля ее тихимъ и дрожащимъ голосомъ о помилованіи. О положеніи лицъ ихъ на се

разъ я не говорю уже. Наконецъ со всемъ откланялись — ушли. Восхищенная старуженція пожелавъ имъ доброй ночи и спокойнаго сна всѣхъ перекстила по своему, обнадеживая, сколь впрочемъ великаго труда ей стоить не будетъ, исцѣлить со всѣмъ къ Матрію бѣснующагося — *Сидкалъ* проводилъ ихъ на предреченный ночлегъ, наносилъ и разослалъ имъ соломы для повалки, да правду сказать и не даромъ — онъ впустивъ всѣхъ въ подклѣти вмѣсто молитвы на сонъ грядущимъ, прочиталъ имъ изъ головы свое поученіе, коимъ старался ихъ усовѣстить или увѣрить, что для изгнанія и преодоленія *Нечистаго* нужны неминуемо денежки, а имянно, что для сего потребны разные корешки, порошки, душки, камешки, составы химическіе, инструменты физическіе и проч. и проч. кои де всѣ вещи продаются великою цѣною, и что хотя благодѣтельница его, будучи сама человѣкъ незажиточной, по скромности и добродушію своему имъ и ни чего о семъ не упоминала; однако де имъ самимъ, какъ честнымъ и благороднымъ людямъ, надобно знать честь и чувствовать цѣну благодѣянія — прибавляя, что Богъ никому не даетъ прямо съ небеси хлѣба, а всякой де отъ своихъ собственныхъ трудовъ имѣетъ себѣ прокормленіе; но что прочемъ онъ отдаетъ все сіе на ихъ добрую волю, а только напоминаетъ, чтобы имъ опослѣ не мучиться совѣстію, не воздавъ по мѣрѣ

силъ своихъ за толикое себѣ благодѣяніе. — Въ продолженіе сея предики слушатели *Смѣкаловы* поглядывая одинъ на другаго изъ подлобья, взаимнымъ прищуриваніемъ глазъ и мгновеннымъ повертываніемъ на бокъ головы, давали другъ другу знать, что *Смѣкалъ* другъ и Патронъ ихъ говоритъ, какъ самая премудрость. — И такъ они тотчасъ скинулись безъ щоту — изъ благодарности — за свое собственное избавленіе, и чрезъ сего своего посредника били челомъ бабушкѣ *Ѳадѣевнѣ* чуть ни цѣлою шапицею ходячей разной монеты. Тутъ *Смѣкалъ* оставилъ ихъ со знаками искреннѣйшаго дружества, зачуралъ и приперъ такимъ замкомъ, котораго не беретъ самая разрывъ трава; а самъ, яко учавствователь въ толь важномъ дѣлѣ, спѣшилъ на помочь своей великой Мейстеринѣ, которая увидѣвъ его съ такою ношею ахнула, обмерла отъ удивленія, и забывъ на ту пору важность предлежащаго себѣ подвига, и дряхлость лѣтъ своихъ, чуть не пошла выкидывать ногами, яко Иродіа виномъ упившаяся. Подмастерье ее высыпавъ изъ шапки на столъ знаки одержанной имъ благодарности, и раскладывая оные мѣрными кучками былъ въ неменьшемъ ея восторгѣ — и такъ будучи наединѣ, безъ свидѣтелей, они по наукѣ своей вступили въ разныя между собою совѣщанія; какъ *Микѣха*, у котораго внутри пылала Гекла, попросилъ испить, и тѣмъ прервалъ

ихъ разглагольствіе — и они опасаясь, чтобы паціентъ ихъ прежде операціи не исцѣлился сномъ, тотчасъ къ нему подбѣжали, и затушивъ огонь принялись валять его и покачивать, крича ужасающимъ голосомъ, и тѣлодвиженіями своими давая знать, якобы все борятся съ невидимою силою вражіею — короче сказать, они такъ хорошо нащекотали ему бока, брюховину и спину, что онъ пришелъ въ чувство, и отъ бѣса избавился нѣсколькими часами ранѣе, нежели какъ бы быть надлежало. И когда дурь изъ головы у него гораздо повышла, то *Слѣкалъ* принялъ трудъ возвѣстить молодымъ своимъ, опочивающимъ въ подклѣтяхъ, что *Нечистой* изъ бѣднаго парня ихъ вытуренъ, да и добрымъ мастерствомъ, что больной де теперь въ совершенномъ разумѣ, и хотя еще отъ надсады немношко поохиваетъ, однако де все ето ужъ ничево и пройдетъ весьма скоро — послѣ сего онъ представилъ ихъ самой *Ѳадѣевнѣ*, которая въ тѣ минуты въ послѣдній разъ окачивала съ песта *Микѣху* для совершеннаго его очищенія отъ духа нечести; и молодые наши видя бѣсновавшагося въ навечеріи уже сидяща, несвязанна, разговаривающа, какъ быть надобно, словомъ, почти совсѣмъ здрава, обомлѣли отъ радости, и не совѣтуясь много съ черезами своими, старались ей изъявить кой лично свою благодарность. Бабушка имѣла мягкое сердце, была жалостлива и ко

всѣмъ бѣднымъ милостива; и потому просить себя долго не заставила. Тутъ подходятъ они всѣ къ Микѣхѣ для поздравленія, оглядываютъ его кругомъ, съ ногъ до головы, распрашиваютъ его о томъ, о семъ — какъ онъ проводилъ ночь, что чувствовалъ при выходѣ дцьявола, помнитъ ли, какъ онъ его вчера мучилъ и проч. на что *Микѣха* имъ отвѣтствовалъ кратко, что етакой ужести родясь не видывалъ, и что съ сихъ поръ закажетъ другу и ворогу ходить, за чемъ бы то ни было, въ *Пуженіево*. — Голосъ, съ какимъ онъ произнесъ сіи послѣднія слова, всѣхъ словно кипяткомъ обдалъ. Но усердный *Слѣкалъ* взялся избавить ихъ отъ сего страха, и *Микѣху* совсѣмъ поставить на ноги, предлагая имъ, чтобы они дали ему по одной только гривнѣ, а ужъ онъ де знаетъ, что дѣлать далѣе — вдругъ сложились, денежки вручили, и *Слѣкалъ* стремглавъ бросился въ аптеку за лѣкарствомъ — минутъ черезъ десять явился онъ опять предъ собраніе, и съ чемъ же? съ двумя превеликими графинами живой воды! *Микѣхѣ* для подкрѣпленія силъ задалъ онъ первому хорошій пріемъ, а потомъ и другимъ по очереди, не забывая себя и любимой своей тещушки. За первымъ пріемомъ оглушилъ онъ всѣхъ другихъ. Пошли дружескіе разговоры да раздабары — бесѣда становилась часъ отъ часу живѣе и веселѣе — *Микѣха* къ обѣду совсѣмъ исправился, или лучше, наклюкался

какъ красная клюковка — около полудни они изъ *Закурляева* выступили въ путь, такъ довольны и всѣ радошны, что и гайки нема, и на третій день къ вечеру прибыли восвояси преблагополучно. Жены, сестры и ребятишки, наказывавшія имъ купить себѣ и тово и сево, и потому ожидавшія возвращенія ихъ съ крайнею нетерпѣливостію, выбѣжали встрѣчать ихъ за версту, бросались къ нимъ на шеи, цѣловали, миловали; но за всѣ свои ласки, вмѣсто чаемыхъ гостинцовъ и обновокъ себѣ, должны были удовольствоваться единымъ повѣствованіемъ заломныхъ подвиговъ, подъятыхъ ими въ семъ преславномъ путешествіи.

ПОСЫЛКА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Кто какъ другой, а у меня обычай такой: коли взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Пусть кто считаетъ, какъ хочетъ; а я свое дѣло знаю — кому не любо не слушай, а намъ не мешай.— Во время возвратнаго путешествія изъ Пугиева, бредовыя сандаліи нашихъ пешиметровъ такъ сильно проголодались, что надобно было неотмѣнно или заткнуть имъ разинутую пасть,

чтобъ онѣ еще сколько нибудь послужили, или ужъ со всемъ бросить. И послѣднее сказуемое было гораздо сходнѣе. Ибо первое, въ дорогѣ досугъ ли за етакою бездѣлицею валандаться, а второе, гдѣ ты возмешь всѣ къ тому принадлежности, какъ то костыли, колодки, лыки и проч. — Я говорю о томъ, что прошлецы всесвѣтные, пробираясь домой наутіокъ, парадныя свои лапотки такъ славно отшляндали, что ноги обливались красными слезами просили себѣ обновки. Товаромъ етимъ хотя и не было тогда такого порядочнаго торгу, какъ нынѣ; однако сыскать его и особливо съ наличными — и еще такимъ проидошамъ, какъ наши, нечего не стоило. Знали добрые молодцы, что товаръ сей по необходимости своей, хотя не такъ въ знатномъ количествѣ, важивался во всякомъ домѣ. И такъ имъ и снилось и видѣлось, какъ бы только поскорѣе добраться до станціи — наконецъ уже къ вечеру, кое какъ впробось приволоклись они до селенія, безъ дальнаго разбору стали на ночлегъ, и отдохнувъ нѣсколько, чтобы было чемъ дома побахвалить, спрашивали у хозяина самаго лучшаго лапотнаго мастера. Къ счастію ихъ, хозяинъ сей былъ знатокъ, мастеръ, какого они съ толикимъ домогательствомъ искали. Гостепріимецъ о талантѣ своемъ не утаилъ отъ гостей ничего, а объявилъ все, что надобно; и коли правду сказать, то онъ доказалъ на самомъ дѣлѣ, что

ихъ не обманывалъ. Ибо когда путешественники пожелали видѣть опытъ его искуства, то онъ для удовлетворенія любопытства ихъ вмигъ сбѣжавъ на подволоку, притащилъ оттуда до нѣсколька пудовъ своей работы, всякихъ — рѣдкихъ и частыхъ, большихъ и малыхъ, и бредовыхъ, и липовыхъ и берестяныхъ, простыхъ и съ подковыркою, безъ ушковъ и съ оборками — изволь всякъ выбирать себѣ любыя — между тѣмъ мастера тово жена стараясь соблюсти долгъ гостепріимства, по силѣ своей принесла для гостей цѣлое беремя чистенькихъ партяночекъ.— Увидѣвъ вдругъ предъ глазами и почти не ожидая такое сокровище захожіе обомлѣли отъ радости, и на оное бросились съ такимъ устремленіемъ, какъ будто бы имъ все ето было кинуто на драку. Бросились, повторяю, начали — почали — хватать, подергивать, рвать, толкаться, пихаться, что только гляди, да усовъ береги — и хозяинъ уже не зналъ, какъ ихъ успокоить, и привести въ чувство, боясь, чтобы дѣло не дошло до худова. Однако наконецъ арясиной, доставшейся ему послѣ дяди Герасима, ихъ поумялъ, образумилъ, усовѣстилъ. Тогда онъ велѣлъ имъ брать, смотрѣть, выбирать, примѣривать, порядочно, легонько, безъ запальчивости не торопясь. Ребята были послухмяны; и такъ дѣло пошло своимъ чередомъ: выбрали, примѣрили, обулись, не могутъ наглядѣться на прекрасныя свои нож-

ки. расхаживаютъ взадъ и передъ но палатѣ. выфинтываютъ на похвальбу другъ передъ другомъ — такъ любо, что инда ушки смѣются: „вотъ давно бы такъ, Господа, говоритъ имъ хозяинъ; поздравляю васъ „съ обновками; дай Богъ вамъ ихъ въ радости сносить, да поскорѣе ко мнѣ за новыми приходить, а теперь, коли не будетъ „вамъ въ трудъ, прошу пораздѣлаться.“ Предложеніе сіе было принято весьма благосклонно — разщитались дружески, расплатились честно — обѣ стороны остались предовольны, а наша сверхъ того и безъ заботы. Теперь выглядятъ, хошъ бы куда, ребята. Ротозѣямъ пожалуй вольно себѣ пускать всё мимо ушей, и самыя полезнѣйшія вещи оставлять безъ всякаго замѣчанія. Въ число зѣвакъ живо врютились бы и наши проидоши, если бы одинъ человѣкъ изъ компаніи ихъ именемъ *Замахинъ*, остроуміемъ и дальновидностію своею не выскребъ пятна сего. Такъ — дѣйствительно. Между тамъ какъ всякой за себя раздѣлывался съ хозяиномъ, сей отмѣннаго ума и проницанія мужъ, старающійся все обращать въ свою пользу, не зѣвалъ вмѣстѣ съ товарищами своими попустому. Онъ замѣтилъ, что цѣна лаптей пропорціональна величинѣ ихъ, то есть: чѣмъ больше лапти, тѣмъ и цѣна имъ больше, а чѣмъ меньше, тѣмъ меньше. Однако, чтобы не прошибиться въ своей спекуляціи, онъ при отходѣ просилъ у са-

маго мастера на примѣчанія свои изъясненія, которой отвѣтами своими совершенно подтвердилъ его мнѣніе. И чтожъ бы, вы думаете, сдѣлалъ нашъ *Замахинъ*? Не такъ то скоро догадаешся — все сіе смотавъ себѣ хорошенько на усъ, онъ сдѣлалъ въ премудрой головѣ своей заключеніе такое, что самыя большія лапти будутъ самыя дорогія. И такъ пришедъ домой, не теряя времени принялся за исполненіе своего проекта, и на первой случай, сплетши одну парочку величиною въ свой ростъ, вывезъ на базаръ ее продавать; ета парочка была столь дорога, что никто не могъ не только купить ее, но и даже приторговаться не осмѣлился. Нѣкоторые мелкотравчатые купцы, смотря завистливыми глазами на сіе превосходнѣйшее издѣліе, говорили ему съ злобною усмѣшкою, что ето не лапти сдѣланы, а лодки, и что на нихъ можно ловить рыбу, ежелибъ только придѣлать весла. Но сія мнимая насмѣшка не только не обескуражила нашего *Замахина*, но еще подала ему поводъ къ новому и неслыханному дотолѣ предпріятію. Онъ сравнивъ тогда цѣну лаптей, съ цѣною лодки, нашелъ, что дѣлать послѣднія, и особливо съ его искуствомъ, несравненно будетъ прибыточнѣе и славнѣе. И такъ не мѣшкая болѣе на базарѣ рѣшился поворотить бурку свою ко двору, и сперва сіи лапотки мало дѣло поправивъ въ фасонѣ, упечь за хорошую цѣну, а тамъ уже поступать въ искуствѣ своемъ и далѣе. Ка-

кой имѣла успѣхъ сія дальновидная предпріимчивость, толковать нечево.

Въ заключеніе скажу я тебѣ не выдуманное отъ себя, ниже слышанное отъ другихъ, но нѣчто такое, что я собственными моими глазами видѣлъ, а ушами слышалъ. Исторію надобно начинать отъ корня — нѣсколько тому лѣтъ назадъ, здѣсь на Выборгской сторонѣ, разбивали примѣрно городокъ. Куда всякаго званія пола и возраста собралось зрителей такое множество, что и смѣты не было. Да правду сказать, было чево и полюбопытствовать — какъ хватитъ изъ пушки, то земля подъ тобою у-у-у такъ и стонетъ родимая, а послѣ когда взорвало крѣпостцу, то такая пошла потѣха, что чаю, и дѣдамъ нашимъ не въ память. Однако теперъ не объ етомъ дѣло. Прежде нежели начали разбивать городокъ, мнѣ прилучилось стоять недалеко отъ той галлереи, которая была сдѣлана для знатныхъ. Подлѣ меня стояла ватажка мужичковъ, повидимому въ городѣ еще небывалыхъ, кромѣ одного *Ванюхи*, которой предъ товарищами своими старался на похвальбу выкидывать разныя штуки. Стоявшему близь меня незнакомцу, что то вздумалось ихъ спросить: *Кой городъ, ребята!* И какъ они въ отвѣтъ сказали: *Посехонья, родцимой!* то я, будучи ничѣмъ незанятъ, сталъ смотрѣть на нихъ по внимательнѣе,

зная, что они чемъ нибудь да себя покажутъ, какъ то и дѣйствительно скоро сбылось. Здѣсь мимоходомъ надобно сказать, что ето было около осенняго равноденствія, то есть: въ такое время, когда яблоками, грушами, баргамотами и другими иноземными плодами у насъ такъ загромождена бываетъ биржа, что отъ бочекъ и ящиковъ съ оными почти проходу нѣтъ; и слѣдственно, когда отъ припѣвовъ перебивающей симъ лакомымъ товаромъ братіи, нигдѣ укрыться не можно. По улицамъ, по подоконью, на мостахъ, по перекресткамъ, въ саду, на Невскомъ, въ Гостиномъ, за городомъ, на гульбищахъ, вездѣ, всюду праздношатающіеся дерутъ во все горло: ябл. лим. груш. баргомот. хорош. Но извѣстно, что чѣмъ больше гдѣ собраніе, тѣмъ и прислужниковъ сихъ сбирается больше. И ужъ можно сказать такіе подлипалы, балясники, что не хотя развернешься, а особливо на знакомствѣ — даромъ что неучены политикѣ. Въ глазахъ моихъ было ихъ братьи, сирѣчь, съ корзинками и лотками, около полдесятка. И одинъ изъ нихъ подскочивъ къ предметамъ моего вниманія, припѣвомъ своимъ прельстилъ ихъ какъ Сирена. Раскрылъ тотчасъ корзину, показывалъ свой товаръ, хвалилъ, такъ что они глядя на заморскіе фрукты, не могли управляться со слюною. Такъ у нихъ зубъ свистѣлъ на прекрасныя яблочки! ибо

сии все находящееся въ корзинѣ, какъ то: померанцы. лимоны и проч. почитали яблоками. Однако по новости своей не надѣясь на себя чрезъ посредника въ переговорахъ съ симъ торгашемъ употребили знакомца своего *Власу*, такъ какъ человѣка опытнаго и бывалаго, которой вдругъ пріосанясь спрашивалъ у разнощика самыхъ лучшихъ Бульскихъ яблоковъ. Хотя рѣчь его и не весьма была вразумительна; однако продавецъ понялъ ее изрядно. И поглядѣвъ нѣсколько въ глаза купцамъ своимъ, вмѣсто яблоковъ, что то вздумалъ рекомендовать имъ померанцы и лимоны, и то не лучшіе, иль по крайней мѣрѣ средственные, а самую гниль. Изъ сего мнѣ не трудно было заключить, что етотъ плутъ, забѣжалъ въ Питеръ нашихъ нѣсколько поранѣе. И какъ было тутъ произошло нѣкоторое сомнѣніе, то разнощикъ ссылался на знающаго *Власу*, а сей боясь, чтобы не подать о себѣ худаго мнѣнія и какъ нибудь не остаться въ дуракахъ, рѣшился взять сторону разнощикову, шишулуя въ сердцахъ противорѣчащихъ себѣ товарищей сущими невѣждами. И такъ съ помощію продавца, онъ ихъ увѣрилъ, что показываемая гниль, суть точно Бульскія наилучшія яблоки, и что такая внѣшность доказываетъ совершенную зрѣлость и отмѣнной вкусъ плода. На словахъ его стало — торгъ конченъ — лимоны куплены и раздѣлены по братіи —

Ванюха, сколько у него уста ни драло, ѣлъ ихъ такъ, что не могъ нахвалиться, не смотря на то, что деревенщина, не привыкшая еще къ высокому вкусу, прикусывая оныя, строила лицомъ разныя потягушки, и непрестанно оплевывалась — однако никто изъ товарищей не смѣлъ похаить его выбора. Такую онъ пріобрѣлъ себѣ довѣренность! Послѣ сей лестной поблажки, *Ванюха* отчасу больше дѣлалъ проказъ, и земляковъ своихъ приводилъ въ крайнее удивленіе вольнымъ своимъ обхожденіемъ, проворствомъ и знаніемъ свѣта. Онъ показывалъ имъ все достойное любопытства, толковалъ, разсказывалъ; какъ напримѣръ: Вотъ ето то, ето для тово и для тово — ето такой-то — ето такая-то и проч. „Екъ, екъ ребяци! „гутарили между себя удивленные его слу„шатели, Ванюха насъ акъ наторѣлъ, смо„триця-ко, акъ іонъ похажывае, да повин„тывае, таки во вся его не узнацьбы.“ *Ванюхѣ*, — которой всѣ разговоры ихъ слышалъ, показалась похвала сія слаще меду — И онъ вдругъ какъ послѣ доброй чарки, сталъ еще смѣлѣе, веселѣе, важнѣе; живѣе — выступаетъ мѣрно, держится, какъ будто стоночка, смотритъ прижмурясь. словомъ въ *Ванюхѣ* все было отмѣнно, недоставало одного только лорнета, моднаго фрака, пуховой шляпы, шелковыхъ чулковъ. серебреныхъ пряжекъ, и еще койкакихъ бездѣлицъ. О! да кабы

ему эти прикрасы, то совсѣмъ бы господчикъ совершенный Петиметръ! — И такъ онъ будучи въ толикомъ о талантахъ своихъ и знаніи свѣтскаго обхожденія восхищеніи, а болѣе для показанія передъ земляками удальства своего; подходитъ онъ къ реченной галлереѣ близехонько, мѣшается со знатностію, приступаетъ на крыльцо, не спуская самъ глазъ со своихъ товарищей. Торжественная похвала и чрезмѣрное удивленіе послѣднихъ его ободряютъ — *Ванюха* хотѣлъ было еще далѣе, еще выше; какъ вдругъ на ту пору откуда ни взялись человѣка четыре въ сѣромъ одѣяніи съ синими воротниками и обшлагами — ну знаете, что при всенародныхъ зрѣлищахъ расхаживали тогда съ тросточками для соблюденія порядка и благочинія. Можетъ быть имъ биться отъ правительства и не велѣно; однако они видно на етотъ разъ забылись, и больше дѣйствовали руками, нежели языкомъ—примкнули бывалова доброва молодца со всѣхъ сторонъ, прихватили повоенному, и такъ начали ожучивать, что *Ванюха* нашъ не только отъ ихъ и галлереи, да и отъ земляковъ своихъ ударился въ народъ опрометью. И я къ сожалѣнію только его и видѣлъ. Послѣ хотя мнѣ товарищи его и попались, только его тутъ съ ними ужъ не было — И мнѣ не льзя было спровѣдать, дождался ли онъ какъ городокъ разбивать стали, или прямо махнулъ на свою фатеру. По всему вѣроятію заключить можно, что

е такъ спинѣ, головѣ и бокамъ его были чувствительны палочныя впечатлѣнія, сколько ушѣ его несносно было безчестіе, претерпѣнное предъ глазами своихъ лишь изъ деревни прилетщихся лапотниковъ. Ибо—Солдаты и первое — его встрѣтили: о! о! ворона! Куда ты ѣзешь?—за чѣмъ?—Отъ толь нечаяннаго привѣтствія *Ванюха* весь измѣнился—Лице его уподобися бѣлому плату. Товарищи же его, кои а минуту предъ тѣмъ не умѣли довольно осхвалить его достоинства и надивить я досыта его дарованіямъ, глядя на него мѣстѣ съ другими зубоскалами надрывали ивотики свои съ хохоту. — Вотъ какъ скоро преходитъ слава человѣческая!!! —

ПОСЫЛКА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Но льзя ли изобразить совершенно всѣ тличительныя черты предлежащихъ слову нашему удалыхъ добрыхъ молодцовъ? Они столь живы, предпріимчивы, дѣятельны, такіе хваты, такіе верченые супостаты, что не посидятъ на одномъ мѣстѣ. Гораздо, о! гораздо въ меньшемъ затрудненіи ываетъ рисовальщикъ, старающійся срисовать отмѣнной красоты бабочку, каждое гновеніе перелетывающую съ куста на устъ, съ листочка на листокъ, съ цвѣточа на цвѣтокъ. Самая вѣрная кисть его не спѣваетъ слѣдовать за игривымъ и рѣз-

вымъ ея полетомъ. Такъ! — Небо долго приготовлялось, чтобы произвесть въ бытіе такихъ остроумниковъ, такихъ спекулаторовъ и чудодѣевъ. Вотъ вамъ, мои читатели отъ разсказовъ ветхихъ и новыхъ прабабушекъ, на ето доказательство, и доказательство, кажется, неподверженное никакому сомнѣнію, могущее увѣрить самаго сомнѣній учителя Пиррона. Тутъ не льзя сдѣлать никакихъ возраженій. Вѣдь, что правда, то правда. Коли я вижу гдѣ дымъ, то заключаю, что тамъ вѣрно есть и огонь. Послушайте же и почудитесь — Прославляемые нами, по всѣмъ отношеніямъ, въ истинномъ смыслѣ, великіе и вѣками раждающіеся мужи Пошехонцы по возвращеніи своемъ изъ послѣдняго путешествія, не успѣли еще поздороваться съ родными своими, раздѣться, поужинать хорошенько и отдохнуть послѣ многотруднаго своего странствованія, и ужъ успѣли всё пронюхать, вывѣдать и узнать, что не боль далече отъ преславнаго ихъ града, близь знакомаго имъ сельца Му-ухина, верстъ етакъ за сто, въ дремучемъ лѣсу лежитъ въ берлогѣ подъ хворостомъ преужасный медвѣдь, отъ вѣка не только невиданный, но и неслыханный, величиною съ лошадь, или по крайней мѣрѣ съ Черкаскаго быка, а взглядомъ — Уфъ! по кожѣ подираетъ! Кто и нашихъ Рускихъ простыхъ муравейниковъ видалъ живыхъ и на

одѣ, тотъ возъимѣетъ объ етомъ изъ Брынкихъ или Польскихъ лѣсовъ выходцѣ дольное понятіе. „Охци, хци, вопили они е попусци Господци погибнуць намъ отъ ентова людоѣда. О кабы Богъ далъ намъ домертва устосацъ его, или живьемъ взяць, и привесць на веревочкѣ домой на удзивленіе всему бѣлу свѣту! Ну—да цево полохацься? вѣць мы пойзёмъ ватагою, и всё изъ удалыхъ удальци!“ Конечно — знали они изъ древней Исторіи, что Тезей одинъ и маловшенъ еще ухлопалъ человѣкоядца Минотавра, (*) знали что Персей убилъ морское

) Минотавръ былъ, коли угодно кому знать, чудовище, состоящее изъ полу-человѣка и полу-быка. Дедалъ, Царь Аѳинскій, соорудилъ пречудесный лабиринтъ для заключенія въ немъ сего ужаснаго чудовища, питавшагося одною человѣческою плотію. Аѳиняне бывъ побѣждены въ войну съ Миносомъ, Царемъ Критскимъ, за убіеніе сына его Андрогея, по мирному договору обязаны были чрезъ каждые семь лѣтъ присылать въ Критъ по семи младыхъ отроковъ и по семи-дѣвицъ на съѣденіе сему чудовищу. Жестокой етотъ договоръ три раза былъ выполненъ; но въ четвертый срокъ, когда палъ жребій на Тезея, то сей Герой умертвилъ чудовище, и освободилъ отечество свое отъ толь поносной дани.

чудовище уже разверзнувшее страшную пасть свою на поглощеніе прекрасной, но преславной Андромеды, дочери Цефея Царя Еѳіопскаго — — что Геркулесъ устосалъ многоглавую Гидру Лернейскую (*), и разодралъ однимъ махомъ челюсти страшнѣйшаго льва, словомъ, знали они всѣ доблественные подвиги и походы древнихъ рыцарей, знали всѣ притчи во языцѣхъ; однако какъ люди умные, прозорливые и опытные, чтобы не попасть какъ нибудь въ просакъ и не промешулиться, почли за надежнѣйшее и всего лучшее провозгласить по всѣмъ дворамъ и домамъ чрезвычайное собра-

---

(*) Гидра Лернейская была ужасный змѣй, порожденный стоглавымъ Гигантомъ Тифомомъ и человѣкозміевидною ехидною. Етой Гидрѣ иные даютъ три головы, другіе семь, нѣкоторые девять, а иные пятьдесятъ, и при томъ такъ, что естьли отрубишь одну, то на мѣсто ея тотчасъ родится другая, если язвины не обозжешь огнемъ. Ядъ чудовища сего былъ столь тонокъ, что стрѣла омоченная имъ была смертоносна. Ета Гидра дѣлала ужасное опустошеніе въ поляхъ и въ стадахъ по окрестностямъ Лернейскаго озера. Но преславнѣйшій изъ всѣхъ въ свѣтѣ богатырь Геркулесъ убилъ ее, при всѣхъ употребленныхъ ею въ битвѣ съ нимъ хитростяхъ.

ніе, дабы обще посовѣтовать и подумать, какъ бы поступить въ етомъ важномъ и небезопасномъ предпріятіи, т. е. какъ бы своего лютаго врага подцѣпить врасплохъ. Умъ дискать хорошъ, а два, три и болѣе, еще тово лучше. У нашихъ философовъ всегда такое правило: чѣмъ больше, тѣмъ лучше. И вотъ какъ у нихъ, Господа! Что вздумано, сказано одинъ разъ, то считай сдѣлано. Тутъ не станутъ перетолковывать и вести дѣло въ проволочку. Да и не правда ли что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ай, да самохвацкія головушки! мышцы ваши яко мѣдяны, груди адамантовы, руки желѣзныя, души геройскія, а умы парятъ по поднебесью, Експромтныя даже сужденія ваши не хуже стихій Евклидовыхъ; ваши простыя и обыкновенныя между собою раздобары, или лясы суть теоремы Геометрическія: а по сему и превосходящія всякій умъ и смыслъ человѣческій ваши дѣянія пребудутъ незабвенны и достопамятны въ лѣтописяхъ до скончанія міра сего. —

Но пренесемся мыслями во всеобщее предметовъ нашихъ собраніе — взойдемъ на широкій дворъ предводителя ихнова дворянства Ѳоки Антипыча. Здѣсь всѣ славнѣйшіе ихъ ораторы; здѣсь всё политики, всё дипломатики. Вотъ ужъ, что называется: никого изъ щоту не выкинешь. Уже вся Пошехонская Министерія собралась сюда, съѣхалась. Но слышите ли вы,

какой шумъ и разногласіе на совѣтномъ дворѣ? — Видите ли вы какое волненіе на вѣчѣ ихъ? Да и льзя ли согласиться вдругъ всѣмъ на одно? можно ли всѣмъ потрафить въ одну цѣль? — У всякаго свой умъ Царь въ головѣ. Ой! Ой! о! — пошла было пируха, да и чуть не въ оба уха — однако не бойтесь слишкомъ, читатели — волненіе по малу утихаетъ, шумъ умолкаетъ. Чу! чу! прислушайтесь сквозь плетень. Самъ Гарпократъ съ приложеннымъ ко устамъ своимъ указательнымъ перстомъ, проявляется среди знаменитаго и многолюднаго толпища судей и совѣтниковъ. Се тишина и миръ водворяются въ главноприсутственное мѣсто. А посему будьте покойны, читатели, подождите только крошечку. Скоро, скоро всё пойдетъ и своимъ чередомъ и своимъ порядкомъ. Вѣдь ето не старый баснословный Гарпократъ продрался въ присутствіе; но самъ Ѳока Антипыцъ, Алфа и Омега премудрости, продирается во среду собранія. состоящаго изъ воистинну сыновъ отечества; и продравшись со жемчужнымъ крупнымъ потомъ на лицѣ своемъ, прерывающимся отъ давки голосомъ возговоритъ имъ такія словеса: „Ахъ братцы, сотова„рищи, сподвижники мои, удалыя умныя „головушки! засѣданіе наше всё тянется, да „протягивается. Къ единомысленной, рѣши„тельной Сентенціи и подумы нѣтъ. Ваши

„умы разумы, и заключенія ихъ идутъ всѣ „нарозно. Такъ не лучше ли намъ ребятуш„ки, раздѣлишься на двѣ ровныя половинуш„ки; раздѣлимся и посмотримъ со здравымъ „разсужденіемъ. отринувъ всякое предразсу„жденіе, или злый какій помыселъ, которая „палата разумовъ верхъ возметъ, на тую „и всѣ подладимся, склонимся, согласимся всѣ „на одно что нибудь, и ужъ сдѣлаемъ одинъ „конецъ.“ Теперь отдохнёмъ немножко читатели; отъ противоборствія всѣ члены совѣта устали! — — — Но Ѳ. Антипыць подаетъ свой первой, значительнѣйшій голосъ во всемъ собраніи; И всѣ наши Лорды и Милорды по наученію Ѳ. А. раздѣлились по Англинскому манеру на двѣ палаты, или на два Парламента, т. е, на верхній и нижній. Въ сихъ обоихъ верховрисутственныхъ палатахъ, старѣйшіе, убо и разумнѣйшіе наши Перы, Лорды и Милорды опредѣлили быть непрерывному засѣданію, а именно, въ верхней палатѣ отъ захожденія солнца до восхожденія его, а въ нижней отъ восхожденія солнца до захожденія его. По многимъ перемолвкамъ, переговорамъ и перекликамъ изъ одной палаты въ другую переносившимся, наконецъ въ обѣихъ положено, рѣшено единогласно и за неумѣніемъ грамотѣ по три креста + + + подписано подъ скрѣпою выборнаго, (такъ какъ по нашему Секретаря, или еще и Оберъ-Секретаря): „*Главнокомандоваць надъ всѣми Ѳокъ „Антипыцу.*“ — Теперь ужъ не долго ждать

вамъ читатели развяски, не театральной какой либо, не выдуманной, а на дѣлѣ, на опытѣ развязанной и распутанной. Смотрите хорошенько. — Вотъ выступаетъ, маршируетъ все сонмище вкупѣ, грядетъ съ вѣрою и несомнѣнною надеждою сокрушить своего супостата лютаго. Съ миромъ — братцы самоополченнички! Увасъ есть храбрый, мудрый вождь, предъидетъ вамъ самъ съ усамъ Ѳока Антипыцъ. — Ахъ, что ето за прекрасное, преславное видѣніе! — ето сущая лейбъ-гвардія! смотритеко, какъ они бодро, весело стоятъ фронтомъ, всѣ готовы къ бою, не только съ медвѣдемъ, да хошъ съ самымъ чортомъ, подъ предводительствомъ стариннѣйшаго дворянина Ѳоки Антипыца. Ну, ужъ хвацко, да и прехвацко робяци! — съ Богомъ — Щастливой вамъ путь! Помоги вамъ Господи! — Подхватите намъ поживѣе етого мохнатошерстнаго чертополоха! Прощайся, читатель, съ рыцарями темнобураго руна. Вѣдь ты видѣлъ, что они изъ города своего выступили, вышли, вырвались, или попросту сказать, бросились опрометью, чуть не сломя голову. Куда? извѣстно въ походъ. Въ чемъ? во всемъ своемъ воинскомъ облеченіи — съ топорами, рогатинами, сѣкирами, бердышами, буркольцами, ножами и вязовыми дубинами, со сворами собакъ, и при томъ съ лыжами, не для того, чтобы ихъ въ случаѣ неудачи, что называется, навострить, но чтобы ско-

рѣе ближе подбѣжать къ медвѣдю и скрутить его. „Вотъ тутъ-то медвѣжка дурацына, „устой, (бахорили они въ маршѣ своемъ) гдѣ „кисель густой.“ — Ау! ау! хошь расплачься, а медьвѣдоловцы пропали у меня изъ виду вонъ, ушли, убѣжали, скрылись изъ виду вонъ. Тото — долго мы зѣвали на ихъ славной выходъ изъ Пошехонья, ротозѣяли, да и прозѣвали. — Гдѣ ихъ теперь взять, сыскать! Пустимся-ко за ними въ догоню, вотъ въ ету деревню *Вислоухово*. Ба, смотрите, А. — А. — вотъ они здѣсь родимые, вдоль по улочкѣ расхаживаютъ и Стенторовымъ голосомъ (*) по подоканью ко знакомцамъ и пріятелямъ своимъ Вислоуховцамъ восклицываютъ: „Охъ вы, гой еси, удалые, „храбры молодци, насы добрые сосѣдушки! „мы идзёмъ почцы на смёрць свою, собра„лись идземъ на изъ звѣрей звѣря, на пре„ужаснаго цѣловѣкоскотоядца, на прелюто„това, шерстомохнатова, на медвѣдзя пре„великаго, во странѣ нашего неслыханнаво, „пришедшаго въ нашу сторонушку, изъ тём„ныхъ Брынскихъ лѣсовъ дремучихъ; мы „идзёмъ на него всею нашею силою, всею „грудью Богатырскою, радци избавленья зем„ли Рускія, радзиобщаго всѣхъ насъ и васъ и

(*) Голосъ Стентора былъ звончѣе мѣди, и служилъ трубою въ Греческой арміи при осадѣ Трои.

„скопщины нашей спасенія.“ И когда на громковиททійственное возглашеніе сіе повыбѣжали, повыскакали къ нимъ изо всѣхъ дымовъ Вислоуховцы, то они къ сошедшимся имъ потайному декрету совѣта своего, тако вопіяли: „Не полохаетъ насъ шерсавое Брынское „чудище; призываемъ же во дружину къ „себѣ радци вашей чесци, славушки, радци „вашей цѣлости. Топерё мѣшкаць намъ „не льзя, нецево. Вы берицѣ рогацины „вострые, вы тоцыцѣ шопоры булатные, „собирайцѣся воровѣе и ступайцѣ съ намъ „проворнѣе.“ Вотъ, что называется краснорѣчіе истинное, убѣдительное, преклоняющее умы слушателей на свою сторону! Куда твой Демосѳенъ и Цицеронъ! Они много читали, слышали о безсмертномъ Нижегородцѣ Мининѣ, о прехрабромъ Князѣ Пожарскомъ, и первосвященникѣ Палицынѣ. Въ одинъ мигъ собрались всѣ, сготовились! — Сорокъ семь наилучшихъ, преудалыхъ охотниковъ присоединяются къ нашему полчищу. Скоро-то сказка сказывается — Но о! кабы кто видѣлъ, какъ чинно всѣ выстроились! — И Маршалъ ихъ, Ѳока Антипыць, лишь успѣлъ сиплобасымъ своимъ голосомъ гаркнуць: „*Марсъ, на право кругомъ, голову впередъ, есцо Марсъ.*“ И всѣ праву ногу вперёдъ, всѣ зашагали въ равномѣрный темпъ, соблюдая во всей точности достодолжные интервалы, (по ихному дистанціи,

или другъ отъ друга разстоянія, почесали, помахали прямо по носу, ко берлогу звѣря лютаго. — — И такимъ-то побытомъ, они шедъ, крича во всё горло по перепутнымъ деревнямъ, сельцамъ, склонили, собрали всего людства, считая съ собою, до пяти сотъ, вооруженныхъ со подошвы ногъ до самой макушки, и соверхъ сама темячка, преудалыхъ, самыхъ лихихъ ратоборниковъ, храбровоиновъ. — О! гдѣ бы намъ со всѣми ими останавливаться на всѣхъ перепутьяхъ на всѣхъ роздыхахъ, во всякой деревнѣ, деревушкѣ, смотрѣть на всѣ ихъ входы и исходы, и слушать ихъ провозглашенія? Ето было бы слишкомъ долго, а пуще, для инаго и скучно. Лучше станемъ-ко къ концу подвигаться. Я знаю по себѣ самомъ, равно какъ и мои читатели, что полезнѣйшія наставленія, и поучительнѣйшія сказанія когда нѣсколько протягиваются, приводятъ насъ въ нѣкое нетерпѣніе и пожеланіе скорѣйшаго оныхъ окончанія. И простите меня, читатели; пишу всё, что придётъ въ голову. Ни Историки, ни лѣтописатели, не предали намъ ни одной сего рода повѣсти. Всё надобно самому догадываться и держать ухо востро; а то пожалуй — и ворона въ ротъ влетитъ.

Да не полно ли намъ толковать о козлиной шерсти? — Я вотъ, сударь мой, что

хочу донести вашей милости: Вышеобъявленнымъ образомъ Ирои наши шедши, или бѣжавъ запыхавшись ко предмету своихъ мерещившихся имъ лавровъ, почестей, въ послѣдней деревушкѣ нашли себѣ колоновожатыхъ, провожатыхъ, всѣхъ вооруженныхъ, на всякую пору, время, дреколіемъ, рогатинами, бердышами. И вотъ — Уже прибыли они во густой, дремучій лѣсъ! подходятъ близёхонько кошатру богатоубранному—поговариваютъ, побрякиваютъ своею збруею; Но хозяинъ своего дома, лежитъ ухомъ не ведя, въ своей теплой постелюшкѣ, сапитъ, держа во рту свою рученьку, храпитъ, не пробуждается. Какъ отдать ему визитъ свой, или попросту подступить подъ него, удалыя наши головушки не пригадаютъ, не придумаютъ. Самъ Антипыцъ стоитъ призадумавшись, нахмуривъ свои густыя брови на бѣлый, блестящій снѣгъ.— Какъ выходитъ изъ за темной тучи, изъ за густаго, чернаго облака, красно, свѣтлое солнышко; такъ выскакиваетъ изъ средины ополченія удалецъ, храброй молодецъ, Яшка сынъ Тришкинъ, на всѣ четыре стороны покланяется, и такими словесы похваляется: „Охъ, вы гой еси брацья мои, охотницки, „вы дайцѣ ко мнѣ верёвку долгу, крѣпкую, „иль опояски васы ремённыя. Я одзинъ иду „на цуцелу, и пока спитъ скручу его накрѣп„ко, привяжу за лапы толстыя, и на показъ „всѣмъ вамъ изъ логовища вытасцу, какъ „щенёнька, иль котёныша.“ Тутъ всѣ слу-

шатели стали распоясоваться, и накидали ему цѣлую охапку самыхъ надёжныхъ опоясокъ. И по наставленію его связавъ ихъ крѣпко накрѣпко по обоимъ концамъ сдѣлали глухія пешли, самодавныя. „Ну, ступай съ Бо„гомъ Ясынька, да глядзи поворовѣй привод„зи его сюда къ намъ окаяннаго — говорятъ „ему всѣ тихимъ, радостнымъ голосомъ, что „бы знашь, не разбудзиць цорта прежде про„сонья его.“ Яшка сынъ Тришкинъ совсѣмъ готовъ, — пустился—крадется на цыпочкахъ къ уединенному берлогу четырелапаго пустынножителя. На случай же, какъ говорится, какова пора не время, опоясался онъ однимъ концомъ длинной, надежной бичовки, а за другой велѣлъ тотчасъ тащить себя, какъ во время ратоборства у него съ лютоѣдомъ верёвка задрыгаетъ. И такъ пробирается онъ, пролезаетъ въ темную спальню Медвѣдеву, и прямо пырь ему въ глаза, и бухъ въ отверстыя его соострыми когтями объятія. Какъ же почалъ, началъ проклятой бѣсъ нашего Яшку повертывать, прижимать ко своей нѣжной, теплой груди, и чесать зубками своими его шею, головушку, а язычкомъ перьхоть облизывать, то бичовка не только задрыгала но и натянулась струна струной, затрещала, и чуть, чуть не разорвалась. — Ибо сильный медвѣдь потянулъ уже его за шиворотокъ въ свою страшную столовую, чтобы честнымъ образомъ расплатиться съ нимъ раздѣлаться за нахальное наглое

во укромный зимній дворецъ его вторженіе. Антипыцъ и съ нимъ всѣ знатнѣйшіе чиновники, видя и чувствуя, что веревку у нихъ сильно рвётъ изъ рукъ вонъ, воскликнули о! о! іо, разомъ! вдругъ махнули, подернули всею силою молодецкою, и вымахнули изъ подъельнику одно туловище Яшки Тришкина безъ головы и шапочки, по самыя могучи плеча какъ тупымъ косаремъ отпиленое, а не острой бритвой ровно отрѣзанное. Но да пусть покамѣстъ полежитъ покойникъ нашъ на бѣломъ снѣгу. Теперь приходитъ дѣло не до него. Медвѣдь вышелъ изъ своей спальни, и прямо лезитъ на охотниковъ, нарушителей своего спокойствія. „Ну, ой, о, ну, ребяци, „принимайцѣсь борзей за востры копья, бер„дыши, рогацины! стоицѣ крѣпче, плотнѣй „грудзью — выступайцѣ харабёрнѣе — Ну! „у! у! — доканаемъ цорша лютаго, возгла„шаетъ имъ Антипыцъ самъ: Усь — возы! „возы! бери, возьми! держи, охапь, коли, рѣжь, „руби, дави!“ — Тутъ всѣ на Брынскаго выходца бросились какъ ястребы на голубей, горлицъ, или лучше, какъ голодные тигры, лютые, на младое слабое животнопорожденіе. Да и ужъ правду сказать; вотъ, что называется, нашла коса на камень! Поломались со проклятымъ своимъ ц. побарахтались, повозились, потѣшили свои ретивы сердечушки — Въ етомъ небезстрашномъ для другихъ дѣлѣ Егоркѣ выборному, какъ ножемъ пропоролъ

Макарыцу Соцкому изъ спины два ремня выкроилъ, Филюхѣ изъ черепа кровь пустилъ, Петрускѣ удальцу три пальца съ лѣвой руки оторвалъ, а безъ Контузіи, и царапинъ развѣ изъ сотни кто одинъ остался — пріятель Етотъ кому рожу разрумянилъ, какъ карминомъ, кому косточки расправилъ, такъ что ни руками, ни ногами владѣть, да и съ мѣста пошевелиться не даётъ. Однако ладно! — досталось же и ему окаянному. Его не только уломали, сокротили, но и до смерци устосали! — Глядите — вотъ уже начинаютъ его свѣжить, и снимать съ него полушубокъ — сорвали въ серцахъ полушубокъ скоро на скоро, и наряжаютъ въ него обезглавленное, мертвое тѣло Якова Трифоныца, падшаго со славою на полѣ сраженія. Кладутъ его во сани старосты лубовыя, а медвѣдя шельму, разбойника, съ головы до ногъ, какъ Сидорову козу, ободранаго валятъ на самы больши дровни, не увязаныя, непокрытыя, и нарочно для него съ собой изъ дому привлеченныя.

И когда совсѣмъ уже управились, то стали собираться на свою родиму сторонушку. Вотъ уже навострили свои лыжи вспять, только не на попятный дворъ, какъ говорится о другихъ трусу празнующихъ; а увѣнчаны вѣнками лавровыми, со славою, въ двѣ трубы провозглашающею великіе ихъ подвиги. — Крянулись всѣ со мѣста битвы, не плоше куликова поля, иль мамаева побоища. — Они не идутъ, бѣгутъ, катятся, и выступаютъ изъ лѣсу, обѣими руками вытаскивая свои сандаліи и ноги изъ снѣгу, (разумѣются тѣ, у коихъ лыжъ не было), на большу дорогу, широкую, убитую ими, какъ

Московскую. — Выстраиваются, какъ слѣдуетъ рыцарямъ, не завоевателямъ златаго руна, но побѣдителямъ всецѣлаго чудища, со всѣмъ саломъ его и косками. (А вѣдь, медвѣжій жиръ, знаете, куды какъ хорошъ отъ многихъ припадковъ) !! —

Теперь все дѣло къ концу приведено. Надобно и намъ поскорѣе кончить свое повѣствованіе, можетъ быть, для иныхъ и малозабавное и не такъ-то складное. И такъ всѣ, скажу, пошли, помаршировали, каждой восвояси, радуясь своей надъ врагомъ побѣдѣ и одолѣніи. Перепутные соподвижники Пошехонцовъ разошлись по своимъ селеніямъ и домамъ, да и наши уже богатыри приближаются къ своему граду со древнихъ временъ славящемуся доблестію своихъ жителей. Тутъ выходятъ, иль бѣгутъ имъ на встрѣтеніе къ самымъ тріумфальнымъ воротамъ жоны, дѣти, сестры, матери, отцы, братья малые. — При семъ свиданіи съ одной стороны торжество, тріумфъ, выступь бодрая, величавая; а съ другой, всѣ земно покланяются и прославляютъ своихъ избавителей. И такимъ побытомъ тріумфаторы наши идутъ, ѣдутъ, везутъ, волокутъ изувѣченныхъ на брани, по самымъ лучшимъ проспектамъ, улицамъ. Какое множество по всѣмъ стогнамъ зрителей, возглашающихъ свою сердечную радость и удивленіе! — Уже всѣ привалили ко широкимъ воротамъ Ѳ. Антипыца, разсмахиваютъ покровъ и на показъ всѣмъ сваливаютъ съ дровней свою добычу хвацкую, молодецкую. И не говоря уже о другихъ легко раненыхъ чуть не забыли вспомнить о закутанномъ въ медвѣжью шубу обезглавленномъ Яковѣ Трифоныцѣ. Да, за будутъ! — Уже

шуба съ него, яко вѣчный и драгоцѣнный памятникъ, скинута, и виситъ у старостиныхъ воротъ распялена на большихъ желѣзныхъ крючьяхъ, что бы всѣ видѣли и дивовались удальству ихъ и мужеству, а поконникъ лежитъ просто въ саняхъ въ своемъ собственномъ одѣяніи, только что безъ рукавицъ и безъ шапки. И когда побѣдители трофеями своими надоволились досыта, и похвальными себѣ пѣснями натѣшилась, то всѣ бросились глядѣть удалова добра молодца сына Трифоныца гладятъ разсматриваютъ, а головы и ухарской шапки его, всѣми отъ мала довелика знаемой не видятъ, дивятся и спрашиваютъ другъ дружку." Да былаль у него голова, какъ онъ „съ намъ отселева пошолъ, а особливо, какъ изо всѣхъ первой, и одзинъ на выскоцку на „медвѣдзя кинулся, бросился?" — Всѣ стоятъ въ превеликомъ недоумѣніи: рѣшительнаго и вѣрнаго никто ничево сказать не можетъ. — По нѣкоторомъ молчаніи и думаньи вскликнули: „О! о! да мы ето узнамъ отъ жонки его Ѳедуловны, вѣдць ѥона „за нёмъ слишкомъ десяць лѣтъ, такъ ѥона „вѣрно знаетъ, была ли у мужа её голова: „Пойдзёмцѣ, спросимъ её самою." — Вдругъ побѣжали къ Ѳедуловнѣ и спрашиваютъ ее: „Былаль у твово Трифоныца голова, какъ „за нево выслa и жила съ нимъ, и какъ ѥонъ „съ намъ на медвѣдзя посшолъ?" Здѣсь Ѳедуловна сама поизумилась, призадумалась — и говоритъ имъ: „Я право сама не помню „етаво — однако дайцѣ мнѣ подумаць пога„даць — да, прослава году купилъ онъ себѣ „шапку Малахай съ ушами къ Петрову дню, „такъ разсудзицѣ самы: На что бы ёму поку-

„нашь было, и я цѣперь вспомнила, что у Три-„фоныца мово была голова, шея, двѣ руки и „двѣ ноги.“ Тутъ всѣ ей повѣрили, убѣдившись столь остроумнымъ доказательствомъ и разошлись по своимъ палатамъ жаркотопленнымъ, всякъ держа въ умѣ крѣпко на крѣпко, какъ бы на завтрѣе съ достодолжмою честію, славою похоронить Трифоныца, и съ нимъ еще нѣкоторыхъ тоже удалыхъ робятъ. Да ужъ, какіе знатные и похороны были! а поминовеніе! — и расказать вамъ хорошенько не умѣю: блины, пироги, супы, соусы, жаркія, кисели, заѣдокъ тьма! всякой всячины наставлены были полныя блюда и чашки! а мёдъ, пиво, вино, и всякаго рода горячее лилось, словно изъ Петерговскаго Самсона. Ибо все сдѣлано, изготовлено на мірской коштъ — И даже кожурина медвѣжья съ головою и лапами поднесена всѣмъ обществомъ Ѳедуловнѣ, какъ приснопамятный трофей неустрашимости и смѣльства усопшаго мужа её и друга искренняго.

Но скрасимъ хоть концомъ, какъ въ скаскахъ водится, повеселѣе, а именно: Я тамъ былъ, медъ, пиво пилъ, по усамъ текло а въ ротъ не попало (*).

(*) Вѣдь остроумный Кардиналъ д'Естъ сказалъ же въ шутки забавному Аріосту: *Dove Diavolo, Messer Ludovico, avete pigliate tante coglioneirie?*

ЗАБАВНЫЙ СЛОВАРЬ,

СЛУЖАЩІЙ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

КЪ АНЕКДОТАМЪ ПОШЕХОНЦОВЪ

В. БЕРЕЗАЙСКАГО.

Смѣяся правду говорить,
Что намъ можетъ воспретить?

Горацій.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Карла Крайя.
1821.

Печатать позволено.

С Петербургъ, Января 11 дня 1821 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтн. и Кав.

Ив. Тимковской.

А.

Авторъ. — Опекунъ чужихъ умовъ.

Авторъ въ переводѣ. — Временщикъ во гнѣвѣ.

Авось. — Словечко лестное, но обманьчивое.

Азбука. — Составляющая всю ученость многихъ, думающихъ гораздо о себѣ болѣе.

Алмазъ. — Кремешокъ, которой во всякой глазъ кидаетъ искры.

Аминь. — Врачей верхъ искуства; а мотовъ безполезное сознаніе въ содѣянныхъ ими лютыхъ.

Амуръ. — Пригоженькое, но слѣпое дитя.

Апрѣля первое число. — Ныньче, чуть ли не всякой день Апрѣля первое число.

Аптека. — Столовая смерти.

Аптекарь. — Другъ той головки, которая изображается на кладбищныхъ монументахъ.

Ариѳметика. — Наука щитать богатому свое, а бѣдному чужое.

Артемиза. — Жена, прославившаяся любовію къ своему мужу Мавзолу (по баснословію).

Архива. — Неприкосновенный прахъ временъ, напоминающій иногда судейскія взятки.

Атласъ. — Ихъ два рода: бумажный и шелковый. Послѣдній у всѣхъ предпочитается первому.

Ахъ! — У подлипалъ обманъ, у прекраснаго пола слабость, неуступающая обману, у сочинителей, и особливо стихотворцевъ — жаръ похожій иногда на крещенскій морозъ, что честныхъ людей по кожѣ подираетъ.

Аѳеистъ. — См. *Безбожникъ*.

Б.

Балъ. — Выставка внѣшнихъ достоинствъ.

Банкрутъ. — Торгашь, богатѣющій разореніемъ другихъ.

Банкрутство. — Панихида по совѣсти.

Баня. — Иногда холодная бываетъ жарче топленой.

Безбожникъ. — Египтяне представляли его въ видѣ человѣка, имѣющаго глаза на подошвахъ.

Безмолвіе. — Пророческій образъ вѣчности.

Безсмертіе Ироевъ. — Покупается иногда смертію простолюдимовъ.

Безстыдникъ. — Тоже что и пробочный мужичокъ съ свинцовой головкой, котораго какъ ни щелкай по носу, или по головѣ, онъ все становится прямо на ногахъ.

Библіотека. — Сборъ чужихъ умовъ, а для нашего ума она тоже, что аптека для тѣла: Обѣ онѣ доказываютъ нашу немощь.

Благодарность. — Рѣдкая вещь (cosa rara), въ нынѣшнемъ свѣтѣ.

Бракъ. — Поминокъ по любви.

Богатство отцовъ. — Не помощь глупымъ наслѣдникамъ.

Богачь. — Часто или самъ несправедливъ, или наслѣдникъ несправедливыхъ.

Божба. — Не всегда вѣрная монета.

Бренность. — Сопутница времени.

Бриллiантъ. — Игрушка многихъ во всѣхъ возрастахъ.

Болванъ. — Дѣло рукъ человѣческихъ, головою похожее на человѣческую.

Болтанье. — Первое простыхъ бабъ достоинство.

Болѣзни. — Жатва для врачей.

Бумага. — Отпечатокъ ума, а не рѣдко и безумiя.

Буря. — Образъ нашей жизни: Одни тонутъ, а другiе спасаются.

Бухгалтерiя. — Искуство вычислять чужое имущество, часто при своей бѣдности.

Бѣдность. — Твердый щитъ противу стрѣлъ зависти; но вмѣстѣ и гробъ всѣхъ достоинствъ и дарованiй нашихъ.

Бѣлилы. — Пособiе не безхитростное для явнаго обмана глазъ нашихъ.

В.

Важность. — Занятiе собою богатыхъ и полу-ученыхъ дураковъ.

Величiе. — Многихъ состоитъ въ одномъ только имени, и особливо вдали.

Велѣть. — Всякой можетъ, да не всякой исполнитъ.

מספרי א. דרויענוב
תל:אביב

Вино. — Правда, веселитъ сердце человѣка и полезно стомаха ради; но неумѣренное употребленіе его стыдъ мужу, женѣ же студъ и безчестіе.

Вкусъ. — Вкусы суть разные: иной любитъ свинину, а другой осетрину.

Взятки. — Встарину у Приказныхъ были: Масштабъ для измѣренія правоты челобитчиковъ.

Воздержаніе. — Добродѣтель всѣми похваляемая, но нынѣ не всегда исполняется.

Война. — Искуство и счастіе убивать другъ друга.

Войско. — Въ немъ пѣхота суть руки, конница ноги, средина войска туловище, а Полководецъ голова.

Воображеніе. — Огромный магазинъ, въ которомъ хранятся разнаго рода мысли.

Вопросъ. — Самой глупой можетъ удобнѣе его сдѣлать, нежели самой умной на него отвѣчать.

Воръ. — Маленькой какъ муха въ паутинѣ увязаетъ; а большой какъ шершень прорываетъ паутину, и улетаетъ цѣлъ и невредимъ.

Воспитаніе. — Часто иногда одна только красивая личина.

Врачь. — Его производятъ иные отъ глагола *вру*, а другіе отъ имени *врагъ*.

Вредъ. — Вредно всѣхъ сдѣлать учителями: 1-е учениковъ не будетъ, 2-е выдутъ разные толки.

Вѣрность. — Женскаго рода, но только по Грамматикѣ.

Выздоравливаніе. — Сатира на лѣкарей.

Высокія достоинства. — Суть крутыя скалы, на кои или взлетаетъ орелъ, или всползаетъ змѣя.

Г.

Глупость. — Качество хотя и всеобщее, но никѣмъ въ себѣ не усматриваемое.

Голодъ. — Наилучшій въ свѣтѣ поваръ.

Гордость. — Крайнее забвеніе самаго себя.

Гортань. — Причина многихъ дѣйствій.

Грабить. — Искуство скоро разживаться.

Грамматика. — Тоже для языка, что опытная Физика для поясненія натуры.

Гробъ. — Цѣлой домъ, только безъ оконъ; полагающій предѣлъ затѣямъ человѣческимъ.

Гроза. — Пробудительница закоснѣвшей совѣсти.

Господство. — Власть умничать и глупому.

Гости. — Для доброхотовъ помощники убивать время, а для скупыхъ самыя несносныя лица.

Гнѣвъ. — Никогда не сопровождается удовольствіемъ.

Д.

Даемъ. — Большею частію тѣмъ, отъ кого надѣемся получить болѣе.

Деньги. — Вещь бездушная, повелѣвающая иногда и нами.

Дитя. — Есть претрудная задача. Теперь оно увеселяется пустыми игрушками, а со временемъ можетъ вознестись до высоты Неба, оказать знаменитѣйшіе подвиги добродѣтели, или низринуться въ бездну невѣжества и пороковъ.

Добродѣтель. — Часто у другихъ бываетъ лисій хвостъ, да волчій ротъ.

Довольный. — Кто ничего болѣе не желаетъ,

Докторъ. — Всѣ мы славные доктора для другихъ.

Долги. — Надежный способъ не умирать со скуки безъ компаніи.

Домъ. — У насъ говорится: Не красна изба углами, а красна пирогами. И потому то Виргилій говоритъ! Non domo Dominus, sed Domino domus ornanda est. Цицеронъ тоже самое гласитъ въ Lib. 1. off.

Другъ — Встарину друзья были злато, искупленное въ горнилѣ, а нынѣ и безъ горнила они видны.

Дружба. — Сочетаніе душъ, подверженное скорой разводной.

Дураки. — И они нужны въ свѣтѣ, какъ въ картинѣ темныя краски, для оттѣненія яркихъ.

Душа. — Свое доброе, многимъ не въ догадъ.

Дѣвицы. — Весь прекрасный полъ несвязанный узами брака.

Дѣлать добро. — Не по любви къ добру, а для славы, есть уподобляться вѣш-

реной мѣльницѣ, которая тогда только дѣйствуетъ, когда дуетъ вѣтеръ.

Дѣло доброе. — Производитъ въ душѣ столь пріятное чувствованіе, что человѣкъ долженъ почитать Небеснаго Отца весьма милостивымъ, когда Онъ присоединяетъ еще къ сему и вѣчное награжденіе.

Дѣтство. — Первоначальный возрастъ человѣка, во всю его жизнь продолжающійся.

Е.

Економъ. — Богатъ, или бѣденъ, смотря потому, какъ ведетъ свое дѣло.

Еолъ, по Славянски Стрибогъ. — Богъ вѣтровъ, а паче вѣтрогоновъ.

Епитафія. — Знакъ гордости оставшихся.

Ересь. — Упрямство невѣждъ.

Ж.

Желаніе. — Тоже что и вѣчность, безпредѣльно! —

Жеманство. — Добровольныя судороги.

Жена. — Лишь изъ ребра, да и за ребро. Злая жена, таже змія. *Сирахъ.*

Женихъ. — Актёръ до свадьбы.

Жизнь. — Ночлегъ, или постоялый дворъ: а мы живемъ не думая оной оставить.

З.

Заблужденіе. — Ослѣпленіе ума.

Зависть. — Первоначальное сѣмя зла.

Зависть безмолвная — Опаснѣе вопіющей.

Завтра. — Прегорькая пилюля для заимодавцовъ.

Заимодавцы. — Гости не всегда хозяину пріятные.

Заря. — Съ нею начинаются суеты наши.

Земля. — Вмѣстѣ мать и мачиха, смотря, кто какъ до нее ласковъ.

Зеркало. — Нужно для пригожихъ и некрасивыхъ: первымъ для того, чтобы глядясь въ него не обезобразить красоты своей худымъ поведеніемъ, а другимъ для того, чтобы некрасоту свою прикрыть чистотою нравовъ и добродѣтелями.

Зима. — Образъ нашей старости.

Злакъ. — На службу человѣкамъ, со скотомъ вмѣстѣ.

Злодѣй. — Не скоро мы забудемъ Корсиканскаго выходца! —

Зло. — Часто дѣлаютъ оное въ мірѣ и дуракъ и умный, но первой по глупости а второй по злости.

Злословіе. — Любимое препровожденіе времени праздныхъ.

Змѣя. — Прежде Символъ мудрости, а нынѣ лукавства и злости.

Знаніе. — Никогда не виситъ на плечахъ.

Знатность. — Нѣкоторые полагаютъ ее въ стяжаніи долговъ, а другіе въ богатыхъ вывѣскахъ.

Знать наизусть. — Не составляетъ знанія; Ето только помнить.

ЛОТО. — Металлъ часто владычествующій надъ умами и страстями нашими.

ВНІЕ. — Не рѣдко бываетъ поводомъ къ грѣху.

БЫ — Злослова больнѣе всѣхъ кусаются; но если онъ прикуситъ имъ свой языкъ, то самъ пропадаетъ.

И.

РА ВЪ ДЕНЬГИ. — Есть забава, могущая обогатить и разорить.

ОСТРАНЦЫ. — Законодатель Ликургъ ихъ много не лакомилъ.

ТИНА. — Имя существительное, но отъ мира отвлеченное.

ПРАВЛЕНІЕ. — Гораздо легче исправиться, нежели скрыть свои пороки и обмануть людей.

ТОРИКЪ. — Говоритъ правду только тогда, когда пишетъ о прошедшемъ.

ТОРІЯ. — Поученіе потомству, которому впрочемъ внемлютъ не многіе.

К.

БАКЪ. — Перепутье любящихъ вино.

АДБИЩЕ. — Бѣльмо лѣкарямъ.

ЯТВА. — Нынѣ способъ обмануть и увѣрить иногда въ неправдѣ.

ИГИ. — У иныхъ служатъ болѣе для убранства комнатъ, нежели для украшенія ума.

Комедія. — Выставка стихотворной остроты и нашихъ пороковъ.

Консиліумъ. — Преважное собраніе иногда смѣшныхъ лицъ.

Корысть. — Кто ей изъ людей не жертвуетъ? —

Краснорѣчіе. — Хитростканная одежда правды и лжи.

Красота. — Цвѣтъ сельный.

Кредитъ. — Нынѣ выходитъ изъ моды.

Критика. — Бываетъ и отъ зависти.

Критиковать. — Легче, нежели самому сдѣлать.

Крикъ. — Чувствованіе неспособности сдѣлать по своему.

Л.

Лгать. — Есть не почитать Бога, а бояться людей.

Легковѣріе. — Признакъ невѣжества.

Лесть. — Позолоченая пилюля.

Лира. — Иная деретъ уши.

Лицемѣріе. — Есть дань платимая порокомъ добродѣтели.

Лицемѣръ. — Разщотливый плутъ.

Личина. — Святошный нарядъ, нескидываемый многими отъ святокъ до святокъ.

Ловкость. — У женщинъ сѣти, у мущинъ походитъ на безстыдство.

Ложь. — Нарядъ прикрывающій душевныя недостатки.

ЗСТЕЦЪ. — Мнимый другъ человѣку, а врагъ человѣчеству.

ЗКАРСТВО. — Задатокъ смерти.

ЗКАРЬ. — Родной братъ смерти.

ЗНОСТЬ. — Подруга скукѣ.

ІХОИМЕЦЪ. — Рѣдкой охотникъ до сложенія и умноженія тѣхъ суммъ, кои слѣдуютъ ему въ карманъ.

УНА. — И она свѣтитъ, да чужимъ свѣтомъ.

ОБОЦЫТСТВО — Человѣка вотъ къ чему должно стремиться: 1-е, чтобъ узнать человѣку, что онъ есть; 2-е, чемъ долженъ быть, и 3-е, и быть такимъ, какимъ онъ долженъ быть.

ОДИ. — Такъ заняты собою, что не имѣютъ времени подумать о другихъ.

ЗСТНИЦА. — Ее надобно мести сверьху.

М.

АСКЕРАДЪ. — Живая картина нашей жизни.

ЕЛАНХОЛІЯ. — Вывѣска душевной болѣзни.

ЕСТЬ, или МЩЕНІЕ. — Есть подлой души утѣшеніе.

ЕЧТАНІЕ. — Припадокъ Стихотворцовъ.

ИТРА. — У Персовъ солнце, а у насъ шапка.

ОДА. — Родъ прилипчивой болѣзни, которой подражаютъ дураки чтобъ казаться умными, а умные чтобъ непрослыть дураками.

ОЛВА. — Чѣмъ болѣе идетъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ.

ТОВСТВО. — Безпристрастіе къ деньгамъ.

Мудрецъ. — Вѣдь было же время, что во всей Греціи было только семеро умныхъ; а у насъ скажетъ ли хотя одинъ изъ насъ, что онъ глупъ? —

Мужество — Иные мужья уступаютъ поле битвы своимъ женамъ.

Мужъ. — Надежда дѣвушкамъ.

Музыкантъ. — Всѣ надъ музыкантомъ тѣмъ смѣются, у коего всё струны рвутся. Horat.

Мы. — Всегда благосклонны къ тѣмъ, которые намъ удивляются, но не всегда любимъ тѣхъ, коимъ сами удивляемся.

Н.

Наглость. — У иныхъ идетъ за храбрость.

Наглость слугъ. — Чемъ баринъ толще, тѣмъ и она больше.

Награжденіе. — Бываетъ одно дѣйствіе безъ всякой причины.

Надежда. — Первое и послѣднее благо человѣка въ мірѣ семъ. Потерявъ все, мы хватаемся за будущее, какъ будто бы за остальное свое имущество.

Науки. — Имѣютъ двѣ крайности. Первая крайность совершенное невѣжество, съ которымъ человѣкъ родится; а другое невѣжество, коего достигаютъ великіе умы, которые прошедъ все, что только можно знать человѣку, видятъ наконецъ, что они ничего не знаютъ.

Невѣжество. — Нищета ума, немогущая и подъ золотомъ скрыть своей бѣдности.

Невѣста. — Загадка до свадьбы.

Недоросли. — Всѣ человѣки недоростіе до зрѣлаго ума.

Непостоянство. — Мать моды, сынъ времени, любимецъ женщинъ, властелинъ щастія.

Неудача. — Лѣкарей часто щелкаетъ по носу.

Нищета. — Источникъ богатства для надѣянія получить оное.

Нравоученіе. — Преполезная наука, которой гораздо болѣе найдешь учителей, нежели исполнителей.

Няня и мама. — Суть дѣйствующія лица на сценѣ, а ввѣренные смотрѣнію ихъ дѣти, самые замѣтливые и переимчивые зрители въ партерѣ.

Наслѣдство. — Послѣднее ожиданіе мотовъ благополучія въ сей жизни.

Настоящее. — Есть мгновеніе отъ насъ уже скрывшееся.

Ничто — Не погибаетъ; все превращается во всеобщую пользу натуры.

О.

Обезьяна. — И въ золотѣ обезьяна.

Обманъ. — Монета, на которую можно вымѣнивать многое.

Обрученіе. — Рядная супружеской вѣрности и любви.

Обѣщаніе. — Знатныхъ привычка, а должниковъ нужда.

Опытность. — Наилучшая наставница нашей жизни.

Остроуміе. — Цвѣтки ума, не рѣдко вредные для того, кто ихъ неосторожно выказываетъ.

Отвѣтъ. — Оселокъ ума.

Отчаяніе. — Усугубленіе своего горя.

П.

Память. — Всѣ жалуются на память, а на умъ никто.

Пегасъ. — Для стихотворцовъ дороже Буцефала.

Переплетчикъ. — Тоже что и портной; оба рѣдко одѣваютъ по добротѣ вещи.

Печаль. — Хороша тѣмъ, что не ожесточаетъ нашего сердца при нещастіи другихъ.

Питъ. — Житель высшей планеты.

Питы посредственные, худые. — Ни богамъ, ни людямъ, ни даже столбамъ не могутъ быть сносны. Правда, хороши они тѣмъ, что спасаютъ отъ домовыхъ. См. Хемниц. Басню: *Домовой.*

Плутъ. — Увсякаго плута свой ращотъ.

Подарокъ. — Искусный стряпчій по всякимъ дѣламъ.

Подаяніе. — Обычай, проклинаемый скупыми.

Полезное. — Унасъ уступаетъ пріятному.

Политика. — Образъ баснословнаго сфинкса: она пожираетъ всѣхъ тѣхъ, кои не отгадываютъ ея загадокъ.

ОРОКЪ. — Льстивый гость изъ тартара.

ОСЛОВИЦЫ — Плодъ опытности всѣхъ народовъ, и здравомыслія всѣхъ вѣковъ, приведенныя въ краткія образцовыя правила.

ОТОМКИ. — Судіи предковъ.

ОЧТЕНІЕ. — Ничто, если мы не имѣемъ собственнаго къ себѣ почтенія.

РАЗДНОСТЬ. — Мать пороковъ.

РЕЗРѢНІЕ. — Должно быть тайнѣйшее изъ нашихъ чувствій.

РЕЛЕСТНИЦА. — Для глазъ кринъ райскій, для кармана бочка Данаидъ, для тѣла неизцѣлимая болѣзнь, для души погибель.

РИДАНОЕ. — Непослѣднее достоинство невѣстъ.

РИМѢРЪ. — Избранный урокъ для нашей жизни.

РИРОДА. — Зеркало истинны.

РИХОТЬ. — Болѣзнь, для уврачеванія коей безполезна вся медицына.

РОСТОТА. — Иногда хуже воровства.

Р.

ДОСТЬ. — Новая игрушка.

ЗГОВОРЪ. — Искуство давать говорить другимъ.

СКАЯНІЕ. — Встрѣча съ добродѣтелію.

ЗСУДОКЪ. — Поставленъ Царемъ надъ страстьми, но чаще самъ бываетъ рабомъ ихъ; (всегда ли разсудокъ Царь чувствъ нашихъ? —) Карамз.

Ревнивость. — Между страстьми тоже, что между болѣзнями бѣшенство.

Родня. — Ее любимъ богатую и уважаемъ.

Родословная. — Многовѣтвистое древо, часто неприносящее никакихъ благихъ плодовъ.

Роскошь. — Храмъ пороковъ.

Ростовщикъ. — Дай, дай подай. Ето правило вѣры его.

Румяны на щекахъ. — Розы, рукою хитрости нарисованныя.

Рядная. — Молотокъ, которымъ опредѣляется цѣна жениху и невѣстѣ.

С.

Свѣтъ сей. — Подобенъ всенародному зрѣлищу. Одни держатъ тамъ лавки и думаютъ только о прибыткѣ своемъ; а другіе ища славы на позорищѣ, подвергаютъ жизнь свою опасности, а иные смотрятъ только на игры и оными забавляются.

Свѣча. — Свѣтя другимъ, сама сгараетъ. Не можноли етого примѣнить къ человѣку? —

Скромность. — Въ дѣвицѣ первѣйшее украшеніе.

Скука. — Особенный удѣлъ богатыхъ и празднолюбцевъ.

Скупецъ. — Верхъ радости наслѣдникамъ, (разумѣется по смерти.)

Слабость ума. — Непростительнѣе всего въ сочиненіи.

Слезы. — Щастливому горесть, нещастному облегченіе.

Слово. — Есть внѣшняя мысль, а *мысль* есть внутреннее слово.

Совѣсть. — Сердечный стражъ, который иногда часто спитъ.

Сомнѣніе. — Ставень, закрывающій свѣтъ.

Сонъ. — Образъ смерти людей.

Старикъ. — Самъ Маѳусаилъ младенецъ въ разсужденіи времени.

Степенность. — Видъ вида, особливо во время молитвы.

Стихи. — Не рѣдко родителю своему бываютъ въ накладъ.

Стихотворство. — Родъ прилипчивой горячки.

Столѣтіе. — Едва примѣтный обращикъ вѣчности.

Сторожъ. — Своимъ безспокойствіемъ доставляетъ другимъ спокойствіе.

Суета. — Удѣлъ человѣческій.

Сужденіе книгъ (*Рецензія*). — Суди, но знай: 1-е. Все ли то говоритъ Сочинитель, что должно? 2-е. Не говоритъ ли онъ того, чего не надобно? и 3-е. Такъ ли онъ говоритъ, какъ должно, да самъ не судимъ будешь.

Счастіе. — Подобіе зимнихъ сосулекъ, которыя чѣмъ болѣе блестятъ, тѣмъ скорѣе растаиваютъ.

Сѣдина. — Повѣстка къ исходу отъ сего свѣта; бываетъ однако, что сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро.

Т.

Тайна. — Первый шагъ къ пороку даже въ самыхъ невинныхъ дѣяніяхъ.

Терпѣніе. — Товарищъ надежды.

Трагедія. — Жалостное сочиненіе, заставляющее часто актёровъ рыдать, а зрителей хохотать.

Трауръ. — Наружная печаль, при сердечной радости наслѣдниковъ.

Трудъ. — Сынъ нужды, отецъ довольства.

Трусость. — Лихорадка, схватывающая и самыхъ храбрецовъ.

Туалетъ. — Попечитель красоты.

Тщеславіе. — Выставка мутныхъ достоинствъ.

У.

Уборъ. — Преважное занятіе лицу человѣческому давать иную форму.

Узелъ — Сердечной самъ собою развязывается.

Улыбка. — У богача тайна, у бѣднаго откровенность.

Умничанье. — Привычка дураковъ.

Умъ. — Игралище страстей и сердца.

Упрямство. — Самая грубая глупость.

Утро. — Бывало (musis amica, *т. е. самое способнѣйшее время для ученія*); а нынѣ самой сладкой сонъ, прерывающійся для возобновленія прежнихъ дурачествъ.

Уши. — Въ случаѣ и лошадь держитъ ихъ востро.

Ф.

Фонарь — Безъ свѣчи, не лучше бутылки безъ вина.

Фурія. — Непрестаннымъ бѣшенствомъ ярящееся чудовище; древніе не напрасно уподобляли его женщинѣ съ растрепанными волосами.

Х.

Хаосъ. — Первобытное состояніе міра, и настоящія наши дѣла.

Хвалить въ лицо. — Уличать въ тщеславіи.

Хвастунъ. — Бѣднякъ, присвоивающій себѣ чужое.

Холодность. — Плодъ бракосочетанія.

Холостой. — Щастливецъ, избѣгшій ада въ этомъ свѣтѣ.

Хлѣбъ бѣднаго. — Подлинно потомъ пріобрѣтается.

Храбрость. — Безъ просвѣщенія безразсудность, звѣрство.

Ц.

Церемонія. — Важное и хлопотливое откладываніе часто весьма неважнаго дѣла.

Ч.

Часы. — Свидѣтели потеряннаго времени

Чахотка. — Пріемышь смерти.

Человѣколюбіе. — Слово сложное; и въ словарѣ его не скоро сыщешь

Человѣкъ. — Безъ просвѣщенія тоже, что солнечные часы безъ солнца.

Чести. — Часто перемѣняютъ нравы.

Ш.

Шахматъ. — Безпрестанная игра нашей жизни.

Шептаніе. — Способъ пересужать.

Школа. — Сколь бы ни была огромна, никогда не вмѣститъ всѣхъ имѣющихъ въ ней нужду.

Шпага. — Знакъ храбрости, а не рѣдко и трусости.

Шуба. — Пылкій стихотворецъ и въ лютые морозы безъ нее обойтиться можетъ. Онъ даже старается смѣшить тогда, когда у самаго окостенѣли пальцы . . . . . !

Щ.

Щеголь. — Живая вывѣска новомодной работы цѣховыхъ мастеровъ.

Щегольство. — Ухватка переимчивой обезьяны.

Щедрость. — Улика скупымъ.

Ѣ.

Ѣзда. — Укора ногамъ въ недѣятельности

Ю.

Ювелиръ. — Промышленникъ, живущій на щотъ щеголей обоего пола.

Юла. — Живый образъ вертопраха.

Юный. — И шестнадцатилѣтніе бываютъ стариками по причинѣ болѣзней, полученныхъ отъ неумѣренной жизни.

Я.

Я. — По грамматикѣ только гласная буква.

Ярость. — Урокъ фурій.

Якорь. — Два якоря знаменуютъ добрую надежду, и одержанныя на водахъ побѣды, и суть гербъ той губерніи, въ столицѣ коей сей словарь писанъ 1821 года.

PG 3321 .B436 A8 1821 C.1
Anekdoty, III, Pokhozhdenila d
Stanford University Libraries
3 6105 039 850 313

DATE DUE			
DOC APR 22 1991			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004